

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

На правах рукописи

ФЕДУЛОВ МИХАИЛ ИГОРЕВИЧ

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIV–XVI ВВ. В БАСЕЙНЕ НИЖНЕЙ СУРЫ
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

Специальность 5.6.3 Археология (исторические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук,
доцент Ю.А. Зеленеев

Чебоксары 2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Историко-культурная характеристика региона и источниковая база исследования	
1.1. Историко-культурная характеристика региона	12
1.2. Источниковая основа исследования	22
1.3. История исследования археологических памятников.	30
Глава 2. Материальная и духовная культура народов Нижнего Присурья по археологическим данным	
2.1. Поселенческая структура Нижнего Присурья во второй половине XIV–XV в.	43
2.2. Керамические комплексы	68
2.3. Орудия труда, вооружение и предметы быта	90
Глава 3. Культурно-исторические процессы во второй половине XIV–XVI вв.	
3.1. Могильники верховой группы чувашей.	110
3.2. Русская колонизация бассейна р. Суры во второй половине XIV–XVI вв.	130
Заключение	150
Список сокращений	155
Список источников и литературы	156
Приложения	182

Введение

Среднее Поволжье всегда играло особую роль в истории России. Многообразие культур, народов, религий и языков – главная характеристика региона. Исторически здесь сложилась полиэтническая картина расселения финно-угорских и тюркских народов, в которую после присоединения к России добавляется русский компонент. Возникновение пограничных контактных зон усиливало процессы этнокультурного взаимодействия. Одна из таких зон сформировалась в Нижнем Присурье во второй половине XIV–XVI вв. Здесь на сравнительно небольшой территории соприкасались культуры русских, мордвы, чувашей, марийцев и татар.

Актуальность темы. Этническая история Нижнего Присурья второй половины XIV–XVI вв. является одним из «белых пятен». Однако за последние годы интерес к средневековой истории региона со стороны археологов, историков, этнографов, лингвистов и антропологов Чувашской, Марийской, Мордовской, Татарской республик, Нижегородской и Ульяновской областей значительно возрос. К началу XXI в. был накоплен большой археологический материал об этнокультурных процессах, позволяющий выделить Нижнее Присурье в особый регион. В свете новых археологических открытий перед нами возникает задача систематизации накопленного материала, подведения некоторых итогов и определения дальнейших перспектив и задач для исследователей.

Актуальность настоящего исследования обусловливается и междисциплинарным подходом к изучению этнической истории отдельно взятого региона. В попытке интеграции археологических, этнографических и исторических источников проявляется стремление к всестороннему освещению малоизученного периода второй половины XIV–XVI вв. Такой подход позволяет расширить представление о происходивших процессах не только на выбранной территории, но и в сопредельных областях.

Степень изученности проблемы. Относительно истории Среднего Поволжья второй половины XIV–XVI вв. названная тема разрабатывалась исследователями лишь в отдельных аспектах и вопросах. В исторической литературе обнаруживается отсутствие исследований публикаций, комплексно рассматривающих археологические памятники Нижнего Присурья.

Большая часть публикаций посвящена результатам археологических исследований (В.Ф. Каховский, Б.В. Каховский, Н.Н. Грибов, Т.Б. Никитина). Анализ археологических источников, изучение динамики этнокультурного взаимодействия в регионе, исследование распространения и эволюции предметов материальной культуры представлены трудами (К.А. Руденко, Ю.А. Зеленева). Этнокультурные параллели в погребальном обряде рассматриваются в работах Т.Б. Никитиной, А.А. Степановой, Г.И. Дроздовой. Исторические источники, касающиеся средневожского региона, анализируются в трудах В.А. Кучкина, Б.М. Пудалова, В.Д. Димитриева.

Указанные научные труды достаточно полно раскрывают отдельные стороны проблемы. Вместе с тем они ограничиваются либо источниковедческими аспектами исследования региональных материалов, не касаясь этнических составляющих, либо констатируют сам факт этнокультурного взаимодействия и его отражения в археологическом материале, не затрагивая его связи с тенденциями в развитии культуры, технологий и региональными «этническими» особенностями. Диссертационное исследование является первым трудом, который объединяет разрозненные и разные по характеру содержащейся в них информации источники.

Цель диссертационного исследования состоит в комплексном изучении историко-культурных процессов в Нижнем Присурье по археологическим данным. Для достижения поставленной цели выделены следующие **задачи**:

- проанализировать историографию и источниковую базу проблемы;
- проанализировать состав находок со средневековых археологических памятников для выявления этнокультурных контактов (керамика, ремесленные изделия, украшения, монеты и др.);

- дать хронологическую и культурную оценку материалов поселенческих и погребальных памятников, часть из которых вводится в научный оборот впервые;
- раскрыть особенности, этапы и структуру колонизации районов Нижнего Присурья Нижегородско-Суздальским княжеством;
- показать влияние геополитического фактора на развитие пограничного присурского региона;
- определить роль и значение событий XIV–XVI вв. в дальнейшем развитии полиэтнического сообщества.

Объект исследования – материальная культура народов, проживавших в бассейне Нижней Суры в XIV–XVI вв.

Предмет исследования – историко-археологические особенности этнического взаимодействия в условиях полиэтнического регионального сообщества.

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XIV–XVI вв. Нижняя хронологическая граница обусловлена началом серьёзных социально-экономических и геополитических изменений во всём регионе. Золотая Орда, пережившая рассвет и наивысший подъём в первой половине XIV в., во второй половине XIV в. начинает распадаться, что приводит к установлению новой системы управления и изменяет мирное развитие региона. Вдоль левого берега р. Суры сформировалась граница Суздальско-Нижегородского княжества и началась колонизация присурских земель.

Главными показателями этого периода являлись изменения в численном и национальном составе, вынужденные миграции, изменившие расселение финно-угорских племён. Нижнее Присурье становится территорией русской колонизационной экспансии.

Верхняя хронологическая граница исследования детерминирована вхождением Среднего Поволжья в состав Русского государства. К уже существующим присурским городам-крепостям Курмыш и Васильсурск добавляется Алатырь, Ядрин. Регион развивается в культурно-историческом русле русской державы.

Географические рамки исследования охватывают бассейн Нижней Суры, правого притока р. Волги. Он расположен на стыке четырёх современных регионов – Чувашской, Марийской и Мордовской республик и Нижегородской области. Географически бассейн р. Суры разделяется на верхний, средний и нижний. Нижний участок занимает территорию от устья реки Барыш до устья Суры. В бассейн Суры входят наиболее крупные притоки – реки Пьяна, Алатырь, Бездна, Выла, Меня и ряд более мелких притоков.

Природные границы Нижнего Присурья условны, они не являются определяющими в нашем исследовании, а исходят из специфических особенностей исторических процессов. Главной особенностью является пограничное состояние Русского государства с бывшими болгарскими землями, входившими в состав Золотой Орды и Казанского ханства. Это, в свою очередь, способствовало формированию здесь сложной этнической, языковой и конфессиональной картины.

Методологическая основа исследования строится на принципах историзма, объективности, детерминизма и системности, предполагающих многоаспектный критический анализ исторических процессов в их формировании и развитии. Названные принципы ориентируют исследователя на рассмотрение исторических процессов через призму причин их возникновения, учёта всех исторических факторов и последствий, к которым они привели. Исторические факты должны рассматриваться объективно. Критический разбор источников предполагает учёт разных точек зрения и подходов. Принцип историзма опирается на общественные явления в их развитии и взаимовлиянии в конкретно-исторических условиях. Принцип системности позволяет проследить изменения в материальной культуре народов Нижнего Присурья как целостную систему.

При написании работы применялись как общенаучные методы, среди которых следует назвать анализ и синтез, дедукцию и индукцию, так и специально-исторические: сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-типологический.

В работе использовались данные полевых археологических исследований, которые были направлены на изучение материальной культуры поселений и могильников. Среди археологических методов выделяются: изучение стратиграфии поселений, датировка и определение культурной принадлежности предметов и керамики путём выделения типологических рядов и проведения сравнительного анализа.

В качестве дополнительного метода привлекается метод картографирования, позволивший создать пространственную модель поселений Курмышской округи.

Метод статистической обработки массовых данных применялся для измерения процентного соотношения керамики, количества и частоты встречающихся предметов и элементов материальной культуры.

Источники исследования. Основными источниками исследования являются материалы археологических памятников. В общей сложности были использованы публикации и отчёты по более чем 50 памятникам (42 поселения, семь городов и городищ, пять могильников, 14 монетных кладов), включая коллекции находок в музейных фондах. К данной группе источников отнесены результаты полевых исследований автора в 2003–2024 гг.

Для освещения культурно-исторических процессов XIV–XVI вв. использовались данные письменных источников (акты, летописи, географические описания, записки путешественников). Эти материалы дополнялись данными этнографии, антропологии, топонимики.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- впервые предпринято комплексное исследование процессов этнокультурного взаимодействия в Нижнем Присурье;
- проанализирован современный уровень развития историографии проблемы, на основе чего определены степень её изученности и основные концептуальные подходы и перспективы исследования;

- в ходе изучения проблемы систематизирован и подвергнут анализу обширный источниковый материал, в научный оборот введены данные новых археологических памятников;
- современный уровень научных исследований позволил провести критический анализ имевшихся материалов и дать им новую хронологическую и культурную интерпретацию, сопоставив с новыми полевыми археологическими материалами;
- междисциплинарный подход дал возможность проследить эволюцию этнокультурных процессов через призму изменений в материальной и духовной культуре присурских народов;
- исследователем уделено внимание недостаточно изученным вопросам, в том числе хронологии начальных этапов русской колонизации края, особенностям взаимодействия горных марийцев и верховых чувашей, ассимиляции мордвы;
- определена роль географического и геополитического фактора в историческом развитии Нижнего Присурья.

Практическая значимость исследования. Данные, приводимые в тексте исследования, а также выводы автора могут быть использованы как в научно-исследовательской, так и в учебно-педагогической деятельности. Уместно применение результатов диссертационного исследования при создании трудов обобщающего характера по истории средневолжского региона. Материалы и выводы могут быть использованы в ходе разработки лекций, учебных программ и пособий для преподавания общих курсов археологии, этнографии и спецкурсов по истории Чувашии, этнической истории чувашского, марийского, мордовского и русского народов в средних и высших учебных заведениях. Информация, содержащаяся в работе, может быть востребована музейными работниками и краеведами.

Соответствие паспорту специальности. Положение диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.3 – археология (исторические науки).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Коренные изменения в этнической структуре всего Волго-Уральского региона происходят в золотоордынский период. Присурье в геополитическом отношении играло роль буферной и пограничной зоны. Находясь между крупными политическими образованиями – русскими княжествами и Золотой Ордой, позднее с Казанским ханством, Присурье испытывало сильное влияние то одного, то другого государства. Сформировался полиэтнический состав населения.

2. Начальные этапы проникновения русских на территорию Нижнего Присурья необходимо рассматривать в двух направлениях и хронологических периодах. Инициированное нижегородскими князьями со второй половины XIV в. освоение новых земель не было крупномасштабным. В районе крепости Курмыш сформировалась округа из сельских поселений и малых укрепленных пунктов, расположенных по обоим берегам р. Суры. Особую роль играла монастырская колонизация угодий, пригодных для получения дополнительных источников дохода (земельные и промысловые). В XV в. колонизация правобережных территорий останавливается.

3. Со второй половины XVI в. начинается массовая правительственная колонизация. В большом количестве основываются русские селения и города, идёт интенсивный процесс обрусения мордвы в Алатырско-Порецком Присурье.

4. В материалах поселений второй половины XIV – начала XV вв. наблюдается особый набор керамической посуды, состоящий из славяноидной, русской, золотоордынской и мордовской. Присутствует вещевой импорт из русских и болгарских земель. Преобладает золотоордынская монетная система.

5. Река Сура являлась западной границей территории, на которой в XV столетии начинает формироваться этнографическая группа верховых чувашей-вирьял. В их материальной культуре, судя по материалам могильников, проявляется сильное влияние соседних горных марийцев и мордвы-эрзя.

Апробация работы. Отдельные положения и выводы диссертации были изложены на научных конференциях разного уровня, в том числе:

- межрегиональной научно-практической конференции «Современные проблемы археологии Поволжья и научное наследие В.Ф. Каховского» (19–20 декабря 2006 г., г. Чебоксары);
- региональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории Поволжья и Приуралья» (5 июня 2007 г., г. Чебоксары);
- XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (11–14 апреля 2007 г., г. Москва);
- Международной научно-практической конференции «Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность» (12–14 мая 2007 г., г. Глазов);
- научно-практической конференции «Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии» (2009 г., г. Чебоксары);
- межрегиональной научно-практической конференции «Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели», посвящённой 85-летию со дня рождения П.В. Денисова (12 сентября 2013 г., г. Чебоксары);
- Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции)» (20 декабря 2016 г., г. Чебоксары);
- региональной научно-практической конференции «Славяноидная керамика как археологический феномен памятников средневековья Среднего Поволжья» (19–22 апреля 2018 г., г. Болгар);
- Межрегиональной научно-практической конференции «Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому» (17 мая 2019 г., Большой Сундырь, Кулаково);
- Всероссийской научной конференции «Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории)» (12 ноября 2019 г., г. Чебоксары);

– Всероссийской научной конференции с международным участием «Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения)» (2020 г., г. Чебоксары);

– Всероссийской научной археологической конференции «Поволжские земли Северо-Восточной Руси в X–XV вв.: история освоения и материальная культура», посвящённой 800-летию основания Нижнего Новгорода (2021 г., г. Нижний Новгород);

– Всероссийской научно-практической конференции «История Чувашии через призму комплексного подхода: от междисциплинарности к трансдисциплинарности», посвящённой 100-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора В.Д. Димитриева (2023 г., г. Чебоксары);

– Международная научная конференция «IX Халиковские чтения: итоги и перспективы развития археологической науки в Урало-Поволжье», посвящённая 10-летию Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ и 95-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора А.Х. Халикова (1–3 апреля 2024 г., г. Казань).

Основное содержание и результаты исследования нашли отражение в монографии, 24 публикациях автора, в том числе шесть из них опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, определённых Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации. Общий объём публикаций – 21,66 п.л /

Структура работы определяется целью, поставленными задачами и включает введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы, приложения (15 таблиц и 52 рисунка).

Объём: основной объём – 258 с., библиографический список – 258 позиции.

Глава 1. Историко-культурная характеристика региона и источниковая база исследования

1.1. Историко-культурная характеристика региона

Волго-Уральский регион, находясь на границе двух частей света – Европы и Азии, с древнейших времён был ареной генетических контактов между сибирскими, индоевропейскими, среднеазиатскими и другими этническими образованиями. В его сложной этнической структуре представлены народы, относящиеся к финно-угорской ветви уральской языковой семьи (коми, удмурты, марийцы, мордва) и тюркской ветви алтайской языковой семьи (татары, башкиры, чувашаи). По антропологическому составу эти народы относятся к европеоидной расе с различной долей монголоидного компонента¹.

Нижнее Присурье XIV–XVI вв. в системе генетических контактов Волго-Уральского региона – один из ярких примеров динамично развивавшегося межэтнического взаимодействия. Возникновение и развитие таких сложных процессов во многом стало возможным благодаря особым историческим, геополитическим и географическим условиям.

Сура – правый приток Волги и относится к числу крупных рек. Её общая протяжённость составляет 841 км, а площадь бассейна – 67 500 км². Годовой сток – 8,16 км³, густота речной сети – 0,47 (вдвое выше среднего показателя по Центральной России). Она берёт начало на Приволжской возвышенности у с. Сурские Вершины Ульяновской области. Присурье относится к крупному, свыше 600 км, водоразделу Дона, Средней Волги и Суры. Водоразделы таких крупных рек в древности использовались для преодоления значительных расстояний (рис. 1)².

Бассейн р. Суры довольно обширен. В низовьях реки, в пределах Нижегородской области и Чувашской Республики, самыми крупными притоками

¹ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 5.

² Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 213.

являются реки Алатырь, Алгашка, Бездна, Выла, Киря, Киша, Пьяна, Урга и ряд более мелких притоков³.

Бассейн р. Суры в пределах Чувашской Республики географы разделяют на Присурье и Засурье⁴. Первый район охватывает земли по правому берегу реки, где сохранился большой лесной массив, второй – левобережные равнинные районы⁵. Присурский район представлен холмистой равниной, занятой лесными массивами, покрывающими почти всю территорию подрайона, кроме Ядринского и Красночетайского районов (сосновые, березовые, осиновые, липовые, дубовые рощи). Вылощенные и тучные чернозёмы, коричнево-серые лесные почвы, обладающие высоким плодородием, способствовали развитию земледелия, в том числе и подсечного. Засурский район представлен возвышенной равниной. Леса сведены почти полностью, а территория занята сельскохозяйственными угодьями.

Правобережная часть Присурья представлена высоким коренным берегом с очень густой сетью мысов. Овраги образованы многочисленными ручьями и речками. Благодаря сложному ландшафту сохранились небольшие островки реликтовых лесов, но равнинные участки безлесны. На левом берегу преобладает равнинный ландшафт с заливными лугами и старичными озерами.

Вдоль Суры преобладает пойменный тип местности, представленный заливными лугами с большим количеством озёр-стариц⁶. Ширина поймы реки одинакова по всей длине (5–6 км). Из 754 озёр Чувашской Республики 532 расположены в Чувашском Присурье (в Алатырском районе – 210, Порецком – 191, Шумерлинском – 46, Красночетайском – 56, Ядринском – 29 озёр)⁷. Это, в свою очередь, играло не последнюю роль в хозяйственном освоении региона человеком, привлекая «рыбными ловлями и бобровыми гонами». Изобиловала рыбой и сама Сура, в ней водились осётр русский, шип, стерлядь, севрюга, белуга⁸. Участник похода 1552 г. на Казань А.М. Курбский писал: «...дойдохом

³ Дубанов И.С. Озёра, реки, родники Чувашии. Чебоксары, 2008. С. 86, 131–136.

⁴ В этом случае термин «засурье» имеет исключительно географический смысл и отличается от исторического понятия, обозначающего земли по правому берегу р. Сура не входившие в русские владения.

⁵ Арчиков Е.И., Трифонова З.А. География Чувашской Республики. Чебоксары, 2002. С. 44–46.

⁶ Там же. С. 66.

⁷ Дубанов И.С. Озёра, реки, родники Чувашии. Чебоксары, 2008. С. 24.

⁸ Ручин А.Б., Вечканов В.С. Осетрообразные (Pisces: Acipenseriformes) в бассейне реки Суры // Известия калужского общества изучения природы. Книга восьмая. Калуга, 2008. С. 220–236.

Суры реки великие, ... и Господь Бог препитал нас и войско, ово рыбами, ово иными зверьми, бо в пустых тех полях зело много в реках рыб...»⁹. Вылов сурской стерлядки сохранялся до 1960–70-х гг.

Относительно происхождения названия р. Суры существует множество точек зрения, однако однозначно можно утверждать, что все они связывают возникновение топонима с периодом более ранним, нежели рамки нашего исследования. Мордва-эрзя называет реку Суро лей, мордва-мокша – Сура, марийцы – Шур, чувашаи – Сър. Варианты происхождения термина даны в подробной статье Н.И. Егорова¹⁰, а также в работах историков и лингвистов из соседних регионов¹¹.

Река Сура впервые упоминается в русских летописях под 1184 г. как Суруя: «...сам Всеволод возвратился в насадах, а конницу от реки суруи отпустил берегом на мордву, которые идущим на низ за Всеволодом вред делали и людей побили....онные воеводы, придя в мордовскую область, много сел их разорили до реки цевцы (ныне р. Цна) и со многим полоном возвратились...»¹². В 1372 г. в русских летописях она зафиксирована как Сура¹³.

В русских летописях также часто встречается термин «Засурье», который обозначал земли «по ту сторону Суры» – территорию, не входящую в пределы русских владений. Такое название сохранялось и в более поздний период. Так, при составлении географического описания Курмышского уезда воеводской комиссией присурские чувашаи назывались «засурской ордой», поскольку издревле жили за Сурой от г. Курмыш и до г. Казани¹⁴.

В Чувашской Республике наиболее часто употребляется термин «Присурье». На территории других регионов, где протекает Сура, иногда используется термин «Посурье». Его, в зависимости от контекста, мы употребляем для обозначения разных участков бассейна реки, охватывающих

⁹ Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. С. 17–18.

¹⁰ Егоров Н.И. Этимология гидронима Сура (к проблеме этноязыковой принадлежности населения абашевской культуры) // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары, 2006. С. 132–167.

¹¹ Трубе Л.Л., Шубин А.Ф. Краткий топонимический словарь топонимов Горьковской области / География Горьковской области. Горький, 1968. С. 123; Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. М., 2010. С. 176–177.

¹² Татищев В.Н. История Российская. М.: Императорский Московский университет, 1774. Т. 3. С. 252.

¹³ Рогожский летописец // ПСРЛ. Петроград, 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 100.

¹⁴ Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары, 2003. С. 53.

своим течением и притоками Пензенскую, Ульяновскую и Нижегородскую области, Мордовскую и Марийскую республики.

Многие исследователи выделяли бассейн р. Суры в отдельный регион, объясняя это особым географическим положением, своеобразным набором памятников или составом населения, проживавшего здесь. Первым из археологов на Присурье как на особый регион обратил внимание П.Д. Степанов. При проведении археологических разведок в низовьях реки он старался охватить нижегородское и чувашское побережья. В исторической литературе термин «Чувашское Присурье» укоренился в трудах археолога В.Ф. Каховского¹⁵. Этнограф В.К. Магницкий использовал термин «присурские чуваша» для выделения их в составе чувашей-вирыял. Он писал: «...в актах именовались официально «присурские чуваша» и при том не только в Москве, в Приказе Казанского дворца и в Ядринской и Чебоксарской воеводских канцеляриях...»¹⁶. Географы выделяют Чувашское Присурье на основе своеобразного сочетания типов почв, лесного и растительного покрова и фауны.

В археологическом плане Нижнее Присурье представляет интересный регион. Наличие умеренного климата, обилие водных источников, лесных и земельных угодий являлись необходимыми условиями существования разных по хозяйственно-культурному типу народов (собирателей, охотников, рыболовов, скотоводов и земледельцев). Довольно часто археологические памятники выделяются в отдельные группы по принадлежности их к бассейну одной реки или междуречью нескольких. Река Сура с большим разнообразием археологических культур в её бассейне не стала исключением из этого правила.

В Чувашском Присурье первые поселения относятся к мезолитическому и неолитическому периодам. Ярким примером преемственности археологических культур эпохи камня и бронзы является комплекс стоянок Утюж у с. Стемасы Алатырского района. Раскопками 2006–2010 гг. на них выявлено до 14 сменяющих друг друга напластований: мезолитические, неолитические,

¹⁵ Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 80. С. 3–18.

¹⁶ Магницкий В.К. К истории присурских чуваш, черемис, мордвы и Флорищевой пустыни // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 517. Инв. №5654. Л. 205.

энеолитические и перекрывающие их ранне- и позднесредневековые¹⁷. В начале II тыс. до н.э. в Присурье появляются фатьяновские, балановские и абашевские племена.

В раннем железном веке здесь расселялись племена городецкой культуры. А.П. Смирновым и Н.В. Трубниковой памятники Чувашско-Марийского Поволжья выделены в северо-восточную группу. Они густой сетью покрывают присурские районы, только в границах Ядринского и Красночетайского районов Чувашской Республики известно более 30 городищ и несколько десятков поселений¹⁸. Судя по топонимике, именно финно-угорские племена раннего железного века и средневековья сформировали нижний пласт гидронимов бассейна Суры (рис. 52).

В Окско-Сурском междуречье сложились базовые элементы древнеэрзянской культуры, в Верхнем Посурье – древнемокшанской. В Волго-Окском междуречье древнемордовские памятники разделяются на северную и южную группы¹⁹. Могильники у селений Таутово в Аликовском районе III–IV вв.²⁰, Ивановско IV–VIII вв. в Ядринском районе, Яндашево и Криуши в Козловском районе I–III вв.²¹, а также городища типа Ножа Вар II–V вв. и Пичке Сърчэ принадлежат северной (кошибеевской) группе. Ивановский могильник является крупным памятником на восточной окраине мордовских земель²².

В VIII–XIII вв. происходят значительные изменения в жизни населения всего Посурья. В конце VII – начале VIII вв. верхнесурские территории пустеют. Мордовское население уходит на северо-запад – в Цнинско-Мокшанское междуречье. К X в. практически всё правобережье Волги от устья Оки до устья

¹⁷ Вискалин А.В., Березина Н.С., Березин А.Ю., Выборнов А.А., Королёв А.И., Ставицкий В.В., Коноваленко А.В. Исследование многослойного поселения Утюж I на Суре // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары, Книга 2. 2009. С. 41–72.

¹⁸ Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ. М., 1965. Вып. Д1-14. С. 21-25; Федулов М.И., Семёнов А.А. Пространственный анализ расположения и топография городищ раннего железного века Чувашского Присурья // Поволжская археология. – 2018. – №1 (23). – С. 137–149.

¹⁹ Жиганов М.Ф. Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. Саранск, 1976. С. 37; Вихляев В.И. Расселение мордвы в III – начале XIII вв. // Поволжская археология. – №2 (4). – 2013. – С. 162–170.

²⁰ Трубникова Н.В. Могильник у д. Таутово. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // Учёные записки ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 16. 228–234.

²¹ Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948. С. 55–56.

²² Воронина Р.Ф. Нижнесурская мордва IV–VIII вв. (по материалам Ивановского могильника раскопок 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1968–1972 гг.) // Пензенский археологический сборник. Пенза, 2007. Вып. 1. С. 160–161.

Суры также остается пустующим. Таким образом, мордва занимала всё левобережье Нижнего Посурья, вплоть до реки Пьяны²³.

С X в. на этническую картину расселения финно-угорских племён влияют активные военные, торговые и политические контакты с Волжской Булгарией и русскими княжествами. Постепенно река становится западной границей распространения сферы влияния булгар.

К началу XIII в. мордва находилась на завершающей стадии формирования народности²⁴. В левобережье реки в начале XIII в. мордовские князья Пуреш и Пургас создали объединения племён эрзя и мокша. Часть мордовских общин мордвы-эрзя объединил «князь» Пургас. Пургасову волость («Русь Пургасову») по письменным источникам можно локализовать по рекам Пьяна, Алатырь и среднего течения Мокши. Пургас был в зависимости от булгар. Мордовский князь Пуреш был вассалом русских князей («Пуреш ротник Юргева»)²⁵. О Пургасе, Пуреше и «Пургасовой Руси» русские летописи впервые упоминают в связи с походами 1228 и 1229 гг. Объединения мордвы представляли собой значительную силу, с которой должны были считаться булгарские и русские феодалы. Мордва расселялась в Волго-Сурско-Окском междуречье (рис. 3)²⁶.

Приустьевая часть правого берега р. Суры была заселена марийцами. В Горномарийском районе Марий Эл известно о 20 поселениях в число которых входят селища Красное Селище 1–3 и Васильсурское 5 городище²⁷. Погребальные памятники на присурских территориях пока не зафиксированы. В целом к марийской культуре периода XII–XV вв. относятся четыре могильника, пять городищ, 26 селищ, три производственных объекта (рис. 4)²⁸.

Монголо-татарское нашествие в корне изменило ситуацию. Распад волжско-булгарской этнополитической общности (вторая треть XIII–XIV вв.) привёл к частичной миграции булгарского населения на территорию современной

²³ Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999. С. 129.

²⁴ Зеленева Ю.А., Зеленцова О.В. Средневековая мордва по археологическим данным // Поволжская археология. – 2012. – №1. – С. 37, 40.

²⁵ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. СПб, 1846. Т. 1. С. 192.

²⁶ Гераклитов А.А. Материалы по истории мордвы. Сборник выписок из печатных источников. М.–Л., 1931. С. 8–9; Каптерев Л.М. Нижегородское Поволжье в X–XVI веках. Горький, 1934. С. 22–23.

²⁷ Никитина Т.Б. Древнемарийское селище XIII–XIV вв. // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. Йошкар-Ола, 2000. С. 51–59.

²⁸ Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. С. 199, рис. 64.

Чувашии. Край вошёл в состав образовавшегося в 1240-х гг. государства Золотой Орды (Улуса Джучи)²⁹. В 1438–1445 гг. после её распада образовалось Казанское ханство, в составе которого население края находилось вплоть до присоединения к Российскому государству в середине XVI в. Река Сура отделяла владения русских и казанских правителей до разгрома Казанского ханства (рис. 8)³⁰.

Смена политических образований – Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства – наложила свой отпечаток на развитие региона. Алатырский край входил в состав политического объединения «Темниковская Мещёра». Эта автономия мордовских князей с центром в г. Темников существовала с 1360-х гг. до 1-й четверти XVI в. Территориально она включала в себя всю Республику Мордовию и Пензенскую область, часть Тамбовской, Саратовской, Рязанской, Нижегородской, Ульяновской областей и Республики Чувашия³¹.

В XIV–XV вв. русская колонизация постепенно приблизилась к присурским землям. Строительство городов Курмыш (1372 г.) и Васильсурск (1523 г.) окончательно закрепило за Россией левобережную часть нижнего Присурья. С падением г. Казани в 1552 г. граница русских владений отодвигается к востоку от р. Алатырь.

С присоединением Чувашского края к России управление этой территорией осуществлялось Приказом Казанского дворца. Была введена новая система территориального деления на уезды. Присурье входило в состав Чебоксарского, Курмышского, Алатырского и Ядринского уездов. Из Чебоксарского уезда к Чувашскому Присурью относилась только Алгашиная волость, так как территория вплоть до речек Алгаши и Кири управлялась чебоксарскими воеводами³².

Ядринский уезд сформировался в 90-е гг. XVI в. вокруг основанного в 1590 г. города Ядрина. Алатырский уезд сформировался в 1565 г. и до середины

²⁹ Дмитриев В.Д., Паньков И.П. Население Чувашского Поволжья под властью Золотой Орды // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958. Вып. I. С. 85–94.

³⁰ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 134.

³¹ Первушкин В.В., Шишлов С.Л. Эволюция представлений о средневековой политической истории Окско-Ценско-Сурского междуречья (Темниковской Мещёры) в XIX–XX вв. // Отечественная культура и развитие краеведения. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Пенза, 2000. С. 119–123.

³² Иванов Л.И. Формирование этнографических групп чувашей (на территории Чувашии). Краеведческое исследование. Чебоксары, 1992. С. 5–6.

XVII в. включал в себя пять станов: Верхосурский, Низсурский, Верхалатырский, Пьянский, Верхомейский. К Козьмодемьянскому уезду полностью или частично относились Алтышевская сотня Алдышевской волости, Орининская волость, Рудгинская, Теняковская сотня (Теняково). Курмышский уезд до 1781 г. включал в себя три русских стана (Завацкий, Имзенский, Подгородный) и одну ясачную чувашскую волость – Юмачевскую, делившуюся на Аликовскую, Тувановскую, Шуматовскую, Шумшевашевскую (Шумшевашскую) и Яндобинскую сотни, которые затем стали волостями. Позднее Аликовская и Шуматовская волости были переданы в Ядринский уезд.

Нижнее Присурье в этнодемографическом состоянии представляет собой довольно сложный по составу населения регион (рис. 2). В исторических описаниях «Горная сторона», куда входило Нижнее Присурье, описывалась как земля мордвы, марийцев и чувашей. Достоверные описания национального состава относятся к периоду формирования губерний. Козьмодемьянский уезд по составу населения был марийско-русско-чувашским, Алатырский – русско-татаро-мордовским, Курмышский – русско-чувашско-татарским, лишь в Ядринском уезде преобладали чуваше. Несмотря на такой этнически пёстрый состав, смешанных поселений было мало. По данным первой переписи населения (ревизии) 1719 г. на территории Чувашии насчитывалось всего два русско-чувашских селения³³. В последующие столетия этнокультурные процессы были более интенсивными, но национальный состав изменялся только численно.

Чуваши являются тюркским народом, разговаривающим на языке, который относится к болгарской группе тюркских языков алтайской языковой семьи. В составе чувашей выделяется три этнографические группы – верховые (вирьял), средненизовые (анат-енчи) и низовые (анатри). Чуваши, проживающие в Чувашском Присурье, относятся к этнографической группе верховых (вирьял).

Выделяются две крупные диалектные группы чувашского языка – верховая и низовая. В группе верхового языка представлено пять лингвогеографических говоров: сундырский, чебоксарский, моргаушко-ядринский, краснотайский,

³³ Чуваши: история и культура. Чебоксары, 2009. Т. 1. С. 92.

калининско-аликовский³⁴. Последние три, частично или полностью, входят в территориальные рамки нашего исследования³⁵.

Марийцы делятся на три территориальные группы: горные, луговые (или лесные) и восточные. Их язык относится к восточной ветви финно-угорских языков уральской языковой семьи. Часть марийского населения, участвовавшая в этнокультурных процессах в Чувашском Присурье, относится к этнографической группе горных марийцев, для которых характерно горное наречие (горномарийский язык). Они расселены на правом берегу Волги и у устья Суры (Горномарийский район Республики Марий Эл). В рассматриваемые нами хронологические рамки исследования они расселялись и на территории северо-западных районов Чувашии.

На юго-востоке Нижегородского края расположено 34 татарских селения, которые входят в состав шести административных районов левобережья Суры (Краснооктябрьского, Пильнинского, Сергачского, Спасского, Сеченовского и Княгининского). Большая часть из них основана после вхождения Среднего Поволжья в состав России, однако отдельные селения на реке Пьяне, Кише, Медянке ведут свою историю с XV в. Не позднее XVI в. сложилась прослойка служилых татар, охранявших границы русского государства³⁶. В большинстве своем нижегородские татары представлены субэтнической группой татар-мишар, имеющих цокающий говор.

В Присурье расселена достаточно многочисленная группа мордвы. Мордва относится к финно-угорским народам волжско-пермской подгруппы и разделяется на мордву-эрзя и мордву-мокша. Восточная группа эрзян располагается в районах восточной части Мордовии, Алатырском, Порецком и Ибресинском районах Чувашии³⁷. В числе диалектов эрзя выделяются: северо-западный (приалатырский) диалект, распространённый в междуречье рек Алатырь и Меня, и юго-восточный (присурский) диалект, распространённый в междуречье притоков Суры (Большеберезниковский, Дубенский и частично Кочкуровский

³⁴ Чуваши: история и культура. Чебоксары, 2009. Т. 1. С. 152.

³⁵ Иванов Л.И. Чуваши: формирование этнографических групп и подгрупп чувашей (на территории Чувашии). Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2012. С. 36–42.

³⁶ Орлов А.М., Файзуллин А.М. Навеки вместе. Очерки по истории татар Нижегородского края. Москва, 2012. Кн. 2. С. 84.

³⁷ Мордовский народный костюм: альбом. Саранск, 1990. С. 36.

районы Мордовии). Четыре селения с преобладающим мордовским населением расположены в Порецком и пятнадцать в Алатырском районах. К порецкому кусту мордовских селений примыкает эрзянское село Малые Кармалы Ибресинского района³⁸. В Алатырско-Порецком Присурье проживает 94% сельского мордовского населения Чувашии (46,8% общей численности мордвы Чувашии). В Алатырском, Порецком, Ядринском и Шумерлинском районах Чувашского Присурья сосредоточено 58 из 106 русских селений³⁹.

В результате изучения совокупности исторических, географических, геополитических и этнических факторов мы можем охарактеризовать Присурье как уникальный регион. Выгодное географическое расположение, богатство водных, лесных и земельных угодий способствовали его заселению с древнейших времён. С эпохи раннего железного века территория Чувашского Присурья была заселена племенами финно-угорской языковой общности. На их основе здесь складываются древнемордовские и древнемарийские племена.

В X – начале XIII в. тюркоязычные булгары через систему факторий проникали на территорию проживания автохтонных финно-угорских племён. Сура в это время являлась западной периферией сферы влияния булгар. Мордовские и марийские племена имели пробулгарскую ориентацию, что способствовало интенсивной торговле, установлению этнических контактов и единичной инфильтрации булгар на данную территорию. С момента завоевания средневожских земель монголо-татарами, Присурье в геополитическом отношении носило статус пограничной территории. Она отделяла русские владения от золотоордынских, а затем и казанскоханских земель.

В XVI в. земли вошли в состав Российского государства. Сформировалась современная этническая карта Нижнего Присурья, представленная русскими, мордвой-эрзя, горными марийцами, чувашами-вирьял, татарами.

³⁸ Малые Кармалы (Ирсе Җармăс) – село в Ибресинском районе, в буквальном переводе чувашского названия означает эрзя-мари. В селе проживает мордва и чуваша.

³⁹ Чуваши: история и культура. Чебоксары, 2009. Т. 1. С. 193, 197–198.

1.2. Источниковая основа исследования

Все современные исторические исследования являются комплексными и интегративными, что подразумевает объединение, координирование отдельных частей, аспектов в целое⁴⁰. Исследование культурно-исторических процессов XIV–XVI вв. в бассейне Нижней Суры выстроено на объединении археологических, этнографических и исторических источников, что позволяет реконструировать, воссоздавать и изучать процессы в развитии. Археологические источники являются доминирующими, на фактическом материале доказывающими теоретические утверждения.

Археологические источники. Первостепенное значение для нас имели архивные материалы, хранящиеся в научно-отраслевом архиве Института археологии Российской академии наук (Архив ИА РАН). Основная масса сведений об археологических памятниках на территории Присурья содержится в отчётной документации по итогам полевых исследований (34 тома).

В диссертационной работе были использованы документы из фондов архива Института истории материальной культуры РАН г. Санкт-Петербурга о полевых исследованиях Средневолжской экспедиции, проведённых в 1926–1927 гг.⁴¹.

Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН) содержит сведения об археологических памятниках, исследованных местными археологами, историками и краеведами. Многие из этих данных не вошли в отчёты для ИА РАН и не опубликованы (дневники руководителей экспедиций, краеведческие наблюдения и т.д.).

Целостная картина имеющихся памятников изучаемого периода с картографической привязкой и современной научной интерпретацией находок

⁴⁰ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М., 2003. С. 55, 152.

⁴¹ Ефименко П.П. Материалы Средневолжской экспедиции 1926 г. // Архив ИИМК. Рукописный отдел. Ф. 2. Оп. 1. №230, 231, 240, 241.

представлена в серии «Археологическая карта России» (Чувашская Республика, Нижегородская область и Республика Марий Эл).

В ходе исследования были осмотрены археологические коллекции и находки, хранящиеся в фондах Чувашского национального музея, Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, Чувашского государственного института гуманитарных наук, Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, Алатырского краеведческого музея. Такая работа позволила ввести в научный оборот хранящиеся там предметы и с помощью историко-типологического метода датировать и интерпретировать их.

Археологическая группа источников дополнена полевыми материалами автора. Археологическая экспедиция Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова под руководством М.И. Федулова проводила разведки и раскопки на территории присурских районов Чувашской Республики: в Шумерлинском (2003–2004, 2023), Ядринском (2006, 2009, 2013, 2016–2021, 2023, 2024), Красночетайском (2006, 2017, 2023), Алатырском (2009, 2017, 2023), Аликовском (2017, 2023) и Порецком (2013, 2017, 2023) районах. В результате полевых работ выявлен комплекс из 14 селищ и городища XIV–XV вв.

Археологические памятники изучаемого региона представлены вещественными комплексами городищ, поселений, могильников и кладов XIV–XVI вв. (рис. 6).

Города и городища. Обзор памятников начинается с городищ раннего железного века, на которых фиксировались отдельные находки изучаемого периода или культурный слой: Васильсурское 5 городище «Репище» в Нижегородской области, городища у селений Ядрин, Выселок №1, Питишево в Чувашской Республике.

Первым русским городом в Нижнем Присурье является крепость Курмыш Нижегородской области, к которому тяготели небольшие городища Луговое (Погореловка) и Козловское. К городам, основанным в XVI в., относятся Алатырь (1552), Ядрин (1590) в Чувашской Республике и Васильсурск (1523) в Нижегородской области.

Поселения. В Чувашской Республике к изучаемому периоду относятся поселения Антипинка, 1–8 Выселок №1, Ильина Гора 2, Козловка, Новая Екатериновка 1–4, Порецкое, Сареево 1 и 4, Стемасы 1, Сурский Майдан, Таутово, Тихомирово (Ряпино), Устиновка и Утюж. В Нижегородской области расположены селища Ивановское 3, Красный Ватрас, Курмыш 2 и 4, Мурзицы, Отарские Выселки, Петровка, Покров Майдан, Новое Жилище, Кекино 3, Сергач, Дружково. В Республике Марий Эл располагается поселение Красное Селище 2. Из представленного списка раскопкам были подвергнуты поселения Стемасы I, Устиновка, Красное Селище, Порецкое, Антипинка, Курмыш 4, Утюж. На остальных поселениях культурные напластования изучались шурфовочными работами и проводился сбор подъёмного материала.

Могильники. В нашем распоряжении имеются данные только по могильникам верховой группы чувашей, возникшие в конце рассматриваемого периода (Новоядринский XV–XVII вв. и Верхнеачакский XVI–XVIII вв.). На территории Козловского городища раскопан могильник с христианским обрядом захоронения.

Клады монет и отдельные монетные находки. Клады и находки отдельных монет служат прекрасным датирующим материалом. Они свидетельствуют о распространении в регионе золотоордынской денежной системы XIII–XV вв. и небольшом проценте хождения русских удельных монет. К присурскимкладам Чувашской Республики относятся клады у селений Испуханы и Тихомирово (Ряпино), в Нижегородской области у селений Ожгибовка, Теплый Стан, Ветошкино и др. Отдельные находки монет были сделаны на поселениях Курмыш 4, Ильина Гора 2, Выселок №1, Сареево 4, Утюж и Козловском городище.

В XVI в. в связи с приближением границ русского государства распространяется русская монетная система. Серебряные копейки прочно входят в состав традиционного костюма чувашей, что подтверждается материалами могильников.

Письменные источники. Для изучения историко-культурных процессов особенно важны письменные свидетельства прошлого. В работе использовано несколько типов письменных источников, в первую очередь летописи. В них в хронологическом порядке содержится информация о событиях, происшествиях, походах, строительстве городов, основании селений и монастырей Нижегородско-Суздальского княжества (Рогожский летописец⁴², Тверская летопись⁴³). На основании исторических источников по истории средневожских земель написаны труды Г. Перетятковича⁴⁴. А.А. Гераклитовым изданы выдержки из летописных известий X–XVIII вв.⁴⁵. Детальный анализ летописей и документов Нижегородского края приведён в трудах Б.М. Пудалова⁴⁶.

В исследовании использованы летописные известия и своды, древнейшими из которых являются Лаврентьевская (XIV в.) и Троицкая летописи (начала XV в.). В Троицкую летопись входят «Летописи Константиновичей», с рассказами о походе русских князей на Волжскую Булгарию (1376 г.), «Повесть о побоище на Пьяне» (1377 г.) и другие нижегородские произведения. В центре внимания летописцев находится история Нижегородского края: борьба удельных и великих князей, упорное сопротивление Орде, взаимоотношения с мордвой, городское и церковное строительство, укрепление границ. Научная реконструкция «Летописи Константиновичей» остаётся неизданной, поэтому большая часть летописи известий приведена из «Рогожского летописца».

Из «Московского летописного свода конца XV века» мы извлекли сведения о формировании русской поселенческой структуры, основании г. Курмыш, нашествиях татар, деятельности хана Улуг-Мухаммеда, русских походах на Казань 1468 и 1469 гг.

Одним из важных источников является «Нижегородский летописец» середины – второй половины XVII в. Летописец повествует о событиях в крае от основания Нижнего Новгорода до XVII в., назначениях наместников, воевод,

⁴² Рогожский летописец // ПСРЛ. 1922. Т. 15. Вып. 1. 216 с.

⁴³ Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // ПСРЛ. 1863. Т. 15. 540 с.

⁴⁴ Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. 331 с.; Перетяткович Г. Поволжье в XVI и начале XVIII веках. Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882. 339 с.

⁴⁵ Гераклитов А.А. Материалы по истории мордвы. Сборник выписок из печатных источников. М.–Л., 1931. 127 с.

⁴⁶ Пудалов Б.М. Письменные источники по истории Нижегородского края (XIII – начало XVIII века). Н. Новгород, 2001. 351 с.

дьяков, духовенства, о межевании земель в уезде, о строительстве (преимущественно церковном), о стихийных бедствиях и других событиях в жизни края⁴⁷.

Наряду с летописными известиями значительный интерес для изучения истории края в XIV–XVI вв. представляют акты, т.е. официальные или личные документы, несущие информацию о событиях, состоянии имущества, правах и сделках (грамоты жалованные, указные, договорные и т.д.).

Древнейшие нижегородские актовые материалы XIV в. сохранились в списках XVI–XVIII вв. В местной «Грамоте 1367–68 г. великого князя Дмитрия Константиновича» раскрываются сведения о территориальном устройстве Нижегородского края и расширении колонизационной экспансии земель по р. Суре в окрестностях будущей крепости Курмыш⁴⁸.

Особую роль в хозяйственном освоении края играла монастырская колонизация. Монастырские владения Нижегородского края расширялись за счёт передачи им земель и иных угодий, закрепленных вкладными и жалованными льготными грамотами⁴⁹. В «Грамоте великого князя московского Василия Дмитриевича Благовещенскому монастырю» (20 марта 1423 г.) разрешалось обрабатывать владения в окрестностях Курмыша за счёт переселённых с других территории крестьян. В жалованной грамоте князя Даниила Борисовича 1430-х гг. упоминаются Курмышская пустошь и монастырское село Мигино⁵⁰. В жалованных грамотах, данных Московским великим князем Василием Васильевичем Печёрскому монастырю (ок. 1433–1462 гг.) и Софьей Витовтовной Благовещенскому монастырю (вторая четверть XV в.), разрешалось устраивать рыбный промысел на Суре⁵¹. Среди немногочисленных документов сохранилось первое упоминание селения Алгаши (1406 г.), предположительно сопоставимое с селениями Алгаши Шумерлинского района⁵².

⁴⁷ Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886. 145 с.

⁴⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. III. С. 335–337 (№307).

⁴⁹ Соколова Н.В. Древнейшие акты Нижегородского Печёрского монастыря // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Н. Новгород, 1995. С. 52–68.

⁵⁰ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951. Ч. 1. С. 204–205.

⁵¹ Соколова Н.В. Древнейшие акты Нижегородского Печёрского монастыря // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Н. Новгород, 1995. С. 66; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1956. С. 179.

⁵² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1956. С. 56.

До нас дошли немногочисленные исторические свидетельства современников. К наиболее ранним упоминаниям о Присурье относятся «Записки...» австрийского дипломата С. Герберштейна (1486–1566). В них р. Сура указана как пограничная река между владениями московского и казанского правителей. С. Герберштейн описал этнический состав населения Присурья, где были расселены мордва, марийцы, чуваша, кратко охарактеризовав каждый из них: «...государь за этим Новгородом имеет крепость, которая называется Сурой (Васильсурск – авт.), однако окрестные народы, именуемые черемисами, следуют не христианскому, а магометанскому вероисповеданию. Далее там есть и другой народ – мордва, смешанный с черемисами и занимающий по сю сторону Волги, около Суры, добрую часть страны. Ибо черемисы живут на север, за Волгою на севере...»⁵³.

Благодаря записям участника похода Ивана IV на Казань в 1552 г., известного политического и военного деятеля А. Курбского (1528–1583), мы имеем в своем распоряжении описания мордвы левобережья Суры и «горных черемис», проживавших за рекой. Под горными черемисами подразумевались марийцы и чуваша, отличавшиеся от последних по языку: «Егда же преплывишася Суру реку, тогда и черемиса горная, а по их чуваша зовомые язык особливый, начата встречати по пяти сот и по тысящѣ их...»⁵⁴. А. Курбский впервые отметил богатство присурской природы, среди которой жили местные народы.

Немалое значение для нашего исследования играют исторические труды В.Н. Татищева (1686–1750). Имевшиеся у В.Н. Татищева письменные источники позволили ему сделать ряд исторических выводов о происходивших сложных этнокультурных процессах, расселении племён, смешении финно-угорских и тюркских традиций и этнополитических факторах, влиявших на них (например, походы русских, болгарских, монголо-татарских правителей).

Первые исторические описания населения присурских земель дали скудные сведения о мордве, чувашах и марийцах. Авторы описаний указывали на большое сходство местных народов во внешнем облике и языке, но не искали истоки их

⁵³ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 134.

⁵⁴ Курбский А.М. История о великом князе Московском. Спб., 1913. С. 18.

возникновения. Происхождение таких этнических параллелей они объясняли компактным проживанием, а иногда и единством происхождения. В исследованиях этого периода легко прослеживается неподдельный интерес к этнической истории, культуре и межнациональным взаимосвязям всех средневожских народов.

Особенность работы заключается в использовании широкого спектра общеисторических и специальных методов отдельных наук. Исследование на стыке археологии и этнографии обуславливает специфику диссертационной работы и придает ей этноархеологический характер.

Изучение этнических процессов является одной из важнейших задач этнографии⁵⁵. Культурно-исторический процесс – это сложное и динамичное явление, которое охватывает все сферы жизни общества в определенный исторический период. Он заключается в развитии материальной и духовной культур и истории народа или сообщества, включая все многообразные проявления их деятельности.

В археологической литературе термин «этнокультурные процессы» используется для раскрытия процессов, где главную роль играют археологические культуры или их общности, нежели конкретные народы⁵⁶. Это существенно расширяет хронологические рамки изучения этнокультурных процессов, особенно для эпохи средневековья, когда они приобретают особую интенсивность.

Этнокультурные процессы – это социальные процессы, имеющие особую специфику, вызванную длительностью существования, протяженностью территории, количеством и интенсивностью взаимодействующих компонентов. Изменения в этнических общностях происходят под влиянием социально-экономического, культурного воздействия или вызваны особенностями существования этносов и их взаимодействием друг с другом. К межэтническим процессам относятся изменения этноса при заимствовании тех или иных

⁵⁵ Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 53–57.

⁵⁶ Третьяков П.Н. Археологическая культура и этнические общности // Теоретические основы советской археологии. Л., 1969. С. 31–32.

элементов материальной и духовной культуры у контактирующих с ним этносов. Лучше всего этот процесс отражает термин «аккультурация» – изменения материальной культуры, обычаев и верований, происходящий при непосредственном контакте и взаимовлиянии различных социальных и культурных систем.

Проанализировав совокупность данных, мы обнаружили слабое освещение изучаемого периода в письменных источниках. Они дают общее представление о социально-экономическом развитии региона в контексте военно-политических событий. Первостепенное значение для исследования имеют археологические памятники, позволяющие на фактическом материале рассматривать культурно-исторические процессы. Данные этнографии возможно применить только при сравнении материалов могильников верховой группы чувашей. В связи с этим освещение мало изученного периода возможно только в совокупности данных всех дисциплин и широкого круга исторических методов.

Рассматриваемая совокупность археологических памятников представлена группой поселений XIV–XV вв., расположенных в пограничном регионе. Основным комплексом является Курмышская сельская округа, дающая представление о материальной культуре народов Нижнего Присурья. Разнообразие артефактов указывает на тесное взаимодействие в регионе русского, поволжско-финского и тюркского компонентов. С XVI в. увеличивается количество русских городов и сельских поселений, что явилось следствием включения поволжских земель в состав Русского государства.

1.3. История исследования археологических памятников

Историография выбранной темы не являлась предметом отдельного исследования. Перед нами стояла задача собрать воедино все имеющиеся материалы и проанализировать современный уровень развития историографии. Основная масса необходимых сведений содержится в отчётах о полевых работах, отдельных статьях и монографиях. Историю изучения археологических памятников мы выстраиваем по территориально-хронологическому принципу, рассматривая каждый из регионов в отдельности.

Следует отметить, что многие отчёты были опубликованы в сборниках статей и других изданиях. С одной стороны, размеры публикаций не позволяли авторам включать всю информацию о памятниках, но, с другой стороны, в них дана более широкая пространственно-хронологическая интерпретация. В зависимости от содержащейся информации, мы ссылаемся и на отчёты, и на работы, опубликованные на их основе.

Историография разделена на следующие этапы: дореволюционный – исследования второй половины XIX в. – 1917 г., советский – 1917 – 1980-е гг. и современный – 1990-е – 2023 гг.

Памятники Чувашской Республики. Впервые краткий обзор археологической литературы, касающейся Чувашского Присурья, был дан в статье В.Ф. Каховского. Эта единственная, но далеко не исчерпывающая историографическая работа⁵⁷.

Во второй половине XIX в. начинается изучение археологических памятников Чувашского Присурья. **Дореволюционный период** характеризуется тенденцией к описательности. Огромную работу по сбору сведений о местонахождении археологических объектов, их внешнему описанию и записью

⁵⁷ Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 80. С. 3–18.

связанных с ними легенд и преданий проводили местные краеведы. Среди большого количества сведений о городищах раннего железного века и курганах эпохи бронзы встречаются редкие описания средневековых памятников (большинство из которых являются поздними могильниками). Сбором таких сведений занимались В.К. Магницкий, Н.А. Архангельский, С.М. Шпилевский, И.А. Износков, В.Н. Поливанов, Н.В. Никольский и другие исследователи.

Из числа дореволюционных исследователей необходимо выделить В.К. Магницкого и В.Н. Поливанова, составивших первые описания присурских средневековых памятников. В.К. Магницкий открыл и описал множество городищ, курганов и кладбищ в Ядринском и Курмышском уездах⁵⁸. В.Н. Поливанов составил первую археологическую карту Симбирской губернии, включая среднее течение Суры⁵⁹. В неё он включил более 50 памятников по Алатырскому, Курмышскому, Буинскому и Симбирскому уездам (Испуханский клад монет). Его перу принадлежит один из первых исторических очерков города Курмыш⁶⁰.

С 1917 г. происходят серьёзные изменения во всех отраслях науки, появляются новые методы и подходы к изучению этнографии, истории и археологии. В **советский период** начинается систематизация накопленного материала предшествующих лет и организовываются первые стационарные раскопки.

В 1926–1927 гг. в Чувашии работала Средневолжская экспедиция Государственной академии истории материальной культуры (далее – ГАИМК). За два полевых сезона было обследовано пять кладбищ, расположенных на территории проживания верховой и низовой этнографической групп чувашей, и вскрыто 80 погребений. Под руководством П.П. Ефименко были проведены первые раскопки средневековых могильников в Чувашском Присурье. Полученные в ходе раскопок материалы дали основание П.П. Ефименко сделать вывод о сильном финно-угорском влиянии на чувашей. Он отмечал, что в

⁵⁸ Магницкий В.К. Из поездки в село Шуматово Ядринского уезда Казанской губ. (Курганы. Киремети. Жертвенные приношения «киреметям» и «покойникам». Покинутые кладбища. Очувашившиеся черемисы. Поверья. Наряд чувашек. Детские куклы. Чувашские слова, не вошедшие в словарь Н.И. Золотницкого) // ИОАИЭ. – 1880–1882. – Казань, 1884. – Т. 3. – С. 160–179.

⁵⁹ Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900. 73 с.

⁶⁰ Поливанов В.Н. Курмышская старина. Путевые заметки по археологии и истории Симбирского Присурья. Симбирск, 1899. 20 с.

современной материальной культуре чувашей прослеживается меньшее влияние мордвы и марийцев, нежели в погребальном инвентаре, особенно в нагрудных украшениях⁶¹.

В 1928 г. сотрудник Чувашского центрального музея К.В. Элле провёл раскопки на месте обнаружения клада джучидских монет второй половины XIV в. у с. Тихомирово (Ряпино) Порецкого района⁶². Обнаружение крупного клада поставило перед исследователями вопрос о торговых и этнических контактах населения присурского края в золотоордынский период.

В 1930 г. в Красночетайском, Порецком и Алатырском районах Присурья работала экспедиция ГАИМК под руководством П.Н. Третьякова. Тематической задачей экспедиции было изучение стоянок эпохи бронзы, но небольшим раскопкам были подвергнуты древнемордовский и чувашский могильники (у с. Порецкое и д. Балдаево). П.Н. Третьяков приходит к выводу, что по типу памятников (мордовские могильники и городища) Алатырский и Порецкий районы необходимо считать «мордовскими» территориями. Остальную территорию Присурья он считал «чувашской», но ошибочно относил некоторые городища раннего железного века (например, у д. Калугино Красночетайского района) к чувашским памятникам XIV–XV вв., а их нижние слои – к эпохе Волжской Булгарии⁶³.

Экспедиции 1920–1930-х гг. лишь частично затронули присурский регион, в котором впервые были обследованы памятники средневековья. Начавшиеся работы указали на малую базу имеющихся сведений, нужных для решения многих проблем этногенеза чувашского, марийского и мордовского народов края. Археологические экспедиции в Чувашском Присурье не проводились с 1930 г. до 1950-х гг. в силу множества причин.

Археологические изыскания 1950–1970-х гг. отличаются комплексностью и планомерностью проведения. Полевые работы велись силами нескольких отрядов,

⁶¹ Ефименко П.П. Предварительный отчёт о работах в Чувашской Автономной Республике этнологической экспедиции по изучению Среднего Поволжья // Чувашское хозяйство. – 1927. – №1–2. – С. 157–160.

⁶² Элле К.В. Клад джучидских монет в ЧувАССР // Краткие сообщения ИИМК. – 1947. – Вып. XV. – С. 111–115.

⁶³ Третьяков П.Н. Предварительный отчёт о работе Средне-Волжской экспедиции ГАИМК в ЧувАССР в 1930 году // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 81. Инв. №196. Л. 297–297об.

каждый из которых занимался целенаправленным изучением памятников определённой эпохи.

В начале 1950-х гг. П.Д. Степанов из Саратовского государственного педагогического института проводил разведки в низовьях р. Суры в течение четырех полевых сезонов. В 1950 г. разведками охвачены Чувашия и Нижегородская область, в 1954 и 1956 г. – Красночетайский, Порецкий, Алатырский, Ядринский, Аликовский районы Чувашии⁶⁴. В 1953 г. П.Д. Степанов обследовал бассейн р. Пьяны и р. Алатыря⁶⁵. Впервые к изучению древнейшей истории Чувашского Присурья был применён метод систематического и поэтапного обследования. Ценность данных работ многократно возрастает в связи с тем, что был обследован и левый берег р. Суры с её притоками в Нижегородской области.

П.Д. Степановым подвергнуты раскопкам мордовские и чувашские кладбища (у д. Калугино Красночетайского района⁶⁶ и д. Караклово Аликовского района⁶⁷), собрана коллекция средневекового керамического материала. По результатам проведенных экспедиций он приходит к выводу, что ни один памятник ранее XVI столетия невозможно отнести к «чувашским», болгарские памятники им не были обнаружены. Большинство из изученных средневековых объектов исследователь относит к финно-угорскому кругу (позднегородецкие и древнемордовские), отмечает полное отсутствие памятников золотоордынского периода⁶⁸.

В 1956 г. в Институте археологии РАН была организована Чувашская археологическая экспедиция под руководством А.П. Смирнова. Экспедиция разделялась на несколько отрядов, каждый из которых был ориентирован на изучение памятников определенной эпохи. Первый отряд возглавил

⁶⁴ Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского пединститута в пределах Чувашской АССР и Горьковской области летом 1950 года // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №454. 57 л.; Он же. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского государственного педагогического института летом 1954 года в пределах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №990. 144 л.; Он же. Отчёт о работе археологической разведочной экспедиции Саратовского государственного университета летом 1956 года в Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №1427. 45 л.

⁶⁵ Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции вдоль р. Пьяны летом 1953 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №854. 191 с.

⁶⁶ Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского пединститута в пределах Чувашской АССР и Горьковской области летом 1950 года // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №454. Л. 23–24.

⁶⁷ Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского государственного педагогического института летом 1954 года в пределах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №990. Л. 24, рис. 59.

⁶⁸ Там же. Л. 17.

Г.А. Фёдоров–Давыдов, второй – Н.В. Трубникова, третий – Н.Я. Мерперт, позднее создан четвертый под руководством В.Ф. Каховского. Десятки новых памятников были открыты и изучены экспедицией по всей республике. Сотрудники Института археологии проводили раскопки присурских курганов и поселений бронзового века, городищ и поселений раннего железного века, в юго-восточных районах республики изучались памятники болгарского и ордынского периодов.

В 1940–1950-х гг. большую работу по сбору археологических сведений в Алатырском Присурье проводили краеведы братья В.С. и Н.С. Грошевы. Они поддерживали связи с учёными из Чебоксар и Саранска. При их содействии П.Г. Григорьев раскопал мордовский могильник у с. Иваново-Ленино⁶⁹, а Л.А. Иванов – остатки укреплений крепости г. Алатырь⁷⁰.

В 1970–1980-х гг. развернулось многолетнее и планомерное исследование бассейна р. Суры. Особое внимание уделялось средневековым могильникам, материалы которых были необходимы для определения времени расселения болгар и решения основных проблем этногенеза чувашского народа. В 1969, 1971–1972 гг. проведены исследования чувашского могильника XV–XVII вв. у д. Новое Ядрино Ядринского района⁷¹. Несколько полевых сезонов Р.Ф. Ворониной было посвящено изучению раннемордовского Иванововского могильника в Ядринском районе⁷².

С 1970-х гг. изучение археологических памятников Чувашского Присурья неразрывно связано с именем Василия Филипповича Каховского. Экспедиция 1974–1977 гг. охватила оба берега р. Суры от г. Алатыря до г. Ядрина, в том числе и земли Нижегородской области. В результате столь масштабных работ было выявлено 48 новых памятников: 13 неолитических стоянок, 12 поселений бронзового века, 4 раннего железного века, 8 средневековых селищ и ряд

⁶⁹ Григорьев П.Г. Обследование древнего кладбища обнаруженного у с. Иваново-Ленино Алатырского района (1956 г.) // НА ЧГИИ. Отд. I. Ед. хр. 1952. Инв. №7868. Л. 100–108.

⁷⁰ Иванов Л.А. Материалы обследования котлована, подготовленного для закладки фундамента Алатырского релейного завода (1960 г.) // НА ЧГИИ. Отд. II. Ед. хр. 1018. Инв. №4091–4096. 5 л.

⁷¹ Зубарева В.М., Краснов Ю.А. Отчёт о раскопках Новоядринского могильника в 1969 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №3993. 60–75 л.; Вайнер И.С. Отчёт о работах 3-го Чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №4696. 71 л.; Вайнер И.С., Воронина Р.Ф., Каховский В.Ф., Краснов Ю.А. Работы Чебоксарской экспедиции // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 162–164.

⁷² Воронина Р.Ф. Нижнесурская мордва IV–VIII вв. (по материалам Иванововского могильника раскопок 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1968–1972 гг.) // Пензенский археологический сборник. Пенза, 2007. Вып. 1. С. 154–166.

местонахождений керамики, часть которых относится к концу болгарского и началу золотоордынского периодов⁷³.

Раскопками 1978 г. у с. Антипинка Порецкого района было положено начало изучению русских поселений левобережья р. Суры⁷⁴. Не менее важным, на наш взгляд, является выделение Чувашского Присурья в отдельный регион с особым набором археологических памятников и этнически пёстрым составом. После публикации В.Ф. Каховского термин «Чувашское Присурье» окончательно закрепился в исторической литературе и использовался в трудах других исследователей.

Экспедиции 1950–1970-х гг. отличались от предыдущих широкомасштабностью. Получен большой фактический материал по истории Нижнего Присурья V–XVIII вв. Исследователи выделяли черты, отличные от памятников верхнего и среднего течения Суры и бассейна Большого Цивилия. Учёных всё больше интересовали вопросы о времени заселения Чувашского края и влиянии Волжской Булгарии и Золотой Орды на формирование местного населения.

В возникшей дискуссии о западных пределах Волжской Булгарии В.Ф. Каховский попытался доказать теоретическое утверждение А.П. Смирнова о распространении территории этого государства на всю Чувашию и определил границу Волжской Булгарии по р. Суре⁷⁵. Изучение средневековых могильников позволило разрешить некоторые вопросы этногенеза и этнокультурных контактов чувашского, марийского и мордовского народов.

В 1986–1988 гг. присурские территории охвачены разведкой под руководством Е.П. Михайлова⁷⁶. Им осмотрена большая часть Ядринского, частично Красночетайского и Аликовского районов. В ходе исследования выявлены местонахождения золотоордынской и русской керамики в Ядринском

⁷³ Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 80. С. 17.

⁷⁴ Каховский В.Ф. Исследования Чувашской археологической экспедиции 1978 года // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6973. Л. 7–15.

⁷⁵ Каховский В.Ф. О западных пределах Волжской Булгарии // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 105. С. 35–50.

⁷⁶ Михайлов Е.П. Отчёт о работах в ходе археологической разведки осенью 1988 г. в Мариинско-Посадском, Красночетайском, Канашском и Шемуршинском районах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №14989. 47 л.; Он же. Отчёт о результатах археологической разведки проведенной летом 1986 г. в Ядринском, Чебоксарском и Моргаушском районах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №11590. 94 л.; Он же. Отчёт о результатах археологической разведки, проведенной осенью 1987 года в Красноармейском, Аликовском и Моргаушском районах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №12405. 68 л.

районе у селений Ильина Гора и Сареево. Дополнительные сведения о погребальном обряде присурских чувашей дали раскопки могильника у д. Калугино Красночетайского района⁷⁷.

Чувашской археологической экспедицией в 1989–1991 гг. проведено исследование языческого могильника у д. Верхние Ачаки Ядринского района. В материалах могильников присутствовали находки, указывающие на наличие тесных связей с финно-угорскими племенами, участвовавшими в формировании северо-западной части чувашей в XV–XVIII вв.⁷⁸

В 1989 г. состоялась комплексная историко-природоведческая экспедиция «Голубой мир» по исследованию бассейна Суры в пределах Алатырского и Порецкого районов под руководством А.И. Соколова. Из выявленных памятников, хронологически попадающих под выбранные нами рамки, можно назвать селище Стемасы 9 со славяноидной и русской керамикой XVI–XVIII вв. Несколько разведочных шурфов в г. Алатыре А.И. Соколовым было заложено в 1993 г.⁷⁹.

Современный этап исследований (1990-е – 2021 гг.) уже не отличается таким объёмом работ, как предыдущий период. В некоторой степени это связано с нестабильной обстановкой в России 1990-х гг. и недостаточным финансированием науки. Исследования Чувашского Присурья носят случайный и отрывочный характер. Кроме того, изучение средневековых памятников не являлось основной целью экспедиций, они исследовались попутно.

В 2003 г. раскопками у с. Порецкое изучено русское поселение, возникшее в XIV в. Данные раскопок позволили пересмотреть начальную дату возникновения русских поселений в левобережье Присурья. Отдельные образцы керамики имеют датировку конец XIII – начало XIV вв.⁸⁰.

⁷⁷ Михайлов Е.П. Разведочные работы 1986–1988 годов в районах Чувашии (материалы к археологической карте ЧССР) // Вопросы археологии и антропологии Чувашии / Сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 54.

⁷⁸ Каховский В.Ф. Исследование языческого могильника близ д. Верхние Ачаки Ядринского района // Вопросы археологии и антропологии Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 3–20; Он же. Исследования Чувашской археологической экспедиции в Ядринском районе Чувашской АССР в 1989 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №16919. 22 л.; Он же. Отчёт об исследованиях Чувашской экспедиции в 1990 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №15857. 16 л.; Он же. Отчёт об исследованиях Чувашской археологической экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №16780. 15 л.

⁷⁹ Соколов А.И. Отчёт об археологической разведке проведенной в г. Алатырь в 1993 году // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 123. Инв. №94657. 45 л.

⁸⁰ Зеленева Ю.А., Краснов С.А., Михайлов Е.П. Порецкое поселение // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары, 2009. Кн. 2. С. 191.

В 2006–2010 гг. усилиями археологов из Москвы, Самары, Чебоксар, Пензы и Ульяновска были проведены раскопки многослойных стоянок Утюж у с. Стемасы Алатырского района. Здесь открыто большое количество стратиграфических напластований от мезолита до средневековья. Для нашей работы определенный интерес представляют слои, относящиеся к XIV в. с остатками домов с глинобитными полами и напольными печами, мордовской и ордынской керамикой и иными предметами (железные ножи, замки, серебряные серьги, бронзовые сьюльгамы, кольцо и бусины из стеклянной пасты и т.д.)⁸¹.

В 2008 г. было проведено археологическое обследование исторического центра г. Алатыря. Руководитель раскопок А.В. Вискалин ставил перед собой несколько задач, в том числе определение координат крепостных сооружений и изучение предыстории Алатыря, т.е. ранних периодов заселения территории современного города до прихода русских людей. В слое, расположенном ниже слоя русского города XVI–XX вв., был обнаружен горизонт залегания гончарной посуды волжских булгар⁸².

С 2006 г. автором работы изучались присурские районы Чувашской Республики. На Новоядринском могильнике были проведены раскопки двух погребений XVII в. В 2009 г. раскопано пять погребений раннемордовского могильника у д. Иваньково Ядринского района и обследовано средневековое селище у с. Стемасы Алатырского района⁸³. В 2013 г. совместной экспедицией с А.А. Семёновым обследовано поселение у с. Ряпино, местонахождение керамики у д. Ильина Гора⁸⁴. В 2016 г. открыто Козловское городище и обследовано Устиновское поселение⁸⁵, в 2017 г. изучались Красночетайский, Ядринский и

⁸¹ Вискалин А.В., Березина Н.С., Березин А.Ю., Выборнов А.А., Королёв А.И., Ставицкий В.В., Коноваленко А.В. Исследование многослойного поселения Утюж I на Суре // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары, 2009. Кн. 2. С. 54.

⁸² Вискалин А.В. Отчёт об археологическом обследовании исторического центра Алатыря // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. Л. 7–8, 13.

⁸³ Федулов М.И. Разведочные археологические работы 2006 года на территории Ядринского района Чувашской Республики // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2670. Инв. №9497. 135 л.; Он же. Разведочные археологические работы 2009 года на территории Алатырского района Чувашской Республики // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2670. Инв. №9498. 27 л.; Он же. Отчёт о раскопках Иваньковского могильника в Ядринском районе Чувашской Республики в 2009 году // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2670. Инв. №9499. 124 л.

⁸⁴ Семёнов А.А. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Чувашской Республики в 2013 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р. 1. Л. 10–13, 16, рис. 16–17.

⁸⁵ Федулов М.И. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Ядринского и Порецкого районов Чувашской Республики в 2016 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. Л. 27–29, рис. 76.

Аликовский району⁸⁶. В 2018 г. проведены раскопки могильника на Козловском городище⁸⁷. В 2023-2024 гг. были выявлены новые поселения XIV–XV вв. у селений Сареево, Выселок №1, Ильина Гора и Новая Екатериновка.

Многолетние археологические исследования в Присурье позволили изучить памятники, хронологически охватывающие период от мезолита до позднего средневековья. Несмотря на комплексное исследование Чувашского Присурья в 1960-х (П.Д. Степанов) и 1980-х гг. (В.Ф. Каховский), многие районы остаются слабо изученными (Шумерлинский, Порецкий, Алатырский). Накопленный материал по памятникам XIII–XVII вв. требует современной переоценки не только в хронологическом, но и культурном отношении. Кроме того, исследования показали перспективность дальнейших работ, обусловленную новыми археологическими находками, позволяющими реконструировать общую картину происходивших процессов в регионе.

Памятники Нижегородской области и Республики Марий Эл. Приустьевая часть бассейна р. Суры территориально относится к Нижегородской области и Республике Марий Эл. На этом небольшом участке располагается ряд памятников, имеющих важное значение для нашего исследования.

В Горномарийском районе Марий Эл, на правом берегу р. Суры, В.В. Никитиным были открыты поселения Красное Селище 2–4. Раскопками В.В. Никитина и Т.Б. Никитиной они изучались в 1991, 1995–1998 гг. На поселении Красное Селище 2 изучено 470 кв. м. Поселения датируются XIII–XV вв.⁸⁸

Остальные памятники располагаются на левобережной территории Нижегородской области. Начало работ по изучению культурных слоев городов и крепостей положил И.А. Кирьянов, обследовавший в 1940–1950-х гг. Курмыш, Арзамас, Лысково, Нижний Новгород⁸⁹. Этот археологический материал

⁸⁶ Федулов М.И. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Чувашии в 2017 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р. 1. Л. 24–27.

⁸⁷ Соловьев Б.С. Отчёт о научно-исследовательской работе по археологическим исследованиям (раскопкам) Козловского городища на территории Ядринского района Чувашской Республики в 2018 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р.-1. б/н. 140 л.

⁸⁸ Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. С. 47–48; Никитина Т.Б. Древнемарийское селище XIII–XIV вв. // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. Йошкар-Ола, 2000. С. 51.

⁸⁹ Кирьянов И.А. Отчёт о полевых исследованиях в Горьковской области в 1948 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №223. Л. 17.

расширил имевшиеся исторические описания русских городов Нижегородского Поволжья Л.М. Каптерова⁹⁰.

Археологические обследования территории крепости Курмыш велись И.А. Кирьяновым в 1948 и 1950 гг. Им зафиксированы остатки вала и рва, изучены культурные напластования на внутренней площадке⁹¹.

У д. Отары Воротынского района на правом берегу р. Чугунки в 1958 г. А.Х. Халиковым исследовалось средневековое поселение. Напластования памятника содержали гончарную сероглиняную посуду XIII–XIV вв.⁹².

В Спасском и Воротынском районе Нижегородской области А.И. Лопатиным в 1977 г. и А.Н. Сорокиным в 1999 г. обследован ряд средневековых памятников. На правом берегу р. Урги, располагается поселение Красный Ватрас. На нём найдены обломки лепной посуды с примесью шамота XII–XIV вв. и гончарной позднесредневековой XVI–XVII вв.⁹³. У д. Покров Майдан обследовалось двухслойное поселение с древнемордовской керамикой VI–VII вв. и гончарной позднесредневековой XV–XVI вв.⁹⁴.

У д. Петровки А.И. Лопатиным в 1977 г. обследовалось селище XIV–XVII вв. Найдены обломки гончарной русской позднесредневековой посуды, датированной XV–XVI вв. На селище Дружково 2 XIV–XVII вв. найдены обломки гончарной позднесредневековой посуды, в т.ч. с красным ангобом и следами глазури, датированной XVI в.⁹⁵.

В 1980 г. начинается исследование Васильсурского 5 городища «Репище», продолжавшееся в 1991–1993 гг. Т.Б. Никитиной. На памятнике были найдены керамика и предметы, датированные XI–XIII вв.⁹⁶

У г. Сергач располагается разновременное поселение «Урочище Городина» со слоем гончарной посуды XIV–XVI вв. Обследовалось И.А. Кирьяновым (1950),

⁹⁰ Каптеров Л.М. Нижегородское Поволжье в X–XVI веках. Горький, 1934. 184 с.

⁹¹ Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961. С. 74–75.

⁹² Халиков А.Х. Отчёт о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №1874. Л. 152.

⁹³ Лопатин А.И. Отчёт об археологической разведке в Горьковской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6829. Л. 4–5; Сорокин А.Н. Отчёт о раскопках в Сергиев-Посадском районе Московской области и разведках в Нижегородской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №22050. Л. 33.

⁹⁴ Лопатин А.И. Отчёт об археологической разведке в Горьковской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6829. Л. 6; Сорокин А.Н. Отчёт о раскопках в Сергиев-Посадском районе Московской области и разведках в Нижегородской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №22050. Л. 33.

⁹⁵ Лопатин А.И. Отчёт об археологической разведке в Горьковской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6829. Л. 3–4, 6.

⁹⁶ Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. М., 2004. Ч. 1. С. 187–188.

М.Ф. Жигановым (1969), А.И. Лопатиным (1977), А.Ю. Рогачевым (1983), А.Н. Киксевым (1995)⁹⁷. По мнению И.А. Кирьянова поселение в XIV–XVI вв. являлось пограничной крепостью-острожкой на Пьяно-Сурской границе Русского государства⁹⁸.

В Пильнинском районе у с. Курмыш в 1984 г. М.Г. Жилиным открыто компактное скопление средневековых поселений Курмыш 1–5⁹⁹. М.Г. Жилиным памятники были охарактеризованы как небольшие русские (или русско-мордовские) селища XIV–XV вв. или XV–XVI вв. с размерами от 600 до 3000 кв. м. В 2001 г. они были повторно обследованы В.А. Флягиным¹⁰⁰.

Курмышские поселения начали раскапываться комплексной экспедицией Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского и Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. В 2007 г. Н.Н. Грибов определил, что поселения Курмыш 1, 2, 4, 5 являются частями одного большого, названного Курмыш 4¹⁰¹. На поселении проведены раскопки в 2008 и 2009 г.¹⁰², на поселении Курмыш 2 в 2008 г.¹⁰³.

В 1991 г. отряд Нижегородской Археологической службы под руководством И.А. Очеретина проводил работы на территории с. Курмыш. Основной задачей было изучение характера культурного слоя и уточнение местоположения оборонительных сооружений крепости¹⁰⁴.

Селище Кекино 3 в Воротынском районе обнаружено и впервые обследовано Н.Н. Грибовым в 2008 г. Датируется XIV–XVI и XVIII–XX вв. и интерпретировано как рыбацкая тонь или иное промысловое поселение, входящее в домен городецкого князя Бориса Константиновича¹⁰⁵.

⁹⁷ Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. М., 2004. Ч. 1. С. 307.

⁹⁸ Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961. С. 13.

⁹⁹ Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. М., 2004. Ч. 1. С. 298–299.

¹⁰⁰ Флягин В.А. Отчёт об археологических исследованиях на территории Нижегородской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №26909.

¹⁰¹ Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Богородском и Пильнинском районах Нижегородской области в 2007 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Л. 44.

¹⁰² Грибов Н.Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш IV в Пильнинском районе Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. 169 л.; Грибов Н.Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш IV в Пильнинском районе Нижегородской области в 2009 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. 150 л.

¹⁰³ Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском и Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №33498. Л. 68–69.

¹⁰⁴ Очеретин И.А. Средневековая крепость Курмыш (по итогам исследований 1991 года) // Уваровские II чтения. Муром, 1994. С. 201.

¹⁰⁵ Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском и Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Л. 69–72.

У устья р. Киша в 2008 г. Н.Н. Грибовым исследовано поселение XIV–XVIII вв. Мурзицы 1¹⁰⁶. Памятник отождествляется с летописным поселением «Кишь».

К юго-западу от с. Курмыш Ж.С. Калыгиной в 2011 г. обследовано поселение Новое Жилище¹⁰⁷. Границы в пределах 18000 кв. м. определены по распространению подъёмного материала и шурфам.

В 2014 и 2018 гг. Ф.А. Ахметгалиным и А.Г. Ситдиковым проведены раскопки на территории городища Курмыш, было выявлено пять хозяйственных построек XV–XVI вв.¹⁰⁸.

Памятники Ульяновской области. По летописным источникам мы знаем о возникновении нескольких поселений XIV–XV вв. на территории Ульяновской области, но археологическое подтверждение их существования находится не всегда. Наиболее достоверно можно соотнести летописную «Сару Великую» с селищем Сара 5 в Сурском районе. Селище обследовано международной археологической экспедицией в 2015–2019 гг. непосредственно на территории с. Сара. По керамике и находкам монет предварительно датировано второй половиной XIV – первой половиной XV вв. С поселением связывается бытование могильника, расположенного рядом¹⁰⁹.

Летописное «Промзино городище» связывается с селом Сурское (бывшее Промзино) на устье р. Промза, но мы не располагаем археологическими материалами, подтверждающим это предположение.

Проанализировав всю совокупность данных о раскопках и разведках в бассейне нижнего и среднего течения р. Сура, перед нами открывается картина слабого изучения памятников XIV–XV вв. В первую очередь изучались укрепленные поселения на территории Нижегородской области, связанные с процессом складывания и расширения Нижегородского княжества.

¹⁰⁶ Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском и Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Л. 74–87.

¹⁰⁷ Калыгина Ж.С. Отчёт об археологических исследованиях (разведке) на территории Пильнинского района Нижегородской области в 2011 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №34671. Л. 15–18.

¹⁰⁸ Ахметгалин Ф.А., Ситдинов А.Г. Курмыш // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Позднее средневековье (середина XV–XVII вв.). Казань, 2022. Т. 7. С. 315–320.

¹⁰⁹ Вязов Л.А., Михайлов Е.П., Макарова Е.М., Мясникова А.Б., Мясников Н.С., Петрова Д.А., Салова Ю.А., Силанов Р.А. Исследования памятников Среднего и Нижнего Посурья в рамках работы международной археологической экспедиции в 2015–2019 гг. // Археология евразийских степей. – 2020. – №3. – С. 361–362.

На территории Чувашского Присурья регулярное изучение памятников средневековья начинается с 1970-х гг. Следует выделить современный этап исследований, когда выявлена большая часть поселений Курмышской округи и накоплен материал для создания общей картины поселенческой структуры.

На территории Ульяновской области, в среднем течении р. Суры, известны только единичные поселения, изученные разведочными работами.

Глава 2. Материальная и духовная культура народов Нижнего Присурья по археологическим данным

2.1. Поселенческая структура Нижнего Присурья во второй половине XIV–XV вв.

В эпоху Средневековья происходили наиболее значимые этнические процессы, приводившие к изменениям численного и этнического состава населения Среднего Поволжья. Присурье было заселено племенами финно-угорской языковой общности, которые прошли здесь сложный и длительный путь этногенеза и этнической истории. В начале XIII в. этнический состав региона изменяется под влиянием этнополитического фактора. Монголо-татарская империя, завоевав Волжскую Булгарию, нарушает поступательный ход истории и установившиеся этнические связи тюркского и финно-угорского миров. Качественно изменяется направление этнических и социальных процессов в регионе, ускоряется миграция, ассимиляция и расширяется этнокультурное взаимодействие.

Р.Г. Кузеев, описывая финно-угорское-тюркское культурное взаимодействие XIV – первой половины XVI вв., отмечает усиление влияния ислама и христианства. Усиливаются бикультурализм, этнокультурные и ассимиляционные процессы, и, в конечном итоге, этнические процессы¹¹⁰.

Карта расселения народов на территории Нижнего Присурья в конце болгарского – начале золотоордынского периода была сложной и пестрой. В Цнинско-Мокшанском междуречье, в бассейне р. Алатырь и в верховьях р. Пьяны в XIII–XV вв. расселялась мордва¹¹¹. В пределах современной Нижегородской области, на правом берегу р. Волги вплоть до устья р. Суры, располагались немногочисленные русские селения. Вдоль правого берега и приустьевой части р. Суры расселялись марийцы.

¹¹⁰ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 85.

¹¹¹ Шитов В.Н. Расселение мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 56.

В доордынский период процесс расселения русских на территории современного Нижегородского края был нестабильным. Ряд фактов красноречиво свидетельствует о пробулгарской настроенности мордовского населения. Известно о существовании союзнических отношений Пургасовой Руси с Волжской Булгарией. На половине всех поселений мордвы фиксировалась булгарская керамика. Русскую керамику содержали только 15% поселений, при этом одновременно были найдены фрагменты булгарской. В погребениях мордовских грунтовых могильников находки булгарской керамики довольно часты, но отсутствует древнерусская¹¹².

С местным населением края отношения выстраивались не всегда в мирном русле. Русские неоднократно предпринимали походы против мордвы, что негативно сказывалось на развитии региона: «... вшед в землю Мордовскую Пургасову волость, пожгоша жита и потравиша, и скоты избиша ... (1228 г.)»¹¹³.

Булгарские памятники (поселения и местонахождения керамики) к западу от р. Суры встречаются реже, чем в правобережье реки. Археологами отмечено Архангельское 1 селище X–XIII вв., в керамическом комплексе которого преобладала булгарская посуда. Селища Кириково 1 X–XIII вв. и Кожино представлены комплексом русской XII–XIV вв. и булгарской посуды¹¹⁴. В Кириково 1 вместе с гончарной древнерусской посудой (с линейным орнаментом и фрагментом доньшка с клеймом в виде колеса) имелаась красноглиняная булгарская XIII в. с волнистым и линейным орнаментом. По концентрации булгарских поселений также можно локализовать границы постоянной сферы влияния булгар Присурьем.

В приустьевой части правобережья р. Суры располагается несколько марийских памятников (рис. 4). Самым крупным из них является Васильсурское 5 городище «Репище»¹¹⁵. В напластованиях XI–XIII вв. найдена марийская, гончарная сероглиняная древнерусская, в том числе с волнистым орнаментом, и булгарская красноглиняная с линейным и волнистым орнаментом керамика, в том

¹¹² Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. М., 2004. Ч. 1. С. 69.

¹¹³ Гераклитов А.А. Материалы по истории мордвы. Сборник выписок из печатных источников. М.–Л., 1931. С. 9; Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. СПб, 1846. Т. 1. С. 191.

¹¹⁴ Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. М., 2004. Ч. 1. С. 69, 133, 267.

¹¹⁵ Там же. С. 187–188.

числе развал кувшина со сливом, оформленным в традициях домонгольского времени. Датирующим материалом послужили обломок цилиндрического замка XI–XIII вв., крест-энколпион, глиняные пряслица. К домонгольскому времени относятся постройка подпрямоугольной в плане формы с остатками глинобитной печи и хозяйственные ямы¹¹⁶.

Комплекс марийских поселений зафиксирован у д. Красное Селище. На поселении Красное Селище 2 культурный слой XIII–XIV вв. содержал обломки лепной посуды, где в качестве отощителей применялись раковина, шамот и дресва (её более 80%). На всех раскопах гончарная посуда содержала примеси дресвы (12–14%). Булгарская керамика составляет 1%. Из металлических находок следует отметить ножи, рыболовные крючки, булавки, пряжки, скобы, гвозди, цепочки, наконечники стрел, ключи от пружинных замков, бронзовый зооморфный замок в виде лошадки, бронзовые сьюльгамы, монетовидная подвеска с ликом святого с книгой в руке, глиняные пряслица и грузила. На поселении Красное Селище 3 XIV в. в лепной керамике преобладали шамот, толчёная раковина и дресва. В гончарной фиксировалась дресва (табл. 11)¹¹⁷.

Аналогичный набор керамики и находок встречается и на других памятниках Горномарийского района. Малосундырское городище Аламнер XIV–XV вв. по набору керамических изделий отнесено к средневековой марийской культуре. К находкам русского импорта отнесены нательные кресты, ладанки и монеты XIV–XV вв. Импорт из центральных булгарских земель представлен керамикой, цилиндрическими и зооморфными замками, золотоордынскими монетами XIV в.¹¹⁸. Группа памятников Малосундырской округи и памятников Красное Селище–Васильсурск привязаны к разным речным системам. Наблюдается природная изоляция этих групп – они удалены друг от друга на 30 км и отделены крупным лесным массивом¹¹⁹.

¹¹⁶ Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. С. 200.

¹¹⁷ Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. С. 48; Никитина Т.Б. Древнемарийское селище XIII–XIV вв. // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. Йошкар-Ола, 2000. С. 57–59, рис. 1–3.

¹¹⁸ Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. С. 30–31.

¹¹⁹ Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер. Миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола, 2006. С. 175.

Исследователи отмечают сокращение количества городищ и могильников в золотоордынский период по сравнению с предыдущим. Городища меняют своё назначение и из городищ-убежищ они превращаются в сторожевые пункты-крепости. Малосундырское и Васильсурское 5 городища являются южными сторожевыми пунктами в ареале марийских племён¹²⁰. Керамика выполнена по местным традициям, содержит примесь дресвы и шамота, с линейным и волнистым орнаментом и оттянутым венчиком.

Рассматривая период XIV–XV вв., нельзя обойти вопрос о возникновении доордынских болгарских памятников в низовьях р. Суры. В.Н. Татищев на основании анализа расселения мордвы, марийцев, болгар, указанных в исторических источниках, сделал вывод, что западная граница Волжской Булгарии проходила по р. Суре¹²¹. В историографии данное утверждение не получило единогласной поддержки. Во второй половине XX вв. археологи и историки неоднократно обращались в своих трудах к этому вопросу. В.А. Кучкин на основе анализа письменных источников не поддержал мнение В.Ф. Каховского и А.П. Смирнова, что границы Булгарского государства проходили где-то по р. Суре, а на месте будущего Нижнего Новгорода располагался болгарский торговый центр¹²².

На данный момент прохождение границы Волжской Булгарии по р. Суре признают большинство исследователей. Среди высказываний мы находим следующее утверждение Ф.Ш. Хузина: «Достоверно установлено, что юго-восточные районы соседней Чувашии, связанные с бассейном Свияги, также были заселены булгарами. Здесь открыто около 40 памятников, определяемые специалистами как болгарские. Наши чувашские коллеги доводят их количество до 70 и отодвигают западные пределы Булгарии до р. Суры. К сожалению, эти памятники исследованы пока разведочно. Однако значительное число болгарских поселений в Пензенской области убеждает нас в том, что р. Сура действительно служила в домонгольское время западной границей государства»¹²³.

¹²⁰ Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. С. 215.

¹²¹ Татищев В.Н. История Российская. М., 1768. Т. 1. С. 218, 317, 521.

¹²² Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в Средние века. Н. Новгород, 2011. С. 51.

¹²³ Волжская Булгария и Великая Степь // История татар с древнейших времён. В семи томах. Казань, 2006. Т. 2. С. 136.

Упомянутая верхнесурская группа болгарских памятников возникла на крупном сухопутном пути из Булгара в Киев¹²⁴. Она представлена многочисленными памятниками Ульяновского (около 200 памятников) и Пензенского Посурья (16 городищ и 16 селищ типа Золотаревского¹²⁵, Юловского, Садовского 1–3, Неклюдовского, Чаадаевского, Никольского, Средне-Липовского, Нижнее-Катмисского городищ).

Археологическая экспедиция под руководством В.Ф. Каховского положила начало изучению болгарских памятников в нижнем течении р. Суры. К доордынскому периоду им были отнесены поселения Стемасы I и Стемасы VI, к золотоордынскому периоду – поселение Устиновка и местонахождения керамики у селений Анастасово, Красная Горка «Скучиха», Курмыш, Мочкасы, Ядрин, Порецкое, Ряпино, Соляной Ключ, Сурский Майдан 2, Тихомирово, Ильина Гора, Шатино¹²⁶. На территории Нижегородской области местонахождения болгарской керамики им найдены у Бокшандино, Языково, Барятино и других селений.

Селище Стемасы 1, по мнению В.Ф. Каховского, возникло не позднее X в. и существовало до XIII в. Исследованное подполье жилого дома (сооружение 3) содержало круговую посуду болгарского типа с лощением и орнаментацией в виде волны и параллельных линий, развал корчаги и кувшина с ручкой, два цилиндрических замка и нож (рис. 36–37). Цилиндрические замки ранних форм и шиферное пряслице послужили датирующим материалом. Косвенным подтверждением этой датировки служит отсутствие в раскопе чугуновых котлов и поливной кашинной керамики¹²⁷.

По нашему мнению, непродолжительное время поселение продолжало существовать и в начале золотоордынского периода, так как в орнаменте сосудов присутствуют многорядный фестон и зонный линейный орнамент. Отнесённые В.Ф. Каховским к X–XII вв. замки (тип В и В1 по классификации Б.А. Колчина)

¹²⁴ Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003. С. 85–88.

¹²⁵ Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.-Пенза, 2001. 200 с.

¹²⁶ Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 80. С. 4–16; Каховский В.Ф. Исследования Чувашской археологической экспедиции 1976 года // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6372. Л. 35–38.

¹²⁷ Каховский В.Ф. Археологические исследования 1974 г. в Чувашии // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №5558. Л. 3–4, 6–8.

больше подходят к замкам типа В2 и Г и датируются XIII–XIV вв.¹²⁸. Некоторые образцы глиняных сосудов с поселения Стемасы I имели примесь в виде шамота и особую профилировку стенок, что указывает на их мордовское происхождение.

В окрестностях с. Стемасы В.Ф. Каховский собрал подъёмный материал, указывающий на существование нескольких домонгольских болгарских памятников (на поселение Стемасы VI найдено шиферное пряслице и болгарская посуда¹²⁹).

Новый материал, характеризующий болгарский доордынский и золотоордынский периоды истории в Алатырском регионе, был получен в 2008 г. А.В. Вискалин провёл археологическое обследование исторического центра г. Алатырь. В слое, расположенном ниже слоя русского города, он обнаружил горизонт залегания гончарной посуды волжских болгар (табл. 9). Она представлена десятью обломками тонкостенной посуды серого, бурого и красного цвета, изготовленной из тонкоотмученной глины. Поверхность посуды покрыта характерными полосками лощения. Здесь же найден железный гвоздь без шляпки, часто встречающийся на поселениях волжских болгар. Автор раскопок делает вывод, что поселение являлось одним из торговых пунктов Волжской Булгарии в Присурье, которое возникло и прекратило свое существование ещё в домонгольский период (X–XIII вв.), задолго до появления русской крепости¹³⁰.

Раскопками селища у д. Устиновка Порецкого района изучено сооружение 1, являвшееся остатком наземного жилища с неглубоким подпольем и глинобитной печью¹³¹. В.Ф. Каховский отнёс его к периоду X–XIII вв. опираясь на немногочисленные находки в виде цилиндрического замка, ножа, пряслиц и керамики¹³². Изучив керамику поселения в музейных коллекциях, мы склонны отнести её к периоду Золотой Орды. Она высокого обжига, без видимых примесей, с лощением и орнаментом из многорядной волны, фестона и линий, нанесённых двух- или трехзубой вилкой (рис. 37, №2–7).

¹²⁸ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 87, рис. 70.

¹²⁹ Каховский В.Ф. Археологические исследования 1974 г. в Чувашии // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №5558. Л. 9.

¹³⁰ Вискалин А.В. Отчёт об археологическом обследовании исторического центра Алатыря // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. Л. 7, 13–14.

¹³¹ Каховский В.Ф. Исследования Чувашской археологической экспедиции 1978 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6973. Л. 2–7.

¹³² Там же. Л. 7.

Цилиндрический замок с Устиновского поселения имеет широкие хронологические границы бытования и не противоречит датировке золотоордынским временем. Согласно классификации Б.А. Колчина, замок относится к типу В2 (конец XIII–XV вв.)¹³³. На памятнике фиксируется малый процент русской средневековой керамики и гончарной мордовской, сделанной так же, как и на поселении Курмыш 4, по «русским лекалам».

Во время разведки 2016 г. на Устиновском поселении, кроме русской керамики XVIII – начала XX вв., найдены фрагменты жёлто-коричневого цвета, хорошего обжига, с линейным орнаментом в виде параллельных линий¹³⁴. Аналогичные фрагменты В.Ф. Каховский относил к болгарской керамике, но мы датировем её золотоордынским периодом.

Таким образом, мы располагаем малым объёмом сведений о периоде X–начале XIII вв. Три объекта, концентрирующиеся в окрестностях города Алатырь (нижние слои г. Алатырь, Стемасы 1 и Стемасы 6) и поселение Устиновка, дают основания предполагать, что болгары имели на территории Присурья систему торговых пунктов и сельских поселений. Вероятно, это северная окраина верхнесурской группы памятников болгарского периода. Крупномасштабные раскопки позволяют более детально установить степень заселенности Чувашского Присурья. Датированный материал с этих поселений относится к концу доордынского и началу ордынского периода. Находки вещей доордынской эпохи на памятниках у устья р. Суры логичнее объяснить интенсивностью торговых контактов вдоль Волжского торгового пути.

Новый этап этнической истории края наступает с момента возникновения государства Золотая Орда. Золотоордынский и казанскоханский периоды сыграли основную роль в общем этнокультурном и социально-политическом становлении народов Волго-Уральского историко-этнографического региона. Население Среднего Поволжья подвергалось нападению со стороны захватчиков, что вызвало миграцию населения Болгарии и окружающих её народов.

¹³³ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 87, рис. 70.

¹³⁴ Федулов М.И. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Ядринского и Поречского районов Чувашской Республики в 2016 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. Л. 28, рис. 76, №205–208.

По подсчётам В.Ф. Каховского, на территории Чувашии считаются выявленными 112 домонгольских и золотоордынских болгарских памятников¹³⁵. Основная часть их расположена в юго-восточных районах республики. Среди них наиболее крупным считается городище у с. Большая Таяба Яльчикского района. Памятник возникает в доордынский период, но в период Золотой Орды его значение возрастает до резиденции золотоордынского баскака¹³⁶. Результаты последних исследований позволяют отнести городище и могильник к доордынскому периоду. В верховьях р. Бездны (правый приток Суры) известны Яблонево I, II и Никишинское II поселения, которые входили в сельскую округу данного городища¹³⁷.

На большей части территории Чувашской Республики имеется ряд памятников, относящихся к началу рассматриваемого нами периода. Р.Г. Фахрутдинов характеризует местную «чувашскую» керамику наличием гончарных и лепных сосудов буро-серого и желтоватого цвета из глины с примесью крупного, частично мелкого песка, шамота, толчёной раковины, редко известняка¹³⁸. По его мнению, поселения Чувашии содержат различный процент позднебулгарской керамики. Небольшим процентом она представлена в Таутовском селище Аликовского района (3,34%). Для сравнения, в Янмурзинском поселении «Пăлаху» Красноармейского района булгарская керамика XIV в. составляла 13,4%, в Большеангильдинском селище Чебоксарского района содержится 5,23% керамики XIII – первой половины XIV вв.¹³⁹.

Высказано предположение о выделении «памятников Большеангильдинского типа», куда включены Таутовское, Янмурзинское, Челкасинское, Убеевское, Досаевское, Сюрбей-Токаевское поселения. Датировка таких памятников определена в рамках середины XIV – первой половины XV вв.

¹³⁵ Каховский В.Ф. Булгарские памятники на территории Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары, 1995. С. 27.

¹³⁶ Смирнов А.П. Исследования городища и могильника золотоордынской эпохи у с. Большая Таяба Чувашской АССР // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1950. Вып. 4. С. 143–144.

¹³⁷ Фахрутдинов Р.Г. Отчёт о разведочных работах проведенных в 1967 г. в Предволжье Татарии // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №5327. Л. 44–46.

¹³⁸ Термин «чувашская керамика» заключён в кавычки Р.Г. Фархутдиновым. В научной литературе нет чёткой характеристики по которой можно было бы выделять данную керамику.

¹³⁹ Фахрутдинов Р.Г. О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Археология и этнография Татарии. Казань, 1971. С. 184, 187–188; Хлебникова Т.А. Археологические памятники XIII–XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 90.

Основным критерием для включения их в отдельную группу является набор технико-стилистических групп керамики (наличие русской, славяноидной, лепной с шамотом и раковиной, ордынской посуды)¹⁴⁰. Однако выделение такой группы пока требует более разработанных критериев. Из названных объектов самое изученное Большеянгильдинское поселение А.П. Смирновым и В.Ф. Каховским датировано доордынским временем¹⁴¹.

Автор раскопок Таутовского поселения Н.В. Трубникова отмечает, что большая часть найденной гончарной глиняной посуды содержала примесь раковины, но не приводит её процентное соотношение. Нами в фондах Чувашского национального музея выявлено 135 фрагментов с примесью раковины, при этом общее количество фрагментов из Таутово, согласно описи 1956 г., составляет 1030. Исключив из общего числа 220 фрагментов, отнесённых к эпохе бронзы, мы получим не менее 16,7% славяноидной керамики¹⁴², что идёт в разрез с утверждением, что керамика с раковиной составляет более половины (табл. 7).

Из узоров на черепках поселения Таутово встречается линейный и волнистый орнаменты. Вертикальными полосами лощения покрыты черепки болгарской посуды. Пряслице с циркульным орнаментом также относится к болгарскому кругу находок (рис. 38, №6). Отдельно Н.В. Трубникова выделяет группу славянской посуды с типичной формой и узором. На дне одного из сосудов имеется клеймо в виде свастики (рис. 39). Такой орнамент имелся на перстне с поселения Красное Селище 2¹⁴³. Обследование территории памятника в 2017 г. показало, что на поселении сохраняется культурный слой с болгарской и средневековой русской посудой.

Несколько обломков чугунных котлов по форме и профилировке стенок Н.В. Трубникова сравнила с найденными в г. Болгар (из собрания ГИМ) и

¹⁴⁰ Мясников Н.С., Грибов Н.Н. Большеянгильдинское селище XIV–XV вв. в Чувашско-Марийском Поволжье // Новгород земли Низовской. М., 2024. С. 133–155.

¹⁴¹ Смирнов А.П., Каховский В.Ф. Болгарское селище близ деревни Большое Янгильдино в Чувашской АССР // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах / Учёные записки ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. XXV. С. 253.

¹⁴² Чувашский национальный музей. Коллекция «Археология». Материалы археологических раскопок 1956 г. Инв. №7504–7687.

¹⁴³ Никитина Т.Б. Древнемарийское селище XIII–XIV вв. // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. Йошкар-Ола, 2000. С. 57, рис. 1Б.

булгарских поселений Самарской области¹⁴⁴. Небольшое процентное соотношение булгарской керамики по сравнению с керамикой местного производства объясняется удалённостью поселения от основной территории булгарского государства.

Во многом схожее процентное соотношение глиняной посуды наблюдается и на памятниках XIII–XV вв. Горномарийского района Республики Марий Эл (Носельское 2 и 3, Сиухинское, Отарское селища и Мало-Сундырское городище). В количественном отношении булгарской керамики здесь меньше, чем на памятниках Чувашии (на Малосундырском городище она составляет 0,8%, на Носельском 3 – около 2% от общего количества)¹⁴⁵. Наличие на памятниках Чувашии большего количества булгарской керамики объясняется более активным проникновением булгар в районы, удалённые от Волги.

К.А. Руденко выделяет селища, расположенные на территории Чувашии, в особую группу (селище и могильник «Пăлаху» (Янмурзино), селища Большое Янгильдино, Челкасы, Убеево, Досаево XII–XIV вв. и подъёмный материал, собранный на присурских селищах Стемасы (1, 4), Красная Горка «Скучиха», Сурский Майдан 2, Порецкое)¹⁴⁶. Эта группа памятников, по его мнению, образовалась в результате переселения части булгар на территорию Чувашии во время и после монголо-татарского нашествия.

Некоторые погребения Кирегаського «Пăлаху» (погребение №17), Новоядринского (погребение №1 и 2) и Большетаябинского могильников, а также Мари-Луговского могильника в Марий Эл, им также объединены в одну группу некрополей XIV в. Они занимают промежуточное положение между традиционными мусульманскими погребениями сельских некрополей и захоронениями поздних кочевников второй половины XIV в. Для них характерна неустойчивая обрядность: не все захоронения выдержаны в рамках мусульманского канона (несоблюдение кыблы), присутствие элементов культа

¹⁴⁴ Трубникова Н.В. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // Учёные записки ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 16. С. 251–252.

¹⁴⁵ Хлебникова Т.А. Археологические памятники XIII–XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 88.

¹⁴⁶ Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань, 2001. С. 16, 131.

огня, наличие вещей, коллективных захоронений¹⁴⁷. Данные могильники являются связующим звеном между болгарской и позднечувашской языческой традицией захоронения.

В Алатырском Присурье к началу XIV в. расселяется мордва. При раскопках Утюжского 1 поселения был обнаружен комплекс предметов XIV в. Исследователи считают первую половину XIV в. наиболее вероятным временем существования селища. По ряду находок, например, лопастному скульгаму XIV в. (относится к южному варианту мокшанских украшений)¹⁴⁸ и кресалу, определена мордовская этническая принадлежность насельников. Из индивидуальных находок следует отметить пряслица, рыболовные грузила от волоковых сетей, многолепесковую бляшку-розетку, абразивные камни, обломки железных хозяйственно-универсальных ножей, железные гвозди, фрагмент звена железной цепи, калачевидное кресало, железные иглы.

Из датирующего материала найдены железные замки типа В второй половины XII–XIV вв. и типа Г конца XIII – второй половины XV вв., а также железный ключ, подходящий к замку типа Г (по классификации Б.А. Колчина). Часть других предметов имеет приблизительную датировку: наконечник стрелы XII–XIV вв., ажурная накладка, имеющая налоги на памятниках Республики Татарстан (Чакма), орнитоморфная накладка, височное кольцо, бусины XIII–XIV вв. и т.д. (рис. 44).

Среди круговой посуды найдены образцы русской керамики, что в совокупности с находкой нательного крестика, указывает на контакты с русским населением. Керамика, выполненная в болгарских традициях, представлена 12 фрагментами стенок, четырьмя венчиками, пятью фрагментами ручек круговой посуды. Авторы раскопок отнесли её к общеболгарской керамической группе – группе 1 по типологии Т.А. Хлебниковой и Н.А. Кокориной. Следы лощения, орнамент из многорядной волны и фестона, зонального линейного узора, линейного арочного узора, перекрещивающегося гребенчатого штампа, и

¹⁴⁷ Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань, 2001. С. 131.

¹⁴⁸ Мясников Н.С., Березина Н.С. Исследование средневекового Утюжского поселения в Среднем Посурье в 2011–2012 годах // Чувашская археология. – 2015. – Вып. 2. – С. 100–101, 110.

ногтевых вдавлений в данной группе фиксируется только в золотоордынский период¹⁴⁹.

Большую часть керамики с Утюжского поселения авторы отнесли к мордовской, охарактеризовав её как лепную с примесью шамота, неравномерным обжигом и следами сглаживания. Местная керамическая традиция характеризуется стадией освоения гончарного круга под влиянием русских либо болгарских гончарных традиций.

Таким образом, в Нижнем Присурье наблюдается следующая картина расселения. Сложилась контактная зона местных финно-угорских племён с булгарами и русскими, и у каждой из народностей была своя сфера торговых, дипломатических и промысловых интересов. Приустьевая часть р. Суры являлась западной окраиной марийских поселений и городищ в Чувашско-Марийском Поволжье. В левобережной части расселилась мордва, образовав наибольшую концентрацию в Алатырском Присурье.

На памятниках присутствует керамика, выполненная в болгарских и русских традициях, но всегда при преобладании керамики местной традиции. Все исследуемые фрагменты керамики болгарского типа указывают на начало активного распространения булгар в начале XIII в., а некоторые типы указывают на домонгольский период (конец XII – начало XIII вв.). Границы русских владений ещё не охватили всю левобережную часть Присурья, а болгарский импорт является ярким свидетельством активной торговли и этнических контактов.

Рубеж XIV–XV столетий становится трагической страницей в истории всего средневолжского региона. Золотоордынская держава, терзаемая внутриполитической борьбой за власть («великая замятня» 1359–1380 гг.), теряла свои позиции во внешнеполитических делах. В 1391 и 1395 гг. Аксак-Тимур (Тамерлан) нанёс военные удары по Золотой Орде. Разгрому подверглись и земли бывшей Волжской Булгарии. Общую картину разорения волжских земель дополняли нападения со стороны новгородских ушкуйников, русских князей, а

¹⁴⁹ Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. Казань, 2002. С. 114, рис. 104.

затем и кочевников. Всё это привело к разорению и опустошению болгарских земель. Территория, расположенная южнее Камы в левобережье Волги, а в правобережье – южнее линии современных населённых пунктов Красновидово (на Волге)–Средний Биябаш–Чутеево–Комсомольское (Кошелей), на Суре – южнее Барышской слободы, превращается в «дикое поле» – районы летнего кочевья преимущественно ногайцев («мангытов»), а также кыпчаков и крымских татар¹⁵⁰.

Сельская округа Курмыша. Крепость Курмыш является основным памятником рассматриваемого периода, вокруг которой сформировалась обширная сельская округа с полиэтничным составом населения. К данной округе относятся поселения Курмыш 2 и 4, Козловский комплекс памятников, Кекино 3, Ильина Гора 2, 1–8 Выселок №1, Новое Жилище, Новая Екатериновка 1–4, Сареево 1 и 4. Для них возможно вычисление гравитационной модели, устанавливающей силу связи между населёнными пунктами, с принятой в археологии заменой численности жителей на площадь поселения.

Гравитационная модель используется для изучения степени взаимосвязи и определения интенсивности коммуникации между поселениями. Она рассчитывается по формуле $M_{ij}=S_i \times S_j (D_{ij})^{-2}$, где M_{ij} – взаимодействие между пунктами; $S_i \times S_j$ – площадь обоих центров; D_{ij} – расстояние между ними¹⁵¹. Расчёт производился без учёта сложного рельефа (овраги, болотистая пойма, лес) и деления на правобережные и левобережные памятники. Мы можем допустить, что р. Сура являлась не разделяющим, а наоборот объединяющим фактором, так как связывает все памятники, кроме поселения Новое Жилище, которое не имеет прямого выхода к реке, но расположено у старичного озера. Данные по поселениям 1–7 Выселок №1 в таблице объединены в одну строку, так как расстояние между ними мало для получения качественно новых показателей. При этом площадь поселений бралась по сумме площадей поселений 1–3 (табл. 1).

Расчёт гравитационной модели показал, что ядром поселений является поселение Курмыш 4. Наиболее сильные связи устанавливаются с городищем

¹⁵⁰ Дмитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001. С. 22.

¹⁵¹ Афанасьев Г.Е. Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ // КСИА. М., 1989. Вып. 196. С. 7.

Курмыш, поселениями Выселок №1 и Новое Жилище. Сильная связь определена на показателях от 9,2 до 21,1, средние показатели включают от 2,3 до 7,8, и показатели ниже 1,8 отнесены к слабым. Сильно выделяются показатели гравитационной модели поселений Курмыш 4 и Курмыш 2 (показатель 462), а также Выселок №1 и Н. Екатериновка 4 (34). Это объясняется небольшими расстояниями между объектами и их значительной площадью. Попытка включить в эту модель поселение Мурзицы 1, обладающее площадью 165000 кв. м, но удалённое от Курмышской группы на 60 км, привела к ожидаемым результатам – слабой связи с показателем менее 1 единицы.

Крепость Курмыш заложена на мысовидном выступе левого берега р. Суры, который с напольной стороны был защищён валом и рвом. Сохранившаяся длина рва около 70 м, ширина в основании составляла 7 м, глубина около 1,5 м. Размеры крепости Курмыш (около 5000 м²) вполне соответствуют размерам небольших древнерусских крепостей. У места будущей крепости издревле существовала переправа через реку, в дальнейшем соотносимая с дорогой в Орду. На месте крепости и её окрестностях существовали мордовские поселения¹⁵².

Раскопки на территории городища не проводились, и оно исследовано разведочными экспедициями, давшими отдельные находки и керамику. В результате всех археологических работ удалось зафиксировать мощный культурный слой до 1 м. В конце XV – начале XVI века крепость была перестроена и увеличилась по площади¹⁵³. На первоначальном этапе существования, с конца XIV в., отложился небольшой культурный слой. Его мощность возрастает в период XVI–XVII вв.¹⁵⁴.

В окрестностях города появляется несколько поселений, самое крупное из которых – поселение Курмыш 4. Оно занимает около 16,5 га, что значительно превышает средние размеры русских (4–6 га) и мордовских (10–11 га) поселений края. Памятник имеет выраженную привязанность к реке, и растянут на 1,2 км вдоль берега. На памятнике изучено 107 м².

¹⁵² Акамов Н.Ф. Город Курмыш в XIV–XVIII веках: исторический очерк. Казань, 1895. С. 2.

¹⁵³ Очеретин И.А. Средневековая крепость Курмыш (по итогам исследований 1991 года) // Уваровские II чтения. Муром, 1994. С. 103.

¹⁵⁴ Ахметгалин Ф.А., Ситдилов А.Г. Курмыш // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Позднее средневековье (середина XV–XVII вв.). Казань, 2022. Т. 7. С. 320.

Собранная керамическая коллекция включает в себя около 20000 фрагментов. На основе анализа керамики Н.Н. Грибовым разработана подробная классификация этнокультурных групп посуды с учётом формы, состава примеси, орнамента: славяноидная (XVI группа по классификации Т.А. Хлебниковой), русская средневековая с примесью песка или дресвы, мордовская и золотоордынская керамика (табл. 6; рис. 12–13). Культурное разнообразие поселения обнаруживается и в характере вещевого материала (530 единиц).

На раскопе изучены остатки жилых строений. В одном сохранились развал глинобитной печи в верхней части заполнения (предпечье), а также деревянная обшивка стен и настил пола небольшого погреба. Другое сооружение являлось наземным жилищем с подполом. Подобные сооружения имели широкую распространенность на русских и болгарских поселениях. Подобные остатки двух домов раскопаны на поселении Красное Селище 2. Они представляли собой наземные срубные дома с развалом печи по-чёрному¹⁵⁵.

Н.Н. Грибов считает, что поселение имеет много общего в материальной культуре и хронологии с поселениями Горномарийского района Марий Эл (Красное Селище, Мало-Сундырское городище), Татарстана (Торецкое селище), Чувашии (Таутово) и русских земель в среднем течении Дона¹⁵⁶. От названных поселение отличается внушительными размерами и широким набором находок местного производства и импорта.

Городище Курмыш и поселение Курмыш 4 следует считать комплексом укрепленного и неукрепленного поселений. Об этом свидетельствуют близость в расположении на местности и временная синхронность. Курмыш 4 близок к поселениям городского типа. Большой размер, неоднородный состав населения, развитое ремесло, следы обширной торговли позволяют сопоставить его с малыми городами Золотой Орды по классификации В.Л. Егорова. Поселение представляет большой интерес как для изучения средневековой контактной зоны, географически связанной с нижним течением р. Суры, так и для изучения истории

¹⁵⁵ Никитина Т.Б. Древнемарийское селище XIII–XIV вв. // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. Йошкар-Ола, 2000. С. 52.

¹⁵⁶ Грибов Н.Н., Ахметгаллин Ф.А. Западное порубежье Болгарского улусах Золотой Орды (по материалам левобережных памятников нижнего Посурья) // Поволжская археология. – 2013. – №4(6). – С. 83, 90.

русского освоения Поволжья в эпоху господства Золотой Орды. Пограничное месторасположение способствовало этнокультурному взаимодействию проживавших здесь народов.

Согласно тексту жалованной грамоты Нижегородскому Благовещенскому монастырю, всё левобережье р. Суры от г. Курмыш до впадения её в р. Волгу входило во владения нижегородского князя Бориса Константиновича¹⁵⁷. Н.Н. Грибов считает, что население, проживавшее на территории поселения Курмыш 4, не было однородным. Однозначно можно утверждать, что здесь было представлено русское население из центральных земель, но, вероятно, и часть выкупленных русских пленников из Золотой Орды. Учитывая близость расселения мордвы и марийцев, а также ремесленный и торговый характер поселения следует предполагать постоянное нахождение здесь финно-язычных народов. Поселение возникло в первой половине XIV в. и просуществовало до первого десятилетия XV в. В 1408 г. войска Едигея учинили погром Присурья.

В 2008 г. в 3 км от Курмыш 4 найдено и обследовано селище Кекино 3. Оно расположено на берегу озера Пашково. Существование селища Н.Н. Грибовым датировано XIV–XVI вв. и интерпретировано как рыбацкая тонь или иное промысловое поселение. Вероятно, в начале своего существования оно входило во владения городецкого князя Бориса Константиновича¹⁵⁸. В комплексе найденной посуды присутствовали все группы керамики поселения Курмыш 4, за исключением лепной с примесью шамота, сероглиняной грубой, круговой красноглиняной посредственного обжига с примесью шамота, круговой с пористым тестом.

В 2,5 км к юго-западу от с. Курмыш располагается поселение Новое Жилище¹⁵⁹. Его с уверенностью можно отнести к сельской округе Курмыш. Очевидна и привязка к пойме Суры. Примерная площадь по распространению

¹⁵⁷ Грибов Н.Н., Ахметгаллин Ф.А. Западное порубежье Болгарского улусах Золотой Орды (по материалам левобережных памятников нижнего Посурья) // Поволжская археология. – 2013. – №4(6). – С. 83; Жалованная грамота, тарханно-несудимая и льготная, в. кн. Даниила Борисовича архимандриту митрополичьего нижегородского Благовещенского монастыря Малахии на село Мигино, Лысковские и Курмышские пустоши и пустынку на Стобицах // Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951. Ч. 1. С. 204–205.

¹⁵⁸ Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском и Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. Л. 73.

¹⁵⁹ Калыгина Ж.С. Отчёт об археологических исследованиях (разведке) на территории Пильнинского района Нижегородской области в 2011 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №34671. Л. 16–17.

подъемного материала составляет 17 га. Керамика отнесена к средневековой древнерусской, болгарской и мордовской. Помимо фрагментов сосудов в пахоте было обнаружено керамическое пряслице (рис. 43).

Таким образом, предсказуемое расположение в окрестностях крепости Курмыш сельских и промысловых поселений подтверждается материалами раскопок. В исторической литературе считалось, что расселение русских ограничивалось левым берегом р. Суры, правобережная часть (засурье) входила в зону активного хозяйственного освоения. На карте, составленной В.А. Кучкиным, владения Бориса Константиновича охватывают и правобережье, но скорее это было гипотетическое утверждение¹⁶⁰ (рис. 7). Комплекс памятников у д. Козловка, Ильина Гора 2, 1–8 Выселок №1 и Новая Екатериновка 1–4, Сареево 4 предоставляют новые данные для реконструкции процессов русской колонизации правобережья реки. Памятники растянулись в 20 километровый участок береговой линии (рис. 9).

Козловский комплекс памятников расположен на мысу коренной террасы размером 350×150 (около 2,5 га). На оконечности мыса устроено городище (около 0,5 га), на внутренней площадке которого располагался могильник. Поселение занимает весь мыс перед валом (рис. 10)¹⁶¹.

С напольной стороны городище защищено одним дугообразным валом 80 м длиной. Ров визуально не просматривается. Высота вала от площадки городища составляет от 1,3 до 0,8 м, ширина достигает 22 м. Учитывая большую ширину вала, можно предположить, что это остатки древо-земляных укреплений в виде составленных между собой деревянных срубов с земляным заполнением.

На площадке городища имеются многочисленные жилищные и хозяйственные ямы. Одна из них является остатком металлургического горна. В ней обнаружен развал из каменных плит, железная крица и шлаки.

¹⁶⁰ Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в Средние века. Н. Новгород, 2011. С. 126.

¹⁶¹ Федулов М.И. Козловский комплекс памятников: предварительные итоги изучения // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории). Чебоксары, 2019. С. 104–105.

Могильник располагается на внутренней площадке городища и вытянут вдоль восточного края мыса. На площади 45 м² исследовано 14 погребений, совершённых по христианскому обряду (рис. 50).

В культурных напластованиях городища выделяется два слоя. Первый период существования связывается с основной массой находок и может быть датирован XIV–XV вв. Датировочным материалом является дирхам, относящийся к периоду правления султана Абдалах-хана (Абдуллаха ок. 1340–1370 гг.), отчеканенный в Янги-шехре ал-Махруса около 1360-х гг. (рис. 22, №12). Погребения могильника прорезают данный слой и могут быть отнесены к концу существования поселения. Второй период существования связывается с деятельностью культовых сооружений XVII–XVIII вв. Найдены следы жертвоприношений – череп лошади и серебряные копейки с именем царей Алексея Михайловича и Петра I.

Предметы христианского культа представлены обломками двух железных крестов, вероятно являвшимися накладками, так как имели заклепки для крепления (рис. 22, №14–15). Нательные кресты из цветных металлов, как и большая часть других предметов металлопластики, были, вероятно, украдены из слоя «чёрными копателями».

Многочисленную группу находок представляют металлические изделия: кованые гвозди, кочедыки, проколки, шилья, железные ножи (универсальные хозяйственные, боевые «засапожники») (рис. 28). Из металлических изделий также найдены разнообразные втулки, пряжки, кольца (в том числе от кольчуги), рыболовные крючки, бур, втульчатый топор-тесло, черешковый плоский наконечник стрелы, пробой, обломки серпов и кос, обломки медных сосудов и пластин, чаша от весов, литейные выплески металла и шлаки (рис. 21, №2–3; 30). Найдено десять железных замков и их фрагментов, хронологически укладывающихся в промежуток конца XIII – середины XV вв. (рис. 29).

Среди находок особо выделяется кованая воротная скоба, изготовленная из толстой полосы железа и с двумя отверстиями для крепления гвоздями. Гвозди

имеют шестигранное сечение и массивную шляпку. Скоба найдена перед валом городища и, вероятно, является запорной частью ворот (рис. 21, №1).

Из датирующих находок также имеется обломок серебряного зеркала золотоордынского периода с литым рисунком в виде геометрических линий (рис. 22, №13)¹⁶².

Козловское городище занимает своеобразное место в системе одновременных памятников Нижнего Присурья. Оно является первым из средневековых укрепленных поселений, найденных на правом берегу реки. Все известные нам русские укрепленные поселения расположены на левом берегу р. Суры. Как и Курмыш 4, памятник указывает на сложные этнокультурные отношения в регионе. По некоторым признакам (большая площадь, разнообразие предметов быта, возможно, полиэтнический характер населения, следы разнообразной хозяйственной деятельности) он напоминает малый городской центр XIV–XV вв. Небольшой набор датирующих предметов и монет не дает возможности установить время прекращения существования данного комплекса.

В целом керамика с Козловского городища очень напоминает материалы поселения Курмыш 4. Идентичен состав технологических групп, формы венчиков, характер подсыпки на донцах и виды орнамента. Керамический комплекс близок к комплексу городища Аламнер. Вероятно, эти памятники входили в одну культурную провинцию и имели сходные источники заселения и, наверное, сходную судьбу.

На правом берегу р. Суры у д. Выселок №1 (Угор) расположен комплекс селищ вдоль большого оврага (селище 1–8). От поселения Курмыш 4 оно удалено на 3 км, а от Козловского городища – на 5,5 км и, несомненно, является частью этой агломерации. По самым приблизительным оценкам, площадь всех поселений составляет не менее 11,5 га, общее количество домовых ям составляет – 22. Селища расположены на возвышенности по краям береговой линии или оврага. Исключение составляет селище 3, расположенное в низине у реки. Селище 8 удалено от основной группы, но также вытянуто по краю оврага. Селища 1–3,

¹⁶² Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань, 2001. Рис. 49.

вероятно, являлись центральными в этой группе. Они отличались большой площадью и количеством домовых ям (рис. 11).

На поверхности селищ был собран большой подъёмный материал, состоящий из керамики и металлических предметов. Керамика по наличию основных групп сходна с поселением Курмыш 4, но впервые из правобережных памятников здесь найдена белоглиняная посуда «коломенского» типа (табл. 6). Часть железных предметов, в первую очередь это цилиндрические замки, имеет хорошую датирующую привязку.

Селище Ильина Гора 2 расположено на краю коренного правого берега в 3-х км от городища Курмыш. С ним устанавливается зона прямой видимости. Из всех известных правобережных памятников это поселение расположено на вершине холма, возвышающегося на 60 м от уровня р. Суры, что характерно для сторожевых пунктов. Площадь селища составляет около 3000 м² (рис. 9). Мощность культурного слоя достигает 1 м на склоне и 20 см на ровных (распаханных) участках.

Керамика по основным группам сходна с керамикой поселений Курмыш 4, Выселок №1 и Козловского городища (табл. 2; рис. 23). Среди фрагментов русской керамики найдены обломки с жёлтой односторонней поливой. Среди типичного инвентаря в виде цилиндрических замков и фрагментов чугунных котлов найден серп. Из индивидуальных находок выделяется свинцовое коническое пряслице-грузик с орнаментом, подобное найденным на поселении Курмыш 4 и других памятниках Поволжья¹⁶³.

Группа селищ у д. Новая Екатериновка, в отличие от группы у д. Выселок №1, состоит из четырёх удалённых друг от друга селищ. Селища 3 и 4 занимают мысы коренной террасы берега (80×30, 150×40 м). На селищах этой группы выявлено 16 жилищных ям. Культурный слой также насыщен керамикой, но отмечается меньший процент металлических изделий, хотя следы выплавки металлов присутствуют.

¹⁶³ Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 231, рис. 76; Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань, 1991. С. 55, рис. 19, №25.

Завершает обзор данной группы селища Сареево 1 и 4. На них присутствует идентичный набор керамики, но с минимальным присутствием славяноидной посуды. Среди всех рассмотренных селищ керамика здесь с преобладанием шамота, песка и дресвы (рис. 33, 34). На селище Сареево 4 найдены датирующие находки в виде ключей от цилиндрических замков, нательного креста с криновидными концами и дирхамов чеканки хана Джанибека. Обращает на себя внимание и наличие следов выплавки чёрного и цветного металла, многочисленные куски чугуновой посуды (рис. 35). Зафиксирована одна жилищная яма.

Рассмотренная группа памятников имеет один период существования, ограниченный второй половиной XIV – началом XV вв. Мы рассматриваем её как единый комплекс, связанный с периодом русской колонизации Нижнего Присурья. Большая часть данных свидетельствует о возникновении поселений рядом с селениями местного, вероятнее всего, мордовского и марийского населения. Памятников с чисто булгарским доордынским и ордынским набором вещевого комплекса не выявлено, а отдельные предметы указывают на активные торговые контакты по всему течению р. Суры. Судя по расположению домовых ям и подъёмному материалу, все поселения расположены на краю коренной террасы и оврагов, рассекающих её. Выбивается из общей канвы поселение 3 у д. Выселок №1. Оно располагалось у подножья коренного берега р. Суры, фактически у воды.

Поселения имели несколько жилых и хозяйственных строений, фиксирующихся по оплывшим ямам-подпольям (от 1 до 8). В отличие от Козловского городища, обследованные в 2023 г. селища являлись неукреплёнными. Новая Екатериновка 3 и 4, Сареево 4 расположены на мысовых выступах берега, но визуальнo следов земляных укреплений, характерных для мысовых городищ, не зафиксировано.

Можно выделить несколько объединяющих признаков для правобережных поселений. Датирующие находки укладываются в период второй половины XIV – первой половины XV в. На территории присутствует большое количество ям-

подполий. Имеется широкий набор однотипных металлических изделий, следы металлургического производства, несколько керамических групп (золотоордынская, славяноидная, русская).

В нашем распоряжении имеются археологические материалы по ещё одному кусту сельских поселений в левобережье Суры. Поселения Мурзицы, Порецкое и Антипинка хронологически относятся к следующему этапу русской колонизации – XV–XVI векам.

Согласно местной устной традиции современное село Мурзицы берёт начало от грозной крепости, построенной неким Секиз Беем. Под 1361 г. в Рогожском летописце отмечено, что бежавший от смут в Орде «...Секиз бий Запиание все пограбил и, обрывся рвом, ту седе...»¹⁶⁴. Крепость была уничтожена войсками Ивана IV в 1552 г. Следы пожара в виде прослойки угля и прокалённой глины зафиксированы во время обследования памятника в 2008 г. По находкам белоглиняной керамики под этой прослойкой удалось датировать следы пожара XVI веком¹⁶⁵. Расстояние между поселением Мурзицы и Устиновка составляет около километра, а часть керамического материала указывает на их синхронность во времени.

Культурный слой памятника содержал керамику XV – середины XVI вв. в верхних напластованиях (кирпично-красная ангобированная, красноглиняная высокого обжига нелощёная, красноглиняная с примесью раковины, морёная посуда) и керамику XIV–XVI вв. в нижнем слое (русскую гончарную грубую сероглиняную, лепную мордовскую и краснолощённую золотоордынскую).

В 2003 г. раскопками у с. Порецкое было изучено русское поселение. Культурный слой был сильно насыщен фрагментами керамики (3516 фрагментов) (табл. 8). Индивидуальные находки были представлены глиняными пряслицами, рыболовными грузилами, кочедыком, ножом, сапожной подковой (рис. 46)¹⁶⁶.

Авторы раскопок определили период существования Порецкого поселения концом XIII – началом XVI вв., с наиболее активным временем существования

¹⁶⁴ Рогожский летописец // ПСРЛ. Петроград, 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 71.

¹⁶⁵ Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском, Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №33498. Л. 86.

¹⁶⁶ Зеленев Ю.А., Краснов С.А., Михайлов Е.П. Порецкое поселение // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары, 2009. Кн. 2. С. 192.

XIV–XV вв. Основание его связывается с русской колонизацией Поволжья в XIV в. Легенда, описывающая приход первых поселенцев «лобачей»¹⁶⁷ на место будущего с. Порецкое, гласит, что здесь был глухой лес. Судя по источникам, Присурье до бассейна Алатыря считалось «медвежьим углом», где ещё в эпоху Смуты в начале XVII в. разного рода беглецы находили вольное житьё. Прекращение жизнедеятельности этого поселения связывается с изменением русла Суры. Жители вероятно переселяются на место современного с. Порецкое.

Русское поселение «Жилище» у с. Антипинка Порецкого района, по мнению В.Ф. Каховского, возникло ещё до присоединения Чувашского края. Раскопками на нём изучено два наземных жилища с подпольем и глинобитной печью. По комплексу вещей, составу керамики, типам металлических изделий и формам жилых и хозяйственных построек поселение «Жилище» имеет аналоги в русских средневековых памятниках и датируется XVI–XVII вв. Находки на поселении говорят о сельскохозяйственных занятиях населения. Здесь выявлены остатки овина («шишь»), состоящего из жердей, поставленных в два ряда, и хозяйственные ямы. Предметы повседневного быта представлены железным топором, нательным крестом, железными и костяными кочедыками, сапожной подковой, обломками железных ножей, косарем со втулкой, глиняными пряслицами.

В окрестностях села Антипинка В.Ф. Каховским был собран керамический материал, свидетельствующий о том, что оно основано на более древнем мордовском поселении. В пользу этого говорит и обнаруженное при раскопках погребение в скорченном положении. Могильная яма была овальной формы. Костяк лежал на правом боку головой на юго-восток, руки сложены перед лицом. В погребении вещей не обнаружено. В.Ф. Каховский посчитал погребение, противоречащим христианскому обряду, но совершённым по обряду «мертвяков», или «заложных», как называли русские умерших неестественной смертью¹⁶⁸. На наш взгляд, погребальный обряд больше характерен для мордвы. Аналогичные

¹⁶⁷ «Лобачами» называли ссыльных, у которых на лбу было выжжено клеймо. Здесь они появляются после так называемого «Угличского дела» 1591 г., когда в г. Углич был убит царевич Дмитрий и часть представителей именитых родов были высланы за пределы столицы.

¹⁶⁸ Каховский В.Ф. Археологические исследования 1978 года в Чувашской АССР // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 105. С. 62–63.

погребения раскопаны на могильнике у д. Новое Ядрино Ядринского района¹⁶⁹. Типы русских керамических сосудов поселения Антипинка аналогичны материалам Порецкого поселения и одновременным слоям г. Чебоксары (табл. 8).

В завершении обзора следует упомянуть ещё ряд памятников, изученных разведочно. Селище Сурский Майдан 2 осматривалось В.Ф. Каховским в 1974 г. и датировано XIII–XV вв. по многочисленным фрагментам позднебулгарской посуда и фрагментам чугунных котлов¹⁷⁰.

У устья р. Меня расположено Тихомировское (Ряпинское) поселение. Судя по расположению в пойменной, затопляемой весенним половодьем, местности, оно могло играть роль временного, возможного, торгового пункта. В 1928 г. здесь случайно найден клад серебряных золотоордынских монет, закопанный в 1357–1380 гг.¹⁷¹. К.В. Элле на месте находки провёл небольшие раскопки. Он посчитал поселение городищем, приняв за валы и рвы особенности рельефа поймы р. Меня¹⁷². Датировку и культурную принадлежность К.В. Элле не приводит, отметив только предание, что когда-то здесь жили «какие-то басурмане»¹⁷³. Нами на поселении найден бронзовый бубенчик из двух спаянных полусфер и бронзовая сумочная накладка, широко распространенные в эпоху Золотой Орды (рис. 47).

Между Мурзицами и Ряпино располагается с. Козловка. У данного села В.Ф. Каховским было обнаружено два местонахождения булгарской керамики (Козловское 1 и 2 местонахождение). На территории одного из огородов Е.П. Михайловым в 2009 г. собраны многочисленные фрагменты керамики и вещи, связанные с булгарской культурой¹⁷⁴. Среди находок имеется перстень, медный пул, костяная шахматная фигурка, шашка с циркульным орнаментом (рис. 48).

¹⁶⁹ Зубарева В.М., Краснов Ю.А. Средневековый чувашский могильник у дер. Новое Ядрино // КСИА. М., 1972. Вып. 129. С. 101; Вайнер И.С. Отчёт о работах 3-го Чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №4696. Л. 17–18.

¹⁷⁰ Каховский В.Ф. Исследования Чувашской археологической экспедиции 1976 г. ...Л. 35–36.

¹⁷¹ В литературе клад известен под название «Тихомировский», так как найден у села Тихомирово ныне вошедшего в состав села Ряпино.

¹⁷² Элле К.В. Клад джучидских монет в ЧувАССР // Краткие сообщения ИИМК. – 1947. – Вып. XV. – С. 111–112.

¹⁷³ Элле К.В. Отчёт о поездке в Порецкий район для обследования клада, найденного местными жителями // Рукописный фонд Чувашского национального музея. Папка №25. Учетный ВМ 4495. С. 1.

¹⁷⁴ Археологическая карта Чувашской Республики: науч.-справ. изд. под ред. Е.П. Михайлова. Чебоксары, 2014. Т. 2. С. 152–153.

Селище Сара 5 расположено в границах с. Сара Ульяновской области, на левом берегу р. Суры, у устья р. Большой Сарки. Рекогносцировочными работами установлены примерные границы селища по распространению многочисленного керамического материала, отдельных находок и монет (рис. 49). Монеты датированы временем чеканки от хана Узбека до Хызра 1320–1360-е гг. (всего найдено 13 серебряных и медных монет). Среди датирующих находок выделяются фрагмент зооморфного замка и дужки висячего замка. В средневековой керамике выделяется русская круговая посуда (серого и красного цвета с примесями песка и дресвы, волной и линейным орнаментом), типичная ордынская (с лощением, линейным, штампованным и фестончатым орнаментом) и лепная мордовская (с примесью шамота горшковидных и баночных форм). На территории села изучено 5 погребений могильника, который перекрывался поздним слоем XVI–XX вв., что дало основание считать могильник одновременным поселению XIV–XV вв.

Таким образом, в территориальные рамки исследования попадает двухсоткилометровый участок р. Суры от устья до поселения Сара 5. Рассмотрев все имеющиеся материалы средневековых памятников, можно констатировать, что чисто болгарских доордынских памятников на территории Нижнего Присурья нет. Несомненно, болгарский импорт в виде краснолощёной болгарской керамики, ордынских монет и металлических изделий найден на ряде поселений, но большая его часть относится к XIII – началу XIV вв.

С 1372 г. вокруг крепости Курмыш формируется обширная сельская округа. Нет оснований считать входившие в неё поселения однонациональными, например, русскими. В предметных коллекциях памятников найдены артефакты свидетельствующие об интенсивном взаимодействии с народами Среднего Поволжья, в первую очередь с мордвой. Поселение Курмыш 4 являлось крупным ремесленным, промысловым и торговым центром.

Новые археологические данные позволяют расширить территориальные рамки округа Курмыша на правобережную часть. В Засурье выявлено 14 селищ, одно городище и могильник. Совокупность данных указывает на интенсивное

увеличение поселенческой агломерации, по крайней мере в период второй половины XIV – начале XV вв.

Выше по течению р. Суры поселения рассматриваемого периода располагались дисперсно. Поселения Барыш и Алгаши известны только по летописным источникам. Порецкое и Антипинку следует рассматривать как русские селения, возникшие в период активной колонизации края в XV–XVI вв. Южные пределы распространения памятников XV–XVI вв. Нижнего Присурья определяются по поселению Сара 5 в Ульяновской области.

2.2. Керамические комплексы

Керамика, как наиболее распространенный и массовый материал, даёт относительно точную датировку и определяет культурную, а в случае со средневековой керамикой, и этническую принадлежность населения, её создавшую. Сложность в использовании керамических комплексов памятников Присурья обусловлена отсутствием разработанных критериев классификации. Авторы раскопок по-разному описывали состав примесей, профилировку венчиков, внешний вид посуды. На основании керамики поселений Курмышской округи нами делается попытка структурирования основных признаков и групп.

Керамика поселений Курмышской округи. Первые образцы керамики XIV–XV вв. получены при изучении городища Курмыш в 1991 г. Она была охарактеризована как сероглиняная грубая керамика. В 2014 и 2018 гг. выявлен слой с фрагментами керамики XV–XVIII вв.: чернолощёной и серой лощёной, керамики неопределённой мелкопесочной, белоглиняной нелощёной, буро-серой песочно-дресвяной, в болгарских традициях, круговой с примесью толчёной раковины, керамики по образцу ранней белоглиняной (рис. 16). В виду

ограниченности материалов классификация керамики только по материалам городища не возможна.

Для выделения основных типов средневековой керамики мы используем наиболее разработанную классификацию по поселению Курмыш 4. Н.Н. Грибов, проанализировав более 20 тыс. фрагментов, выделил основные технико-технологические характеристики керамики XIV–XVI вв., провёл сравнение с керамикой сельской округи Нижнего Новгорода. На основе состава примесей, профилировке венчиков, орнамента и других признаков мы получили представление о местных традициях поволжских финнов, появлении традиций русских мастеров, распространении посуды в болгарских традициях (табл. 6).

По сочетанию основных технологических признаков (способу формовки, характеру обжига, рецептуре теста) в ней выделяется несколько групп, среди которых преобладает так называемая славяноидная керамика (50,5%). Главным отличительным признаком её от русской керамики является примесь дроблёной раковины. Профилировка венчика и тулова соответствует русским образцам (рис. 12).

Русская керамика середины XIV – начала XV вв. с примесью песка или дресвы представлена 30%. Она полностью соответствует посуде Нижегородского Поволжья и хорошо изучена по городским и сельским памятникам.

В остальной посуде преобладает примесь шамота. Выполненная на гончарном круге керамика соответствовала русской традиции (10,2%). Шамотная лепная по профилировке черепка напоминала мордовскую (7,3%). Самый маленький процент представлен привозной золотоордынской краснощёной керамикой (2,3%).

Найденные группы керамики, в совокупности с разнообразием вещевого материала, позволили автору раскопок полагать, что в быту местных насельников использовалась посуда, сделанная в различных этнокультурных традициях. Поселение Курмыш 4 позволяет выделить основные технико-технологические признаки золотоордынской посуды. Она отличается от посуды местного производства хорошим обжигом красноглиняных сосудов, как правило,

украшенных полосчатым лощением и иногда гравировкой в виде зон с многорядным линейным или волнистым орнаментом. Встречаются и сосуды без лощения, но технологические характеристики позволяют отнести их к золотоордынской посуде (рис. 13).

К ордынскому кругу керамики необходимо отнести поливную кашинную посуду, так называемый «тимуридский кашин», который хорошо известен по находкам с Селитренного городища. Среди найденных фрагментов выделяется кашин, расписанный кобальтом. Керамика на кашинной основе такого типа датируется промежутком конца XIV–XV вв.¹⁷⁵. В этот период через Золотую Орду она попадает в Поволжье (рис. 15, №16–18). Эта керамика является компонентом торговых и культурных связей разных государств, маркирует принадлежность её обладателей к элитному социальному слою и, безусловно, является надёжным датирующим материалом.

На сегодняшний день мы располагаем данными по 14 правобережным памятникам сельской округи Курмыш. В первую очередь мы рассмотрим керамический комплекс Козловского городища, представленный 1019 фрагментами (табл. 2). По особенностям искусственных добавок в тесте и технологии изготовления фрагменты сосудов разделяются на пять основных групп¹⁷⁶.

Первая группа относится к славяноидной керамике. Она характеризуется наличием дроблёной раковины в тесте гончарных изделий или характерных следов от неё (уплощённые выемки остаются в случае, если осколки раковин выгорели при обжиге). На изломе нередко наблюдается сохранение фрагментов ракушки белого цвета, тогда как на поверхности от неё остаются только следы (рис. 20, №1). Группа объединяет все образцы с дроблёной раковиной в тесте – вне зависимости от её концентрации и наличия других примесей. Среди последних часто фиксируется шамот (рис. 17–19).

¹⁷⁵ Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // Советская археология. – 1968. – №4. – С. 102.

¹⁷⁶ Определение керамики проводилось к.и.н. Н.Н. Грибовым.

Первая группа керамики составляет 21,4% общего числа фрагментов. В выборке из 130 фрагментов венчиков и донышек примесь раковины фиксируется в 26,1% находок. Раковина без других примесей составляет 42,3% (11 фрагментов с крупными фракциями), в остальных 57,7% случаев она встречается в сочетании с шамотом (табл. 3–4; рис. 18).

Вторая группа – обычная русская средневековая посуда XIII – начала XV вв., в тесте которой присутствует дресва или песок (26,9%). Она слабо орнаментирована линиями и волной. Венчики имеют слабовыраженный профиль и невысокую шейку. На изломе черепки имеют трёхслойную структуру. Она сходна с керамикой Курмыша 4, Нижнего Новгорода и Городца.

Четыре фрагмента являются хорошими хроноиндикаторами. На русских памятниках Средней Оки (г. Ростиславль, тип 23/3), в Москве и Нижнем Новгороде, горшки с такими формами венчиков появляются в середине XIV в. и исчезают в первой половине-середине XV в.¹⁷⁷.

Третья группа включает в себя обломки гончарных сосудов с примесью шамота, реже шамота с добавкой песка, но всегда без следов примеси дроблёной раковины (30%). Предположительно, она изготовлена представителями финноязычного мира, которые только начали осваивать гончарный круг (на стадии РФК-2, РФК-3 по классификации А.А. Бобринского). Ближайшие аналогии находятся в керамике мордвы.

Найденный венчик от гончарного сосуда типа бокала (по классификации мордовской посуды В.В. Гришакова) с примесью песка, изготовлен по форме одного из типов керамики мордвы, но с применением гончарного круга (Рис. 19, №8).

Четвёртая группа – это фрагменты лепных сосудов. Большинство из них изготовлено из теста с примесью шамота, один – с добавкой выгоревшей дроблёной раковины (рис. 19).

Пятая группа соответствует привозным гончарным изделиям высокого обжига, изготовленным из тонкого теста в ремесленных мастерских Золотой

¹⁷⁷ Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2006. Вып. 10. С. 66. Группа 13.

Орды. Керамика с лощением и орнаментом (общебулгарская группа по классификации Т.А. Хлебниковой) изготавливалась в керамических ремесленных центрах, в том числе и в г. Булгаре.

Ордынская керамика представлена 11 фрагментами и развалом верхней части сосуда-корчаги (0,1%). Появление корчаг с короткой, цилиндрической формы горловиной с прямосрезанным краем венчика, но с сохранением рельефного валика на ней, следует связывать с серединой и второй половиной XIV в.¹⁷⁸. На ней присутствует многозубчатый гребенчатый орнамент, ограниченный сверху и снизу линией, и вертикальное лощение (рис. 20, №2, 5–6).

Формы венчиков 1-й и 3-й групп в целом вполне соответствуют разновидностям оформления верхних частей русских горшков XIII–XV вв. (как и во 2-й группе преобладают формы, более характерные для XIV – начала XV вв.).

За пределами вышеперечисленных групп находятся фрагменты двух гончарных сосудов. Тесто одного из них, кроме грубозернистого песка (с размером зерна более 1 мм), включает в себя частую примесь уплотнённой аргиллитоподобной глины или аргиллита, тесто другого – дроблёный железный шлак.

На селищах 1–8 Выселок №1 состав групп керамики аналогичен Курмышу 4 изменяется только процентное соотношение (рис. 24–27): золотоордынская (1,2–8%), славяноидная (24–48,3%), с шамотом (17,1–76,9%), русская, с примесью песка (24–43,1%). Русская белоглиняная посуда «коломенского типа» составляет 0,8–20% (рис. 20, №3). Она плотная, гладкая, без видимой примеси песка, но с редкими блестящими чешуйками слюды, которая есть в беложгущихся глинах. На поверхности отчётливо видны следы тяжёлого (быстрого) гончарного круга. На верхней части тулова зафиксирована одна полоса у шейки венчика. На изломе она одноцветная, на внешней стороне – от светлой до чёрной, вероятно, из-за неравномерного обжига. Судя по тесту и цветовому оттенку датировку такой керамики можно определить в пределах конца XV–XVI вв.

¹⁷⁸ Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. Казань, 2002. С. 323, рис. 69, тип 2.

На селищах Новая Екатериновка 1–4 мы наблюдаем аналогичную ситуацию с гончарной посудой: золотоордынская (0–0,7%), славяноидная (25–56,2%), с шамотом (21,3–45%), русская с примесью песка (16,3–40,4%).

В окрестностях с. Ильина Гора археологами неоднократно собирался керамический материал, который соотносился либо с общебулгарской керамикой, либо с русской керамикой XVI–XX вв. Керамику изучаемого нами периода не выделяли в силу отсутствия разработанной методики. Образцы золотоордынской посуды впервые отмечались В.Ф. Каховским¹⁷⁹, Е.П. Михайловым¹⁸⁰, а затем А.А. Семёновым¹⁸¹. Е.П. Михайлов определял её как посуду XIII–XV вв. с высоким обжигом (Ильиногорское 1 и 2 местонахождения). Хранящаяся в ЧГИГН керамическая коллекция 1986 г. содержит семь фрагментов керамики. Один фрагмент отнесён к золотоордынской керамике, два куса содержат примесь шамота и четыре примесь песка (рис. 34).

Селище Ильина Гора 2 представлено 66 фрагментами, 57,6% которой содержала примесь шамота и 15,1% примесь раковины. Среди найденных образцов есть ранее не встречавшаяся на правобережных присурских памятниках русская ангобированная (4,5%) и поливная керамика (6,1%). Характерной особенностью поливной является жёлто-зелёная, как правило, односторонняя полива, нанесённая на белую ангобную подготовку. В отличие от кашинной и поздней поливной посуды в тесте есть редкие крупинки дресвы или песок. В Нижнем Новгороде и в его округе такая «парадная» керамика известна, но очень редка (рис. 23).

Процент орнаментированной керамики по селищам Ильина Гора 2, Выселок №1 и Новая Екатериновка составляет 0,8–2,3%, что говорит о выборочной орнаментации сосудов (табл. 5). Преобладает линейный орнамент, реже в виде волны и тычковый. Частый линейный орнамент по венчику есть на «коломенской» посуде (рис. 17, 20, №3).

¹⁷⁹ Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 80. С. 15.

¹⁸⁰ Михайлов Е.П. Отчёт о результатах археологической разведки проведенной летом 1986 г. в Ядринском, Чебоксарском и Моргаушском районах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №11590. Л. 17.

¹⁸¹ Семёнов А.А. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Чувашской Республики в 2013 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Л. 16–17, рис. 36, 38.

Орнамент расположен в верхней части тулова сосудов, в двух случаях одиночная волна шла по венчику (Выселок 1 и Козловка). Декор в виде одиночной волны преобладал, волна в два ряда зафиксирована в трёх случаях (1 селище Выселок №1 и Козловское городище), при этом волны могут иметь разную амплитуду и толщину. На фрагменте с Козловского городища в дополнении к двурядной волне сделаны насечки. Попытка сопоставить орнамент и состав примесей привела к следующему результату – волна не характерна для керамики с примесью ракушки, на ней чаще встречаются линии.

Профиль донцев мало информативен, он прост в исполнении и имеет примерно одинаковый угол отклонения стенок. Редко фиксируется уступ по краю дна. Донце в форме «козьей ножки», когда стенку примазывали к донному начину, свидетельствует о местных традициях финноязычного населения.

Остатки клейм фиксируются в виде выпуклых (налепленных) рисунков и прочерченных линий. Удалось найти только восемь фрагментов клейм, что не позволяет реконструировать их рисунок полностью. Следы подсыпки на донцах фиксируются в виде песка. Один фрагмент донца содержал следы подсыпки из непросеянной золы и по виду напоминал отпечаток рогожи¹⁸².

Сопоставление групп керамики селища Сареево 4 и Сареево 1 позволило выделить разный процент содержания примесей-отошителей (рис. 33, табл. 2.). С селища Сареево 4 преобладала посуда с примесью песка 95 фр. (70,4%), на втором месте располагается шамот – 36 фр. (26,7%), при этом наблюдается очень маленькое содержание фрагментов с ракушкой – 2 фр. (1,5%) и золотоордынской – 1 фр. (0,7%). В коллекции керамики 1986 г. с селища Сареево 1 наоборот преобладала примесь шамота – 82 фр. (61,2%), а примесь песка фиксируется в 38 фр. (28,4%). Фрагменты с раковиной также редки – 1 фр. (0,7%), но более значительно представлена золотоордынская посуда – 13 фр. (9,7%). В орнаментации преобладают вдавления, и только один фрагмент был с нанесённой волной и горизонтальной линией. Число орнаментированных черепков незначительно, на селище Сареево 1 составляет 3% фрагментов.

¹⁸² Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М., 1978. С. 100.

Среди керамики селища Кекино 3 есть фрагменты круговой посуды с пористым тестом (вероятно, от выгоревшей примеси в виде толчёной ракушки), грубой русской сероглиняной керамики XIV–XV вв., белоглиняной поокской («коломенской») конца XV–XVI вв., красноглиняной с примесью песка, изготовленной на быстром круге. Встречены венчики от двух сосудов с прикрытой горловиной, которые по своему оформлению очень близки к одному из типов горшков, известных по раскопкам городища Городок середины XV – начала XVI вв.¹⁸³

Керамика поселения Новое Жилище представлена 172 фрагментами (рис. 43): сероглиняная гончарная (9,9%), лощёная с линейным орнаментом (0,6%), красноглиняная (65,1%), древнерусская (5,8%), болгарская (6,4%), лепная мордовская (0,6%). Среди керамики, отнесённой к древнерусской, два фрагмента имели примесь шамота, один венчик с примесью шамота и ракушки, один фрагмент с примесью дресвы, один с примесью шамота и песка. Среди орнаментов зафиксирована только волна. На золотоордынской керамике один фрагмент имел орнамент из четырёх параллельных вдавленных линий. Фрагмент древнемордовской керамики относится к красноглиняным гончарным из грубого теста (лепной подправленный на гончарном круге)¹⁸⁴.

Куст селений Мурзицы, Порецкое, Устиновка, Антипинка даёт иной набор керамических групп. Керамика поселения Мурзицы по сочетанию значений основных технологических показателей разделена на несколько групп (рис. 40–42).

Первая группа объединяет осколки лепной посуды с примесью шамота. Очевидно, она оставлена местным финноязычным населением и близка к мордовской посуде XIII–XIV вв. Это горшки с короткими горизонтально подрезанными, вертикально поставленными или слегка отогнутыми наружу венчиками, и бокалы – сосуды с прикрытыми горловинами без шеек.

¹⁸³ Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Нижнего Новгорода, в Кстовском, Богородском, Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №33498. Л. 70.

¹⁸⁴ Калыгина Ж.С. Отчёт об археологических исследованиях (разведке) на территории Пильнинского района Нижегородской области в 2011 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №34671. Л. 15–16.

Вторая группа – сосуды из красножгущейся глины с разнообразными примесями. В подгруппу 2.1 сероглиняной грубой посуды объединены сосуды, сформованные на медленном гончарном круге с добавками среднезернистого песка и (редко) дресвы в тесте. Формы встреченных венчиков (от горшков) типичны для русской средневековой посуды XIV – начала XV вв. Орнамент линейный или волнистый.

Подгруппа 2.2 – славяноидная посуда.

Подгруппа 2.3 включает в себя остатки сосудов с примесью мелкозернистого песка и зёрен шамота с одной или несколькими волнами (русская посуда XIV – начала XV вв.).

Керамика бурого цвета подгруппы 2.4 характеризуется примесью мелкозернистого песка с добавками мелкого речного гравия, аргиллита, а также белемнитов и аммонитов. Керамика этой подгруппы по некоторым венчикам сопоставима с русской посудой XIII–XIV вв., но выполнена она местным населением.

Фрагменты сосудов бурого цвета, входящие в подгруппу 2.5, объединены однотипной примесью в виде мелкозернистого песка, посредственным «трёхслойным» обжигом. Они изготовлены на быстром круге и имеют разнообразную профилировку венчиков. Некоторые образцы (с короткими вертикальными венчиками без краевых утолщений или с прикрытой горловиной) напоминают уже описанные сосуды с примесью шамота подгруппы 2.4. В целом преобладают осколки неорнаментированных горшков с вертикальными или с подогнутыми наружу венчиками, плавно переходящими в округлое тулово. Краевое окончание горловины некоторых сосудов образовано массивным внешним наплывом.

Третья группа включает осколки красноглиняных сосудов высокого горнового обжига без примесей. В подгруппу 3.1 включены осколки со сплошным, полосчато-прерывистым или полосчатым лощением. Встречены фрагменты краснощёных сосудов, украшенных зональным декором, состоящим из многорядной «крутой» волны, обрамлённой сверху и снизу полосками

многорядного линейного орнамента. Подобная посуда характерна для поселений Болгарского улуса Золотой Орды XIII–XIV вв. Значительная часть образцов керамики третьей группы лощения не имеет. Среди керамики подгруппы 3.2 выделяются венчики от небольших чашевидных сосудов, наружная поверхность некоторых из них покрыта плавным волнистым широким рифлением (аналогична фрагментам с Козловского городища).

Четвёртая группа – кирпично-красная с белым ангобом керамика XVIII – начала XIX вв.

Пятая группа объединяет немногочисленную керамику, сформованную из беложгущейся глины. Подгруппу 5.1 образуют фрагменты белоглиняных сосудов с тонким тестом, характерным для поокской керамики конца XV–XVI вв. Подгруппу 5.2 – осколки сосудов с примесью мелкозернистого песка, неоднородного цвета (желтоватого или розоватого оттенков). Среди фрагментов второй подгруппы выделяется вертикальный венчик от горшка из запесоченного теста с наружным краевым наплывом, характерным для белоглиняной грубой московской керамики конца XV – первой половины XVI вв.

Шестая группа включает в себя посуду с однородным чёрным цветом поверхности, сплошным или частым полосчатым лощением. Значительная часть её имеет сплошное или полосчатое лощение (подгруппа 6.1). При раскопках Москвы такая керамика датирована XVI в., а в Чебоксарах она встречена в напластованиях XIV–XVI вв.¹⁸⁵. Вторая подгруппа керамики подгруппа 6.2 – морёная керамика с восстановительным обжигом без лощения. Среди встреченных форм преобладают небольшие чашевидные сосуды.

Седьмая группа керамики первой половины – середины XIX в. – красноглиняная керамика высокого обжига, покрытая прозрачной глазурью.

Собранная коллекция керамики Мурзиц дает общее представление о керамических традициях широкого хронологического диапазона и свидетельствует о полиэтническом составе местных насельников.

¹⁸⁵ Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII веков // САИ. М., 1968. Вып. Е1-39. С. 29; Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. Средневековые Чебоксары. М., 1978. С. 89.

На Порецком поселении преобладает бурая керамика, в тесте которой есть примеси шамота и раковины. Автор раскопок не приводит процентное соотношение бурой керамики с раковиной, но сравнивая с материалами средневековых Чебоксар, определяет конец её бытования XVI в. Для культурного слоя г. Чебоксары XIV–XVII вв. характерно наличие бурой керамики в пределах 50–70%, в XVIII в. она уступает место грубой красной керамике. В Порецком поселении в первом штыке бурая составляет 71,4%, во втором штыке – 85%. Не противоречит данной датировке и то, что в Порецком поселении она имеет значительное сходство с лепной керамикой и часто их трудно различить, что характерно и для бурой керамики XIV – начала XVI в. из Чебоксар¹⁸⁶. Процент данной керамики несколько выше, чем в г. Чебоксары, видимо, в силу того, что здесь было более сильное влияние русского и финно-угорского населения. Именно к финно-уграм, находившимся под русским влиянием, относил её Ю.А. Краснов в Чебоксарах.

Соответствует данной датировке и процентное соотношение грубой красной керамики, которая появляется с конца XV в. и к концу XVI в. достигает 13–14%, в XVII в – 20%, в XVIII в. она преобладает над другими типами керамики. На Порецком поселении её 4,85%, что соответствует рубежу XV–XVI вв.¹⁸⁷. В эти же хронологические рамки укладывается и присутствие значительного количества серой керамики XIV – начала XVI вв. (в первом штыке раскопа она составляет 15,9%). Верхней дате (началу XVI в.) не противоречит и наличие чернолощёной керамики, которая начинает появляться с рубежа XV–XVI вв. (на раскопе она составляет 4,9%)¹⁸⁸.

Нижние слои содержат значительный процент лепной керамики (50 и 69%), в средневековых Чебоксарах её процент несущественен и относится она к слоям XIV–XVI вв.¹⁸⁹. Нижнюю дату существования поселения по наличию бурой и кирпично-красной керамики высокого качества можно определить концом XIII в.

¹⁸⁶ Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. Краткий очерк работ Чебоксарской экспедиции 1969–73 годов // Средневековые Чебоксары. М., 1978. С. 98.

¹⁸⁷ Там же. С. 89.

¹⁸⁸ Там же. С. 87.

¹⁸⁹ Там же. С. 103.

В слоях XIV – начала XV в. в г. Чебоксары она составляет 1–3,75%¹⁹⁰. Данная динамика показывает, что 4-й штык Порецкого поселения, видимо, древнее нижнего слоя Чебоксар и может быть датирован концом XIII в.

Обнаруженная в нижних слоях Порецкого поселения лепная керамика составляла 14,8% массы всех найденных фрагментов. Она плохого обжига, с примесью шамота и мелкозернистого песка. Такие типы керамики встречены на поселении Мурзицы (подгруппа 2.4) и сопоставимы с мордовской керамикой этого периода. Кроме того, большой процент бурой керамики исследователи рассматривают как результат сильного влияния финно-угорского населения¹⁹¹. В тесте керамики обнаружена примесь крупного аргиллита. Всё это свидетельствует о начале существования поселения переселенцев из Руси в конце XIII–начале XIV вв. при тесном взаимодействии с местным финно-угорским населением.

Среди фрагментов керамики найден один фрагмент кашинной посуды с зеленой двухсторонней поливой, что также помогает датировать возникновение поселения золотоордынским временем. В материалах раскопок 2003 г. нет болгарской краснолощёной керамики. В.Ф. Каховский в 1976 г. на территории с. Порецкое находил отдельные фрагменты болгарской керамики и предполагал существование здесь болгарского опорного пункта¹⁹².

Сравнение типов керамических сосудов поселения Антипинка и Порецкое сопряжено с рядом трудностей, так как авторы по-разному описывали её характеристики (табл. 8). Для сравнения нами используется два типа керамики – русская чёрнолощёная и бурая. Появление чернолощёной керамики в XVI столетии в Присурье связывается с массовым приходом русского населения. В процентном соотношении чёрнолощёная керамика на поселении Антипинка составляет более половины от общего числа, тогда как в Порецком поселении она составляет 2,5%. Бурая керамика¹⁹³, происхождение которой Ю.А. Краснов

¹⁹⁰ Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. Краткий очерк работ Чебоксарской экспедиции 1969–73 годов // Средневековые Чебоксары. М., 1978. С. 82.

¹⁹¹ Зеленева Ю.А., Краснов С.А., Михайлов Е.П. Порецкое поселение // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары, 2009. Кн. 2. С. 191, 196.

¹⁹² Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 80. С. 13.

¹⁹³ Аналогичные образцы бурой керамики найдены Т.А. Хлебниковой при раскопках поселений в Горномарийском районе Республики Марий Эл.

связывал с финно-угорским населением¹⁹⁴, в отличие от Порецкого поселения и Чебоксар представлена уже в меньшем количестве (21,5%). Это соотношение указывает на уменьшение взаимодействия с местным мордовским населением в XVII веке. Русские поселения создаются отдельно от поселений средневожских народов, что сохраняется и в последующие столетия.

На Антипинском поселении в 2018 г. было собрано 79 фрагментов керамики. Преобладала керамика с примесью аргиллита 53,2% – белые включения в тесте размером от 1 до 5 мм, что явно выделяет её от всей рассматриваемой. Один обломок отнесён к белоглиняной керамике коломенского типа, 13,9% – к русской чернолощёной, ещё 12,6% содержит примесь шамота¹⁹⁵. Вся совокупность данных указывает на возникновение поселения не ранее XVI в.

При раскопках Устиновского поселения найден 361 фрагмент керамики. Посуда ручной лепки представлена горшковидными сосудами с примесью растительной трухи, дресвы и частично шамота (7,7%). Круговая посуда состояла из обломков кувшиновидных, горшковидных, чашевидных сосудов, изготовленных из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка, частично с примесью мелкотолчёного шамота и растительной трухи (рис. 37, №2–7; табл. 10).

Среди обнаруженных фрагментов керамики преобладали венчики с утолщённым наружным краем, имелись венчики без утолщения, с закруглённым краем, характерные для кринок, чашек и мисок. Большая часть круговой посуды обработана вертикальным лощением, иногда сочетает горизонтальное и вертикальное лощение. Основным приёмом орнаментации являлись линейные и волнистые узоры, которые встречаются как отдельно, так и в сочетании. По преобладанию черепков сосудов жёлтого и коричневого цветов В.Ф. Каховский датировал памятник домонгольским временем, после которого возрастает доля красной посуды. Два глиняных пряслица Устиновского поселения с уплощённо-

¹⁹⁴ Каховский Б.В. Археологические исследования 1978 года в Чувашской АССР // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 105. С. 63–65.

¹⁹⁵ Семёнов А.А. Отчёт об археологических разведках проведенных на территории Чувашской Республики в 2018 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р. 1. С. 35–39.

шаровидной и усечённо-биконической формой он сравнивал с пряслицами городища Хулаш (рис. 37, №9).

В материалах Устиновского поселения 2018 г. (19 фрагментов) керамика с примесью шамота составила 36,8%, два фрагмента содержали аргиллит, один обломок отнесён к посуде, выполненной в болгарских традициях¹⁹⁶.

На месте обнаружения Тихомировского клада (поселение Ряпино) в 1928 г. были найдены обломки чёрной, серой и красной керамики. На красных черепках орнамент состоял из зубчатых параллельных линий, на чёрной керамике были вдавленные точки. Керамика была отнесена к эпохе бронзы и средневековью без уточнения датировки. Хранящийся в Чувашском национальном музее керамический подъёмный материал 1928 г. содержит грубую толстостенную лепную посуду и несколько фрагментов средневековой гончарной керамики. Р.Г. Фахрутдинов, ознакомившись с музейной коллекцией, отметил, что основная её часть относится к I тыс. н.э., также имеются славяноидная и золотоордынская XIV–XV вв.¹⁹⁷

На Тихомировском (Ряпинском) поселении в 2013 г. собрана керамика XIV–XVI вв. Она светло-коричневого цвета, с включениями дресвы, крупнозернистого песка и шамота в тесте. Некоторые из фрагментов керамики несут черты местного производства и не подходят под технико-технологические характеристики русской керамической традиции. Один черепок белого цвета отнесён к разряду тонкой белоглиняной керамики XVI–XVII вв. русского производства.

В 2009 г. было обследовано средневековое поселение между г. Алатырем и с. Стемасы. Возможно, это часть поселения Стемасы 6, описанного В.Ф. Каховским, но точная локализация данного поселения невозможна. В составе найденной керамики 2009 г. были обломки средневековой русской, болгарской и мордовской посуды. Русская керамика, выполненная на тяжелом круге, судя по немногочисленным и невыразительным фрагментам, может быть

¹⁹⁶ Семёнов А.А. Отчёт об археологических разведках проведенных на территории Чувашской Республики в 2018 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р. 1. С. 40–43.

¹⁹⁷ Археологическая карта Чувашской Республики: науч.-справ. изд. под ред. Е.П. Михайлова. Чебоксары, 2014. Т. 2. С. 164.

датирована XVI–XVIII вв.¹⁹⁸. Как и на всех вышеперечисленных памятниках Присурья, русская керамика предстает перед нами в комплексе с финно-угорской. Мордовская керамика с S-образной формой венчика следов русского влияния не имеет и относится к периоду, предшествовавшему русской колонизации. Часть керамики по характерному орнаменту, составу теста и форме сосудов нами отнесена к болгарскому керамическому производству с примерной датировкой – начало XIII в. (конец болгарского – начало золотоордынского периода). В Алатырском музее хранятся аналогичные обломки керамики с этого поселения.

При раскопках Утюжского 1 поселения был обнаружен комплекс предметов XIV в.¹⁹⁹. В него входит 17 фрагментов русской гончарной посуды горшковидных форм с прямым или слегка отогнутые венчиком без наплывов. Они соотнесены с 12 группой венчиков русской посуды на селищах, сконцентрированных у устья р. Оки. С керамикой Нижегородского княжества первой половины XIV – начала XV в. утюжские материалы роднит примесь песка и линейно-волнистый орнамент.

Селище Сара 5 представлено русской круговой посудой, в тесте которой присутствует примесь песка и дресвы. Орнамент выполнен в виде волны и линий. Лепная мордовская содержала примесь шамота и имела горшковидную и баночную формы. На золотоордынской посуде имелось лощение, линейный, штампованный и фестончатый орнамент²⁰⁰.

Таким образом, мы рассмотрели основные типы керамики, найденные на присурских памятниках. Выделяется несколько типичных групп посуды округа Курмыша XIV–XV вв. (славяноидная, русская и керамика местного производства, связываемая с финноязычным населением, краснолощёная золотоордынская). Керамика Порецкого куста селений содержит большой процент посуды с

¹⁹⁸ Федулов М.И. Разведочные археологические работы 2009 года на территории Алатырского района Чувашской Республики // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2670. Инв. №9498. Л. 9–10, рис. 12–14.

¹⁹⁹ Вискалин А.В., Березина Н.С., Березин А.Ю., Выборнов А.А., Королёв А.И., Ставицкий В.В., Коноваленко А.В. Исследование многослойного поселения Утюж I на Суре // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары, 2009. Кн. 2. С. 54.

²⁰⁰ Вязов Л. А., Михайлов Е.П., Макарова Е.М., Мясникова А.Б., Мясников Н.С., Петрова Д.А., Салова Ю.А., Силанов Р.А. Исследования памятников Среднего и Нижнего Посурья в рамках работы международной археологической экспедиции в 2015–2019 гг. // Археология евразийских степей. – 2020. – №3. – С. 361, 372, рис. 8.

аргиллитом, мордовской и керамики в русских традициях, но, появившейся в период массовой русской колонизации Присурья в XVI в.

При дальнейшем рассмотрении керамики следует уделить особое внимание проявлению этнокультурных контактов в керамических традициях. В первую очередь появлению гибридных форм керамики – славяноидной и русско-мордовской. Смешанные керамические традиции ставят перед исследователями новые проблемы в этнической интерпретации, датировке и требуют новых подходов к их решению. Наиболее чёткая классификация данных видов керамики дана по поселению Курмыш 4 и ряду поселений в Марийском Поволжье и Присурье (Красное Селище, Мурзицы, Козловское городище).

Т.А. Хлебниковой славяноидная керамика выделена в XVI этнокультурную группу керамической посуды Волжской Болгарии. Первоначально она определила её основные характеристики: форма сосудов соответствует русской посуде XIII–XIV вв. (XIV этнокультурная группа), но присутствует примесь дроблёной раковины или шамота²⁰¹. Н.А. Кокорина на основе пропорций тулова и венчиков выделила четыре типа таких сосудов²⁰².

Происхождение данной керамики остается дискуссионным. Наиболее аргументированными являются версии о её возникновении на территории Марийско-Чувашского Поволжья (Т.А. Хлебникова, Н.А. Кокорина, Т.Б. Никитина) и славяно-финско-пермская теория (Л.Д. Макаров, К.А. Руденко)²⁰³.

Считается, что финно-угорское поволжское население восприняло формы славянской керамики, но традиционно сохранило в составе теста присутствие раковины. Если сопоставить территорию распространения данной керамики с ареалом распространения марийских племён, то западная граница её будет локализована в районе Поветлужья и низовий Суры (рис. 5)²⁰⁴. С марийским

²⁰¹ Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984. С. 232.

²⁰² Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. Казань, 2002. С. 95–96.

²⁰³ Никитина Т.Б. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // *Finno-Ugrica*. – 2005–2006. – №9. – С. 118; Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001. С. 10–11; Руденко К.А. Славяноидная керамика селищ низовий Камы XIV–XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола, 2006. С. 350–355.

²⁰⁴ Никитина Т.Б. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // *Finno-Ugrica*. – 2005–2006. – №9. – С. 123.

населением связывалось восприятие формы русской керамики Т.А. Хлебниковой²⁰⁵.

Л.Д. Макаров предполагает славяно-финно-пермскую основу славяноидной керамики, которая совместно создается выходцами из Нижегородского княжества, вятских и болгарских земель. Территориально он локализует её в Чувашско-Марийском Поволжье²⁰⁶. Появление новой керамической традиции он связывает с удмуртами, у которых примесь раковины часто использовалась для отощения глиняного сырья. В качестве гипотезы предполагается, что одна из групп болгар, бежавших от монголо-татарского нашествия, включала в себя какой-то этнический компонент, который и привнёс новую керамическую традицию. Т.Б. Никитина на основе сопоставления материалов могильников и поселений делает вывод о том, что керамика появилась не в результате продвижения носителей прикамской посуды, а только в результате влияния прикамской традиции или смешения гончарных традиций²⁰⁷.

Появление славяноидной керамики в большей степени связано с торговыми отношениями, но нельзя исключить и единичную инфильтрацию русских, от кого они восприняли форму сосудов. Русское население присутствовало на территории Среднего Поволжья со времён Волжской Булгарии. В рассматриваемый период Золотой Орды они были в качестве пленников, вольных переселенцев, ремесленников, торговцев, духовенства²⁰⁸. Они изготавливали русскую посуду, которая технологически была более прочной и быстро распространялась в среде местного населения. Возможно, что русские проживали здесь в качестве торговых людей, пленников или отдельных поселенцев, но они незначительно влияли на этнический облик местного населения. Неслучайно на территории Марийско-Чувашского Поволжья не выявлен чистый поселенческий комплекс болгарской или русской керамики²⁰⁹.

²⁰⁵ Хлебникова Т.А. Археологические памятники XIII–XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 88–89.

²⁰⁶ Макаров Л.Д. Славяно-финно-пермские этнокультурные процессы в Волго-Вятском междуречье в первой половине II тыс. н.э. // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / АЭМК. Йошкар-Ола, 2004. Вып. 27. С. 121–122.

²⁰⁷ Никитина Т.Б. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // *Finno-Ugrica*. – 2005–2006. – №9. – С. 120.

²⁰⁸ Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 8–47.

²⁰⁹ Михеева А.И. Поселения Марийского Поволжья в эпоху средневековья: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2007. С. 150.

Славяноидная керамика найдена в Республике Марий Эл (Красное Селище 2–4, Васильсурское 5 городище)²¹⁰, Чувашии (Таутовское, Янмурзинское, Челкасинское, Большеангильдинское поселения (более 4%) и г. Чебоксары), Татарстане (от 1% в Болгаре до 11,6% на поселении Чакма), Средней Вятки. В центральных болгарских землях она появляется не ранее середины XIV в. Анализ материалов Лаишевского селища (Чакма) в Республике Татарстан показывает, что время бытования здесь славяноидной керамики приходится на вторую половину XIV – начало XV в.²¹¹, причём первоначально К.А. Руденко датировал славяноидную посуду второй третью XIV – первой половиной XV вв.²¹². Её находки встречаются на богатых усадьбах, причём часть проживавших здесь людей, пользовавшихся этой посудой, а, возможно, и производивших её, была христианами, в том числе и русскими (судя по находкам древнерусской керамики)²¹³.

Согласно подсчётам А.И. Михеевой на памятниках Горномарийского района славяноидная посуда составляет от 18,7 до 37% (например, Юльялы – 22,1%, Н. Шелаболки – 33,7%, Красное Селище – 26,1% (табл. 11).

В чистом виде дроблёная раковина на поселениях Мало-Сундырской округи составляет от 39,8 до 45,2%, шамот с раковиной от 16,1 до 39,8%, шамот с дресвой от 21,4–25,8%, дресва в сочетании с раковиной от 7,96 до 12,9% (табл. 11). Шамот вместе с раковиной или дресвой встречается от 42,1 до 81,4%²¹⁴.

В целом на памятниках Марийского Поволжья фиксируется схожий с рассматриваемыми памятниками Нижнего Присурья керамический комплекс. Кроме славяноидной найдена лепная местного производства (10,3–15,7%), примитивно круговая (32,2–49,4%), русская (12–33,1%) и болгарская (0,3–7,2%).

²¹⁰ Никитина Т.Б. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // *Finno-Ugrica*. – 2005–2006. – №9. – С. 120, 129.

²¹¹ Руденко К.А. Культурно-хронологический аспект бытования славяноидной керамики в XIII–XIV вв. в болгарской области Золотой Орды (по материалам Лаишевского селища) // *Поволжская археология*. – 2009. – №2 (29). – С. 108.

²¹² Руденко К.А. Славяноидная керамика селищ низовий Камы XIV–XV вв. // *Влияние природной среды на развитие древних сообществ*. Йошкар-Ола, 2006. С. 354.

²¹³ Руденко К.А. Культурно-хронологический аспект бытования славяноидной керамики в XIII–XIV вв. в болгарской области Золотой Орды (по материалам Лаишевского селища) // *Поволжская археология*. – 2009. – №2 (29). – С. 108.

²¹⁴ Михеева А.И. Поселения Марийского Поволжья в эпоху средневековья: XIII–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. С. 76–77.

Отмечается сохранение местных традиций, но при сильном влиянии русского гончарства, в первую очередь проявившейся во внедрении круга²¹⁵.

Из Курмышской округи самый большой процент славяноидной керамики (42–51,8%) зафиксирован на поселении Курмыш 4 (табл. 6). На памятниках Нижегородской области фрагменты с раковиной найдены единичными экземплярами в Нижнем Новгороде, поселениях Оленья Гора, Кириково 1, Красные Мары 1²¹⁶. К западу от устья Оки подобной керамики не найдено. Н.Н. Грибов считает, что район нижней Суры и сельская округа Курмыша является западной границей территории распространения славяноидной керамики. Низовьями Суры ограничивала её распространение в Марийско-Чувашском Поволжье Т.Б. Никитина²¹⁷.

В небольшом подъёмном материале, собранном на городище Курмыш, доля славяноидной керамики достигает 22%, на селище Кекино 3 – 12%. Из правобережных присурских памятников самый большой процент её зафиксирован на селищах Новая Екатериновка 1–4 – 48%. В шурфе №3 на селище 3 её показатель достиг 56,2%. На селищах Выселок №1 она составляет 39,3%, а на Ильиной Горе 2 – 15,1%, Новая Екатериновка (табл. 2). Удаленное от Курмышской округи поселение Мурзицы 1 характеризуется только 4% керамики с раковиной (табл. 6), Сареево 4 всего 1,5 %, Сареево 1 – 0,7%.

Поселение Курмыш 4 позволяет подробно сравнить славяноидную и русскую керамику (без примеси раковины, но с примесью песка или дресвы, что составляет 29,7%)²¹⁸. Профиль горловины представлен тремя основными вариантами: сосуды с коротким, отогнутым наружу венчиком и валикообразным переходом шейки в плечико; сосуды с переходом венчика в плечико через уступ с отчётливым «изломом» профиля; сосуды с плавным переходом венчика (горловины) в плечико (тулово).

²¹⁵ Михеева А.И. Поселения Марийского Поволжья в эпоху средневековья: XIII–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. С. 84.

²¹⁶ Грибов Н.Н. Средневековая гончарная посуда с примесью раковины из Нижегородского Поволжья // Поволжская археология. – 2019. – №2 (28). – С. 115.

²¹⁷ Никитина Т.Б. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica. – №9. – 2005–2006. – С. 115.

²¹⁸ Грибов Н.Н. Средневековая гончарная посуда с примесью раковины из Нижегородского Поволжья // Поволжская археология. – 2019. – №2 (28). – С. 117.

Сосуды редко орнаментированы линейным и волнистым рисунком. Менее 10% донцев русской и славяноидной посуды со следами клеймения. На правобережных памятниках найдено семь клейм. По одному на славяноидных черепахах с Козловского городища и Выселок №1, четыре на донцах с примесью песка с поселения Ильина Гора 2 и Выселок №1 и одно на фрагменте с примесью шамота (рис. 17, 23, 24, 26).

Таким образом, в гончарной керамике с примесью раковины традиции русского гончарства прослеживаются в формах верхних частей сосудов, способах формовки краевых окончаний венчиков, орнаментации, выборочном клеймении днищ.

Н.Н. Грибов считает, что славяноидная керамика является симбиозом нескольких керамических традиций. Она не может быть соотнесена с одной группой населения. Маловероятно, что она изготовлена только мастерами, переселёнными в район Курмыша из русских земель. Местное финноязычное население перенимает форму, орнамент и навыки составления формовочных масс, но добавляет традиционный отощитель – предварительно прокалённую раковину. Скорее это группа местных гончаров была переселена Борисом Константиновичем в свои владения на р. Суре из средневожских земель²¹⁹. Примеры выкупа пленников в ордынских владениях указаны в особой редакции Типографской летописи: «...И купил он себе водчину у Муранчика у князя за Кудмою на речке на Сундовите...»²²⁰.

Создание однотипной керамики разными категориями населения известно по материалам золотоордынских памятников Поволжья. На примере XIV группы древнерусской керамики выделяется две подгруппы. Первая делалась русскими мастерами, вторая – местными – в соответствии со вкусами небулгарского населения²²¹.

Н.Н. Грибов справедливо полагает, что вопрос о происхождении керамики с раковиной на данном этапе изучения трудноразрешим. Её истоки следует искать,

²¹⁹ Грибов Н.Н. Средневековая гончарная посуда с примесью раковины из Нижегородского Поволжья // Поволжская археология. – 2019. – №2 (28). – С. 124–125.

²²⁰ Насонов А.Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. VI. С. 247.

²²¹ Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. Казань, 2002. С. 94.

скорее, не в этнокультурной, а в социальной плоскости, в общеисторическом контексте места и времени её распространения. К уже выделенным признакам гончарной посуды с примесью раковины он предлагает добавить предварительное прокаливание.

На научно-практической конференции «Славяноидная керамика как археологический феномен памятников развитого средневековья Среднего Поволжья» (19–21 апреля 2018 г.) обсуждался вопрос состава примесей. Можно ли считать славяноидной керамику только при наличии примеси дроблёной раковины или должно быть сочетание с другими отошителями. И.Н. Васильевой проведён анализ керамики XVI группы Болгарского городища, который выявил состав формовочных масс в разных сочетаниях: песок с навозом, дроблёная раковина с навозом, шамот с раковиной и навозом. Среди отошителей фиксируется шамот, дроблёная раковина, дресва²²². Шамот и навоз присутствуют в составе теста в выборке керамики с Козловского городища (табл. 4).

Другим типом гибридной керамики является посуда, соединившая в себе производные элементы мордовской и русской. Мордовские мастера подражали формам русских сосудов, но сохраняли собственный состав глиняного теста. Данная категория посуды демонстрирует сложный эволюционный процесс этнической интеграции и обрусения мордвы, проявившейся в первую очередь в материальной культуре.

Соотношение типов посуды и примесей поселения Мурзицы 1 свидетельствует о полиэтническом составе местных насельников. Процент славяноидной керамики не превышает 5,6%, но здесь преобладает гибридная русско-мордовская керамика. Своеобразие гончарной посуды проявляется в примеси мелкозернистого песка с добавками мелкого речного гравия, белого, красного или серого аргиллита (камнеподобная глинистая порода), а также осколки окаменелостей – белемнитов и аммонитов²²³.

²²² Никитина Т.Б. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // *Finn-Ugrica*. – №9. – 2005–2006. – С. 116.

²²³ Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском, Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №33498. Л. 76–77.

Она изготовлена на быстром ручном круге. Присутствует редкий орнамент в виде волн или линий. Излом черепка преимущественно двухцветный (чёрно-бурый). Судя по составу примесей и некоторым отличительным признакам, керамика этой подгруппы имеет местное происхождение.

На Козловском городище керамика с аргиллитом представлена одним экземпляром. В материалах Устиновского поселения 2016 г. есть два фрагмента с ним²²⁴, но в Антипинском поселении он преобладает (53,2%).

На основе изучения совокупности данных по керамическим комплексам поселений мы пришли к следующим выводам. На памятниках Курмышской округи набор групп представлен русской, славяноидной с раковиной, керамикой с примесью шамота, в которой угадываются черты русской керамики, а также привозной, выполненной в болгарских традициях. Славяноидная керамика может превышать половину всех найденных фрагментов на памятнике, по среднему показателю всех правобережных поселений она составляет 31,2%.

Вверх по течению р. Суры от района Курмыша сложилась смешанная русско-мордовская керамическая традиция, славяноидная керамика здесь представлена незначительным процентом. В стратиграфических напластованиях находки мордовской, русской и гибридной посуды одновременны. Керамическая традиция мордвы относительно быстро видоизменялась, так как они не просто копировали форму сосудов, а постоянно совершенствовали производство.

Большая часть датировок керамики указывает на вторую половину XIV в., что синхронизируется с освоением бассейна р. Суры в период жизни князя Бориса Константиновича. О совместном или близком проживании первых русских переселенцев и местных народов говорит появление смешанных керамических традиций, рассвет ремесленной и торговой деятельности. Вероятно, часть населения была переселена из «засурских» районов в русские владения в районе Курмыш.

²²⁴ Федулов М.И. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Ядринского и Поречского районов Чувашской Республики в 2016 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. Л. 28–29, рис. 76.

2.3. Орудия труда, вооружение и предметы быта

Нижнее Присурье в XIV–XV вв. представляло собой зону интенсивных контактов. Этому способствовала высокая активность Волжского торгового пути и прохождение сухопутного пути сообщения через Курмыш. Следует учитывать фактор частой смены влияния разных политических образований. В вещевых комплексах средневековых поселений найдены предметы импорта, торговли и культурного обмена. Они экспортировались как из болгарских, так и из русских земель. Несомненно, было развито местное керамическое производство и кузнечное дело. Можно выделить несколько групп предметов, широко представленных на памятниках: ремесленные изделия, предметы религиозной принадлежности, украшения, монеты.

С поселений Курмышской округи получено большое количество металлических изделий. На местное производство и обработку железа на поселении Курмыш 4 указывают находки криц, большое количество шлака и осколков чугунных котлов. Н.Н. Грибов допускает существование местного производства металлов. О меднолитейном производстве свидетельствуют формы для отливки, куски проволоки и стенки котлов.

На высокий уровень развития обработки металла на правобережных памятниках указывают следы выплавки и большое количество предметов из железа и чугуна. Скопления металлического шлака зафиксированы на всех памятниках, отдельные крицы найдены на Козловском городище, селищах 7 Выселок №1 и Новая Екатериновка 2.

Нами выдвинута гипотеза о создании поселений вдоль оврагов и ручьев, где добывалась болотная железная руда. В Чувашии местонахождения железных руд выявлены в отложениях юрского и мелового возраста (конкреции пирита и сидерита) и четвертичных болотных образованиях (бурые железняки). Болотные руды встречаются в пойме рек, в том числе в присурском регионе. Освоение

таких залежей в Чувашии проводилось и в более поздний период, в начале XVIII в. действовали полукустарные «железоделательные» заводы.

На материалах Неревского раскопа Новгорода 1960-х годов разработана подробная хронология и типология находок из металла. Датировку железных цилиндрических замков мы проводим исходя из классификации Б.А. Колчина. Близкие по хронологии находки подбирались по материалам памятников Среднего Поволжья.

Железные и бронзовые замки и ключи к ним являются хорошим датирующим материалом (табл. 13). На приустьевых памятниках древнемарийской культуры найдено десять экземпляров замков и ключей. С Васильсурского 5 городища происходит железный цилиндрический замок, подобный типу, бытовавшему в X–XIII вв. На Красном Селище 2 найдено четыре ключа типа В, два экземпляра относятся к изделиям типу В1, один – к типам В2 и Г. Подобные типы замков в начале XV в. начинают выходить из обращения. Также была обнаружена одна половинка от медного замка XIV в. в форме лошадки с пуансонным орнаментом на поверхности. Подобный замок и дужка к нему найдены на Мало-Сундырском городище, а также – железные замки типа Г и Ж (рис. 45, №5, 8–11)²²⁵.

Поселение Курмыш 4 представлено одним цилиндрическим замком, датированным по Новгородским древностям XIII в.²²⁶ и отдельными фрагментами дужек, пружин, цилиндров. Один фрагмент и целый ключ от цилиндрического замка относятся к типу В и один ключ близок к типу В2²²⁷ (рис. 14). Бронзовая дужка от зооморфного болгарского замка хорошо известна по раскопкам поволжских городов Золотой Орды (г. Болгар, Увекское, Царёвское, Водянское городища²²⁸).

На Козловском городище найдено десять железных замков и их фрагментов (рис. 29). Железный цилиндрический замок с П-образным щитком и Т-образным

²²⁵ Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламер. Миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола, 2006. С. 119.

²²⁶ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 84, рис. 69, №1.

²²⁷ Там же. С. 82, рис. 70.

²²⁸ Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 241.

отверстием для ключа относится к типу Г. Найдена отдельно дужка от подобного замка, замковая (внутренняя) часть которой выполнена в виде двух пластин с пружинными запорными защёлками. Такие дужки также существовали в течение XV в. Замок типа В по Новгородской классификации датируется периодом с середины XII по начало XV вв.²²⁹. Фрагмент цилиндра, донце и другие детали точному определению и датировке не поддаются.

Селища у д. Выселок №1 представлены более 20 фрагментами замков и ключей. Самые распространенными типами являются В, Г (с Т-образной и круглой скважиной), но есть замки индивидуальных форм. Классифицированы дужки от цилиндрического замка типа Д²³⁰, дужки типа Б или В, замки типа Г и Е (XIV – нач. XV вв.)²³¹, одного фрагмента цилиндрического замка середины XV–XVI вв.²³², также найден железный ключ от цилиндрического замка типа В1 (рис. 29)²³³.

Замки типа В и Г укладываются в хронологические рамки XIII – первой половины XV вв. Замки типа Е, подтреугольной формы в сечении, появляются в XV в. и продолжают существовать в XVI в. Замки отличаются размерами – от массивных до совсем миниатюрных. Один из миниатюрных замков сделан наподобие современных навесных замков, но из-за плохого состояния сложно определить форму ключной скважины (рис. 29, №10).

Железные замки с Ильиногорского 2 селища по новгородской классификации относятся к типу В и Г²³⁴ (с Т-образной скважиной), а дужка от замка к типу Д (XV–XIV вв.) (рис. 29)²³⁵.

Замки с селищ у д. Новая Екатериновка относятся к типу В, с прямой и В-образной скважиной, и типам индивидуальных форм. Тулово одного выполнено в форме шара, к которому прикреплена дужка на шарнире (рис. 29, №33). Ключная

²²⁹ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 82.

²³⁰ Там же. С. 83, рис. 70.

²³¹ Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 40, рис. 14, №9.

²³² Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 83, рис. 68–3, рис. 70.

²³³ Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 46, рис. 19, №9.

²³⁴ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 83, рис. 68, №1.

²³⁵ Там же. С. 86, рис. 70.

скважина предназначена для ключа-втулки. По материалам г. Болгар они относятся к типу Б шаровидных форм, но известны только по подъёмному материалу и не датированы²³⁶.

Из четырех замков с поселения Утюж, двух дужек и одного ключа, классифицированы два замка типа В и Г. Последний имел усиленное донце и ключевое отверстие, закрытое вертикальными пластинами. Гребень на одной из дужек позволил отнести его к концу домонгольского – началу золотоордынского времени. Железный ключ подходит к замку типа Г (рис. 44, №21–23).

Единичные и случайные находки замков также представлены в верхних напластованиях памятников раннего железного века. Вероятно, население края находилось в поиске наиболее удобных мест для обустройства поселений, и городища раннего железного века могли быть приспособлены для этих целей. Все указанные объекты расположены на близком расстоянии от р. Суры и, вероятно, тяготеют к округе Курмыша. Так, на территории Ядринского городища найден замок и ключ типа В2. Ядринское городище, единственное из 27 присурских городищ, расположено на левом берегу реки. Его укрепления представлены двумя рядами рвов и валов, расположенных полукругом, что совершенно не характерно для городищ раннего железного века²³⁷. Отдельная находка железного замка на Ядринском городище, а также керамика с раковиной в тесте на городищах Питишево 3 (Пчёлка)²³⁸ и Выселок №1 свидетельствуют о вторичном заселении этих памятников в XIV–XV вв.

Немногочисленные находки и разнотипные наконечники стрел имели военное и охотничье предназначение. Сделать классификацию наконечников не удастся ввиду единичных находок, поэтому мы ограничиваемся описанием найденных экземпляров:

1. Плоские черешковые с ромбовидной формой пера. Переход от пера к черешку осуществлялся через плавный или четырёхгранный уступ (рис. 30, №7, 39).

²³⁶ Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 44, рис. 16, №3–5.

²³⁷ Федулов М.И., Семёнов А.А. Пространственный анализ расположения и топография городищ раннего железного века Чувашского Присурья // Поволжская археология. – 2018. – №1 (23). – С. 137, 140–141, рис. 1.

²³⁸ Археологическая карта Чувашской Республики: науч.-справ. изд. под ред. Е.П. Михайлова. Чебоксары, 2014. Т. 2. С. 20–21.

2. Плоские черешковые с ромбовидной формой пера. Узкое перо плавно переходит в дрововый черешок (рис. 30, №8).
3. Ромбовидный втульчатый (рис. 30, №37).
4. Дрововый черешок небольшим пером (рис. 30, №40).
5. С утолщением «яблочко» на черешке (рис. 30, №38).
6. Массивный четырехгранный наконечник с дрововым черешком. По параметрам напоминает арбалетный болт (Тип 2 по А.Н. Кирпичникову) (рис. 30, №22)²³⁹.
7. Арбалетный болт – массивный, круглый в сечении, при переходе к древку (оно обломано) имеет явно выраженный переход, кончик острия сильно закруглён (рис. 30, №9).

Ножи являлись самой массовой категорией находок. По размерам наблюдается широкое разнообразие от миниатюрных хозяйственных и сапожных до больших боевых.

Выделяется несколько типов ножей:

1. Кухонный с прямой спинкой, кончик лезвия немного выгибается кверху (рис. 28, №2, 9, 18, 22, 25, 34, 35).
2. Столярный с выгнутой спиной и лезвием (рис. 28, №1, 3–8, 33).
3. Боевой «засапожник» отличается длинным лезвием и рукоятью (рис. 28, №17, 20, 24).

Крепление ручки к рукояти ножа производилось с помощью 1–3 железных или медных заклёпок (рис. 28, №9, 35), загнутого кончика (рис. 28, №31) и с помощью гарды (рис. 28, №15; 33, №9). Переход лезвия к черешку осуществляется через двухсторонний уступ. Узкий черешок всегда сужается к кончику²⁴⁰.

Единичные предметы ювелирного инструмента дают нам представление о местном ремесле. Железный пинцет близок к типу 2 по Новгородской классификации и более сложен в изготовлении. Он имеет характерное кольцо и

²³⁹ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 71; Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. (Лук и стрелы, самострел) // САИ. М., 1966. Вып. Е1-36. С. 166, Табл. 28, №4.

²⁴⁰ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 56, рис. 42–43.

изгиб зажимных пластин, которые фиксировались с помощью железного ограничителя (рис. 30, №15). Находка такого типа пинцетов связывается со сложными приёмами в ювелирном производстве (скань, зернение и др.) в Новгороде²⁴¹ и Болгаре²⁴².

Железный (сапожный) молоток состоит из бойка для забивания гвоздей и плавно загнутого раздвоенного носка-гвоздодёра. Короткая железная ручка неподвижно вклёпана в головку. На этот черенок могла насаживаться длинная деревянная ручка. Подобные находки на Неревском раскопе Новгорода найдены в слоях XIII–XIV вв. Новгородские находки имеют своеобразную стандартизацию формы. У девяти гвоздодёров из десяти длина головки составляла около 90 мм, а длина черенка около 180 мм²⁴³. Найденный нами образец имел размеры 16,5×6,2 см (рис. 31, №6), что тоже отличает от найденных в Болгаре²⁴⁴.

К находкам статусного характера, которая может указывать на присутствие на поселении представителя высшего сословия или воинов, относятся стремяна (рис. 35, №12). Стремя с поселения Выселок №1 имело широкую прямоугольную опорную площадку и прямоугольную прорезь для подвешивания к седлу (рис. 31, №3)²⁴⁵. Похожие экземпляры найдены на памятниках Нижегородского края (селище Ближнее Константиново 1 конца XIII – начала XV вв.).

О характере хозяйственной деятельности можно судить по набору находок. Найдены овальный и калачевидный образцы кресал на 2 и 4 селищах у д. Выселок №1 (рис. 30, №17–19). Калачевидные кресала в Новгороде разделялись на два типа: ранний (X–XI вв.) – с язычком на внутренней стороне ударного лезвия и поздний (XII в.) – без язычка, но с более массивной ударной частью. С XIII в. они вытесняются овальными²⁴⁶. Поскольку материалов ранее XIV в. в нашем

²⁴¹ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 21–22, рис. 7, №10; Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) // МИА. М., 1953. №32. С. 128, рис. 99, №10.

²⁴² Археология Волго-Уралья. В 7 т. Средние века (вторая треть XIII первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Казань, 2022. Т. 6. С. 530; Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 164, рис. 59, №19.

²⁴³ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 46–47, рис. 32; Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань, 1991. С. 46, рис. 15, №32.

²⁴⁴ Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996, рис. 59, №16, С. 164.

²⁴⁵ Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) // МИА. М., 1953. №32. С. 167, рис. 143; Древняя Русь. Город, замок, село. Под ред. Б.А. Рыбакова // Археология СССР. Москва, 1985. С. 360, Табл. 146, №16, 17.

²⁴⁶ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 99, рис. 84, №1–3.

распоряжении не было мы склонны считать, что тип калачевидных кресал бытовал и позднее XIII в. В чувашском Новоядринском могильнике найден аналогичный экземпляр²⁴⁷.

Овальные двулезвийные кресала в Новгороде довольно частая находка и бытовали с XIII в. и на протяжении XIV–XV вв. и частично в XVI в.²⁴⁸. Подобные находки сделаны на памятниках Нижегородского края (Курмыш 4)²⁴⁹ и в Болгаре²⁵⁰.

Железные кольца имели разное предназначение. На Козловском городище найдены несколько соединённых между собой колечек, напоминающих кольчужное плетение. Остальные кольца имели явное хозяйственное предназначение, например, входили в состав сбруи, вместе с пробоем служили ручкой двери, использовались для подвешивания котлов (рис. 30, №23–25, 42). Одно кольцо имело своеобразную форму в виде цельносварной несомкнутой восьмёрки из витого дрота (рис. 30, №18). В материалах Старокуйбышевского городища и Измерского селища кольца в виде восьмёрки входили в состав целой цепной системы²⁵¹.

Фрагменты стенок и венчиков чугунной посуды найдены на поселениях Курмышской округи. Самая большая коллекция из 81 фрагмента чугунных котлов происходит из Курмыша 4, хотя на памятниках Нижегородского Поволжья этого периода чугунная посуда встречается крайне редко. Отдельные находки известны по раскопкам г. Нижнего Новгорода, селищ Ближнее Константиново 1, Бешенцево 1, Копнино 1, городища Городок. Чугунная посуда хорошо известна по городам Волжской Булгарии и Золотой Орды второй половины XIII–XIV вв.²⁵². В русских землях более дорогая и сложная в изготовлении чугунная посуда, вероятно, заменялась привычной керамической.

²⁴⁷ Вайнер И.С. Отчёт о раскопках Новоядринского могильника в 1971 г. Таблицы рисунков вещевого материала // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №4696а. Табл. XIII, №4.

²⁴⁸ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 101, рис. 84, №9–11.

²⁴⁹ Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) // МИА. М., 1953. №32. С. 165, рис. 138; Грибов Н.Н. Нижний Новгород и его округа во время формирования единого Русского государства: дис. ... докт. ист. наук: 5.6.3 – археология. Москва, 2003. Т. 2. С. 311, рис. 195, №2.

²⁵⁰ Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996, рис. 22, С. 54.

²⁵¹ Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань, 1991. С. 69, рис. 27.

²⁵² Руденко К.А. Металлические котлы Поволжья и Приуралья VIII–XIV вв. / Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья // Труды ГИМ. М., 2000. Вып. 122. С. 221.

До 2008 г. чугун на присурских памятниках XIII–XV вв. найден единичными экземплярами (Тихомирово, Сурский Майдан 2²⁵³ и Таутово²⁵⁴). На данный момент такие находки являются массовыми на селищах Ильина Гора 2 (1 фрагмент), Выселок №1 (20 фрагментов), Новая Екатериновка (2) и Козловское городище (5 фрагментов), Сареево 4 (7). Принято считать, что чугунная посуда больше характерна для городских центров, а не для сельских поселений.

Основная масса находок представлена стенками сосудов, отдельными доньшками и венчиками. Венчики имеют выраженный переход-уступ к тулову (рис. 30, №5, 6, 20, 36). Фрагмент с селища Сареево 4 дает представление о форме чугунной посуды в виде невысокого котла с прямыми стенками (рис. 35, №14).

Фрагменты медных котелков (посуды) найдены в фрагментарном состоянии и дают общее представление о существовании посуды из листовой меди. Края (венчики) данных котлов загнуты узкой полосой в несколько миллиметров и отбиты вплотную к телу сосуда. Аналогичные фрагменты известны с поселения Курмыш 4²⁵⁵. Интересна находка железного ушка для прикрепления дужки котла. По Новгородским материалам подобные ушки были у медных котлов (рис. 30, №26)²⁵⁶.

К кругу находок кухонного обихода относится железный таганок – обруч на ножках для приготовления на открытом огне (рис. 31, №5). Подобная конструкция таганка на трёх ножках известна по новгородским древностям (слой XIV в.)²⁵⁷.

Косы и серпы говорят о выращивании зерновых культур и заготовке травы для скота. Серпы представлены обломком средней части с поселения Выселок №1 и целым с Ильиной Горы 2. У серпа имеется длинная ручка для крепления к рукояти²⁵⁸. В Новгороде данные находки немногочисленны, что объясняется

²⁵³ Каховский В.Ф. Исследования Чувашской археологической экспедиции 1976 года // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6372. Л. 35–36.

²⁵⁴ Трубникова Н.В. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 году // Учёные записки ЧНИИ. Чебоксары, 1957. Вып. 16. С. 251–252.

²⁵⁵ Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Богородском и Пильнинском районах Нижегородской области в 2007 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. Т. 2. Илл. 138, №2–5.

²⁵⁶ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 106, рис. 90.

²⁵⁷ Там же. С. 105, рис. 92.

²⁵⁸ Там же. С. 70–71, рис. 57; Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) // МИА. М., 1953. №32. С. 90–93; Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань, 1991. С. 62, рис. 23.

городской (неземледельческой) культурой, но косы представлены широко, так как являлись основным инструментом для заготовки сена (рис. 30, №4, 21).

Обломки косы в 2018 г. найдены на Козловском городище. В отличие от серпов коса имеет небольшой упор для крепления к черенку (рис. 30, №31, 32)²⁵⁹. На селище 1 Выселок №1 найдена целая коса длиной 50 см (от черенка до конца лезвия) и шириной лезвия 3,3 до 3,8 см (рис. 31, №1). В Новгороде их длина составляла 42–50 см, а ширина 30–38 мм (чаще всего 32–34 мм).

Металлический плуг (чересло, плужный резак) выкован в форме большого ножа с выпуклой спинкой и очень массивным черенком (рис. 31, №4). Подобные плуги в русских землях существовали в домонгольский период (городище Девичья Гора²⁶⁰, Суздаль²⁶¹), в Среднем Поволжье бытовали и в XIV–XV вв. По подъёмным материалам с г. Болгар датированы золотоордынским временем²⁶².

Места вылова рыбы на р. Суре и пойменных озёрах, по летописным источникам известные как «рыбные ловли», упоминались в качестве передаваемых «на помин души» монастырям. Рыболовные крючки-закидушки с округлым утолщением для привязывания являлись самым распространённым орудием лова (рис. 30, №1–3, 29–30). Крючки XIV–XV вв. хорошо известны не только по находкам с городища Городок²⁶³ и Курмыш²⁶⁴, но и на всей территории средневожских земель эпохи Золотой Орды²⁶⁵. В шурфе с поселения Ильина Гора 2 найдено керамическое грузило от рыболовной сети (рис. 30, №27).

Втульчатый топор-тесло в форме клина с двумя несомкнутыми краями-лопастями для крепления рукояти использовался для выдалбливания выемов в деревянных изделиях. Им работали держа в одной руке, поэтому и рукоятка была

²⁵⁹ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 71, рис. 58; Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) // МИА. М., 1953. №32. С. 94–95.

²⁶⁰ Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) // МИА. М., 1953. №32. С. 87.

²⁶¹ Древняя Русь. Город, замок, село. Под ред. Б.А. Рыбакова // Археология СССР. Москва, 1985. С. 235, Табл. 83, №16, 17.

²⁶² Семькин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 118, рис. 47, №40–41.

²⁶³ Грибов Н.Н. Нижний Новгород и его округа во время формирования единого Русского государства: дис. ... докт. ист. наук: 5.6.3 – археология. Москва, 2003. Т. 2. С. 266, рис. 150, №1–8.

²⁶⁴ Грибов Н.Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш IV в Пильнинском районе Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. Т. 2. Илл. 82, №9–11.

²⁶⁵ Яворская Л.В. Система обеспечения городского населения Улуса Джучи продуктами питания // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи). Казань, 2022. С. 695.

короткой (рис. 30, №35)²⁶⁶. Ручной резец, именуемый иногда ложкорезом, отличался менее массивной и короткой ручкой от токарного (рис. 30, №44)²⁶⁷.

Среди металлического инвентаря найдены другие предметы: топор, гвозди, пробой, подковы, скобы, шило. От топора найдена только лезвийная часть, форму и предназначение установить не удалось (рис. 30, №45). Массовой находкой являются кованые гвозди с четырёхгранным сечением и округлой шляпкой, фрагменты скоб и рабочих инструментов (кочедыки, проколки, шилья). О резьбе по кости свидетельствует железное лучевое сверло с поселения Курмыш 4.

Металлический инвентарь находит аналоги в хорошо датированных памятниках Среднего Поволжья. Дужки от котла²⁶⁸, кресала, плуг-чересло, рыболовные крючки найдены при раскопках города Джукетау²⁶⁹. Л.Д. Макаров относил такие находки к кругу русских ремесленных изделий Прикамья²⁷⁰.

Изделия из цветного металла представлены случайными и редкими находкам. Чаще всего они обнаруживаются в глубине культурного слоя, а также на склонах оврагов с осыпями, где ходить с металлоискателем крайне сложно, благодаря чему они не были похищены кладоискателями. Следы цветного литейного производства найдены на Козловском городище в виде выплесков металла и шлаков.

Среди металлических украшений и декоративных элементов выделяются различные декоративные накладки, три из которых определяются как накладки на поясную сумку или кошель, широко распространённые в золотоордынскую эпоху.

На селище 7 Выселок №1 найдена литая круглая накладка с шестью криновидными выступами и с отверстиями на них (рис. 32, №7). В центре неё изображён хищный зверь, кусающий свой хвост. Аналогичные находки известны по материалам Новгородских древностей. Одна найдена на Неревском раскопе в

²⁶⁶ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 29–31, рис. 17; Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) // МИА. М., 1953. №32, С. 111, рис. 73; Семейкин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 123, рис. 49, №42.

²⁶⁷ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. М.-Л., 1959. №65. Т. 2. С. 42–43, рис. 27.

²⁶⁸ Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 60, рис. 26, №1.

²⁶⁹ Набиуллин Н.Г. Джукетау и прилегающие территории // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи). Казань, 2022. Т. 6. С. 308–310.

²⁷⁰ Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001. Рис. 10, 49, 52.

слое конца XIV в., другая – на хорошо сохранившейся сумке из Нутного раскопа, что позволило чётко атрибутировать и датировать их серединой 80-х гг. XIV в. – первыми десятилетиями XV вв. Накладка являлась лицевой частью замка «большой» новгородской сумки²⁷¹. На территории Среднего Поволжья подобные находки сделаны на Наровчатском городище²⁷².

На Тихомировском (Ряпинском) поселении найдена бронзовая накладка треугольной формы с фигурно оформленными краями и четырьмя отверстиями для крепления (рис. 47, №1). Подобная бронзовая накладка найдена на поселении Курмыш 4, но она отличается по форме и имеет отверстие в центре (рис. 15, №13)²⁷³.

Среди находок с поселения Утюж 1, отождествляемых с мордовским населением Присурья, был обнаружен комплекс предметов XIV в., бытовавших в центральных болгарских землях (бронзовые накладки, височное кольцо, бусины XIII–XIV вв. и т.д.)²⁷⁴. Фигурная накладка с двумя креплениями сзади и отверстием в виде ромба посередине имеет аналоги на памятниках Чакма²⁷⁵, Болгар и др. Орнитоморфная фигурная накладка с позолотой напоминает накладку из Болгара. Бронзовое височное кольцо, декорированное серебряными проволочными бусинами, и ряд других находок авторы раскопок сравнивают с украшениями, бытовавшими в Волжской Болгарии, или подпирали более дальние аналоги в Карпато-Балканском, Польско-Тюрингском, Древнерусском регионах (рис. 44, №9)²⁷⁶.

Медный пластинчатый браслет с Новой Екатериновки 3 имеет орнамент из отдельных линий, точек и некоего подобия цветка. Браслет с селища Сареево 4 богато орнаментирован геометрическими фигурами, с селища Выселок №1 имеет изображение рыбы (рис. 32, №1, 16; 35, №3).

²⁷¹ Матехина Т.С. Кожаные изделия средневекового Новгорода. Чехлы, футляры, сумки: дис. ... канд. ист. М., 2009. С. 110–111, 197, Табл. XXVII; Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 162, 167, рис. 64, №10.

²⁷² Белорыбкин Г.Н. Наровчатское городище и Улус Мухши // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи). Казань, 2022. Т. 6. С. 162.

²⁷³ Грибов Н.Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш 4 в Пильнинском районе Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. Т. 2. Илл. 49, №19.

²⁷⁴ Мясников Н.С., Березина Н.С. Исследование средневекового Утюжского поселения в Среднем Посурье в 2011–2012 годах // Чувашская археология. – 2015. – Вып. 2. – С. 97–110.

²⁷⁵ Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в X–XIV вв. Изделия аскизского типа в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань, 2001. С. 108, 120, №8.

²⁷⁶ Мясников Н.С., Березина Н.С. Исследование средневекового Утюжского поселения в Среднем Посурье в 2011–2012 годах // Чувашская археология. – 2015. – Вып. 2. – С. 100–101, 110.

С поселения 5 Выселок №1 происходят обломок перстня и сьюльгам. Перстень щитковый с геометрическим орнаментом в виде овала с изображением прямоугольника, от углов которого расходятся линии (рис. 32, №8). Сьюльгам с широкими лопастями и медным язычком имеет аналоги в мордовских могильниках второй половины XIV в. (рис. 32, №6).

В нашем распоряжении имеются две свинцовые пломбы-грузика. Один экземпляр конического грузика с орнаментом найден на поселении Ильина Гора 2 (рис. 32, №5), второй на поселении 5 Выселок №1 (рис. 32, №3). По классификации К.А. Руденко они относятся ко второму типу конусовидных²⁷⁷.

На поселении Курмыш 4 широко представлены привозные изделия из болгарских земель ордынского периода: бронзовая дужка от зооморфного замка, бронзовые нашивные и поясные накладки, многочисленные фрагменты медной посуды, свинцовые пломбы-грузики. Среди находок есть бронзовая муфта с клеймом «бек» на арабском языке (рис. 15, №8).

К золотоордынскому периоду отнесены обломки серебряных зеркал с геометрическим орнаментом на оборотной стороне (Курмыш 4, Козловское городище, селище 7 Выселок №1). На Козловском городище найдена бронзовая чаша от равноплечных весов, а на территории селища Сареево 4 – свинцовая шестигранная гирька массой 101 гр., что соответствует половине веса гривны новгородского типа (рис. 22, №6; 3 №2).

С правобережных памятников Курмышской округи получено шесть образцов керамических пряслиц. Три экземпляра – гончарные биконические с острой гранью по центру с хорошо заглаженной поверхностью (рис. 22, №9; 30, №16). Также имеются лепные асимметрические и выточенные из фрагмента сосуда.

С территории поселения Курмыш 4 происходит бронзовый односторонний крест-тельник с треугольным окончанием лопастей, с остатками жёлтой эмали (в Новгороде встречен в слоях начала XIV в.)²⁷⁸. Бронзовый восьмиконечный литой крест-тельник с плохо сохранившимся изображением на лицевой поверхности

²⁷⁷ Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань, 2001. С. 103–104.

²⁷⁸ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 54.

известен по раскопкам на территории Суздаля, Москвы, Городца, Торжка и датирован XIV–XV в. (тип III, подтип 1)²⁷⁹. Также найдена свинцово-оловянистая двухсторонняя иконка-привеска с ростовым изображением святого Николая Чудотворца (рис. 15, №1–5).

Крестики присутствуют не только на левобережных памятниках, связанных с русской колонизацией. На присурских марийских памятниках нательный крест (энколпион начала XIII в.) найден на Васильсурском V городище²⁸⁰, а монетовидная подвеска с ликом святого на Красном Селище 1. На других памятниках Марийско-Чувашского Поволжья энколпион встречался в Юльяльском могильнике и поселении²⁸¹, и Мало-Сундырском городище (рис. 45, №1–4, 6, 7)²⁸².

Крестики с селища 1 Выселок №1 и Сареево 4 бронзовые, литые, односторонние. Равносторонние лопасти с криновидными концами имеют слабо выраженный уступ по краю и плохо сохранившийся орнамент (рис. 32, №4). На Мало-Сундырском городище аналогичные четыре экземпляра отнесены ко второму варианту криновидных крестиков²⁸³.

Крестик с поселения Утюж – бронзовый, односторонний, четырехконечный, с трехлепестковыми завершениями лопастей, по аналогичным находкам из Суздаля датирован XIV вв. (рис. 44, №6)²⁸⁴. Кресты-тельники с поселения Утюж и Курмыш 4 (рис. 15, №2) с криновидными концами найдены на Болгарском городище, в том числе в составе клада с медными монетами XIV вв. и Водяновском городище²⁸⁵.

На Козловском городище встречены только декоративные железные кресты-накладки с заклепками для крепления на поверхности. Ввиду плохой сохранности им сложно подобрать хронологические аналоги, поэтому их условно

²⁷⁹ Беленькая Д.А. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // Средневековая археология Восточной Европы / КСИА. М., 1993. №208. С. 17, рис. 1, №15.

²⁸⁰ Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. С. 403, рис. 66, №2.

²⁸¹ Там же. С. 415, рис. 78, №8, 9.

²⁸² Там же. С. 41, рис. 79, №1–3.

²⁸³ Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламер. Миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола, 2006. С. 130.

²⁸⁴ Энколпионы и кресты-тельники XI – н. XVI вв. из археологической коллекции Владимиро-Суздальского музея заповедника. Каталог. Владимир, 1999. С. 15.

²⁸⁵ Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. М., 1993. С. 16, 18, рис. 2, №4, 28, №5; Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 82.

синхронизируем с культурным слоем городища XIV–XV вв. (рис. 22, №14–15). На поселении 1 Выселок №1 найдена декоративная петля-накладка с крестообразным навершием и заклёпками для крепления.

Клады и отдельные находки джучидских монет, являются основным показателем торгово-денежных отношений и нестабильной политической ситуации в регионе на момент их зарытия. Соккрытие кладов вдоль течения рек неслучайно, по ним велась основная торговля (табл. 12).

К числу наиболее ранних находок ордынского периода относится дирхам с Утюжского поселения. Он отчеканен в Сарай аль Махруса в 1310–1311 гг., в период правления хана Тохта (рис. 44, №7).

В Присурье известен только один клад, закопанный до середины XIV в. – у д. Лекаровка Пильнинского района Нижегородской области. В его составе содержались 22 джучидских дирхама начала XIV в. Младшая монета Узбек-хана отчеканена в Сарае в период 713–721 г.х./1313–1321 гг. Остальные монеты принадлежали хану Тохта чеканки Сарая (7 экз.), Маджара (1 экз.) и Укека (11 экз.). На одной имеется дата 710 г.х./1310–1311 гг., на большинстве остальных – 693–710 г.х./1294–1311 гг. (91%). Тем не менее, время тезаврации клада, скорее всего, – первая четверть XIV в.²⁸⁶.

Из шести кладов джучидских монет, найденных в Чувашии, два найдено в Присурье: у д. Тихомирово Поречского района (489 монет чеканки 1291–1368 гг.)²⁸⁷ и д. Испуханы Красночетайского района (27 серебряных золотоордынских монет без описания)²⁸⁸.

Г.А. Фёдоров-Давыдов отнёс Тихомировский клад к группе кладов, зарытых в 1357–1380 гг. до начала правления хана Тохтамыша. Из 489 монет 372 по правителям распределяются следующим образом: Токта – 0,8%, Узбек – 16,1%, Джанибек – 41,7%, ханы 1357–1368 гг. – 41,4%²⁸⁹. Из 480 монет отчеканены в Сарае – 13,8%, Сарае ал-Джедид – 32,3%, Гюлистане – 27,7%, Азаке – 3,1%.²⁹⁰

²⁸⁶ Петров П.Н. Клады джучидских монет на территории Нижегородской области // VII Халиковские чтения. Казань, 2017. С. 277.

²⁸⁷ Элле К.В. Клад джучидских монет в ЧувАССР // Краткие сообщения ИИМК. – 1947. – Вып. XV. – С. 113.

²⁸⁸ Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900. С. 53.

²⁸⁹ Фёдоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 99, 143.

²⁹⁰ Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 87.

На Тихомировском (Ряпинском) поселении в 2013 г. найден серебряный дирхам, отчеканенный в период правления хана Джанибека (741–758 гг. х.). Чеканка произведена в г. Сарай ал-Джедит по образцу 747 г.х. (1347–1348 гг.)²⁹¹. Сильная потёртость и вес дирхама свидетельствует о длительном нахождении в обращении и после правления Джанибека. Вес монеты составляет 0,57 г., что характерно для обрезанных монет, подогнанных под весовые нормы первой половины XV столетия (при хане Гийас ал-Дине, Бараке, Улуг-Мухаммеде мера веса монет снижается до 0,53–0,57 г.)²⁹². Состав клада и дирхам, найденный в 2013 г., датируют поселение периодом второй половины XIV в.

На поселении Курмыш 4 найдены серебряные дирхамы хана Узбека чеканки Сарая (1315–1318), Узбека (1333–1334), Джанибека (1342–1343), хана Бирдибека (1358–1359), Мюрида (1362–1363), а также медные анонимные пулы с изображением барса, чеканки 1362–1363 гг. и хана Хызра (1360–1361)²⁹³. Все они хронологически укладываются в достаточно узкий промежуток 60–90-х гг. XIV в., так как найденные монеты ханов Узбека и Джанибека первой половины – середины XIV в., обрезаны под весовые нормы конца данного столетия (их вес от 0,71 до 1,36 гр.)²⁹⁴. Монеты русской чеканки на поселении не обнаружены. Чеканка русских монет Нижегородско-Суздальского княжества в удельный период не могла конкурировать с огромной массой ордынских монет.

Нахождение кладов джучидских монет свидетельствует о том, что присурские земли входили в область золотоордынского денежного обращения, в сферу интенсивной экономической и политической жизни.

На территории Чувашской Республики, кроме присурских кладов, найдено ещё четыре крупных клада, два из которых расположены в центральной части республики и один на границе с Татарстаном. К числу кладов, зарытых до 1380 г., относится клад, найденный на городище у д. Альменево Козловского района. Он содержал 216 монет, 100 из которых определены как дирхамы ханов Менгу-

²⁹¹ Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. Москва, 2005. С. 26–27, №228.

²⁹² Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 18.

²⁹³ Грибов Н.Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш 4 в Пильнинском районе Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. Л. 60–62; Грибов Н.Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш 4 в Пильнинском районе Нижегородской области в 2009 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. Л. 29, 30, 35–36, 41–42.

²⁹⁴ Грибов Н.Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш 4 в Пильнинском районе Нижегородской области в 2009 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. Л. 59.

Тимура (1266–1282 гг.)²⁹⁵ Современные исследователи определяют в его составе монеты чекана г. Кермана²⁹⁶. Археологи предполагали, что городище у д. Альменево есть г. Керман, в котором производилась чеканка монет²⁹⁷, что не находит археологического подтверждения²⁹⁸.

Согласно данным Г.А. Фёдорова–Давыдова из 40 кладов золотоордынских монет, зарытых в болгарских землях в 1310–1379-х гг., в 36 кладах монеты самой последней чеканки относятся к 1358–1362 гг. Эти данные говорят о том, что наступает критический момент для сокрытия своих накоплений.

К кладам, зарытым после 1380 г. относятся два смешанных клада, в незначительном количестве содержащих русские монеты. В XV в. в состав кладов земель бывшей Волжской Болгарии и прилегающих мордовских и нижегородских земель вливаются монеты Московского и Нижегородского княжеств²⁹⁹.

Клад у д. Досаево Красноармейского района был зарыт в последней четверти XIV в. Он содержал 598 монет, чеканенных в широкий исторический промежуток – от времени правления хана Токты до правления хана Тохтамыша, но преобладали монеты Джанибека и Бердибека³⁰⁰. В составе клада имелась деньга князя Бориса Константиновича. Г.А. Фёдоров–Давыдов сделал вывод, что этот клад отражает локальные особенности денежного обращения на территории Волжской Болгарии в период правления хана Тохтамыша. Серебряная монета, чеканенная в нижеволжских городах, не попадает в большом количестве в поволжские земли, и денежное обращение обслуживалось старой монетой.

В 2011 г. был обнаружен Второй Досаевский клад с уникальным по составу входивших в него русских серебряных монет 20-х гг. XV века³⁰¹. Они несколько расширяют географические рамки монетного обращения в регионе. Всего исследовано 265 монет ханов Золотой Орды от Шадибека до Дервиша (1399–1419 гг.) – 54 экз., Великого княжества Московского – 2 экз., удельного княжества

²⁹⁵ Фёдоров–Давыдов Г.А. Клады джучидских монет. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 96.

²⁹⁶ Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой трети XIV вв. Казань, 2018. С. 85, 144.

²⁹⁷ Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань, 1954. С. 85, 93.

²⁹⁸ Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой трети XIV вв. Казань, 2018. С. 143.

²⁹⁹ Фёдоров–Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 56.

³⁰⁰ Там же. С. 95–96.

³⁰¹ Волков И.В. Неизданные монеты из Второго Досаевского клада // Нумизматический альманах. – №1 (45). – 2013. – С. 29.

Серпуховско-Боровского – 1 экз., г. Суздаля – 2 экз., Нижегородского княжества – 206 экз. В данном случае мы имеем дело с единственным случаем преобладания русских монет в составе клада.

Наиболее поздний клад обнаружен у д. Нимичкасы Красноармейского района³⁰². Он содержал 558 монет XV в., начиная от хана Шадибека до Улуг-Мухаммеда, включая ханов первой четверти XV в. В составе клада находилась денга Василия I Дмитриевича Московского и Даниила Борисовича Суздальско-Нижегородского. Вес джучидских монет, как и в Ожгибовском кладе, подогнан под вес русских³⁰³. По мнению О.В. Тростянского часть монет отчеканена при Мухаммеде Бараке, что указывает на дату тезаврации клада – 1422 г.³⁰⁴. М.Д. Полубояринова отмечает, что русские монеты проникают в Среднее Поволжье и фиксируются в кладах (Светино, Сосновка, Тетюши, Семёновка, Христофоровка, Караульная Гора)³⁰⁵.

Клады ордынского времени найдены на присурской территории Нижегородского края и Мордовии. Крупнейший из них обнаружен у с. Ветошкино Нижегородской области (1831 дирхам чеканки 1310–1365 гг.). По атрибуции А.К. Маркова, в него входили дирхамы от Токты до Азиз-Шейха 767 г.х./1365–1366 г. и два подражания. Время тезаврации клада около 770 г.х./1368–1369 г.³⁰⁶.

К зарытым в 1310–1380 гг. относятся клады у сёл Большая Уда и Тёплый стан. Эти запьянские клады содержали монеты, чеканенные до 1377 г. Другие клады (в том числе Кубаево, Ожгибовка, Н. Новгород, Ильинское и Петровка на р. Алатырь) могут быть датированы после 1409 г., когда произошёл поход Едигея на Нижний Новгород и Городец.

Клады и отдельные находки монет в центральной части Нижегородской области дополняют картину денежного обращения. Клад у с. Большая Уда в

³⁰² Каховский В.Ф. Клад джучидских монет близ деревни Нимич-касы Красноармейского района Чувашской АССР // Вопросы археологии и истории Чувашии / Учёные записки ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. 19. С. 96–125.

³⁰³ Фёдоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 123.

³⁰⁴ Тростянский О.В. Монеты Великого княжества Нижегородско-Суздальского 1410–1431 гг. М., 2009. С. 153.

³⁰⁵ Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. М., 1993. С. 92.

³⁰⁶ Петров П.Н. Клады джучидских монет на территории Нижегородской области // VII Халиковские чтения. Казань, 2017. С. 276–277.

Гагинском районе, найденный в 1895 г., содержал 165 золотоордынских серебряных монет XIV в. В ходе раскопок мордовского могильника у с. Гагино было найдено девять джучидских медных и серебряных монет 1316–1363 гг. Время тезаврации дирхамов – 1363–1365 гг.³⁰⁷.

Более поздний клад из 29 монет найден у д. Большая Андреевка Княгининского района (левый берег р. Пьяна). Серебряные монеты происходили из русских земель (Суздаля, Рязани, Твери, Пскова), часть из них выполнена в качестве подражания татарским. Клад закопан до 1446 г. в период правления Василия II Тёмного.

Клад у д. Ожгибовка Пильнинского района Нижегородской области сохранился не полностью. Он содержал 456 монет Московских и Суздальско-Нижегородских князей (включая подражания ордынским 130 шт.) и ордынских ханов (326 шт.). Самой ранней монетой оказалась монета хана Тохта (1310–1311), а самой поздней – хана Тохтамыша (1391–1392). Русские монеты чеканились в период правления от Дмитрия Донского до Бориса Константиновича. Характерной особенностью клада является то, что 267 монет из них обрезаны³⁰⁸. При сопоставлении веса русских монет нижегородского чекана с весом обрезанных татарских оказалось, что вес и тех, и других во многих случаях совпадает. Это обстоятельство убеждает, что татарские монеты обрезаны не с целью уменьшения серебра, а специально подогнаны под вес русских для упрощения торговых сделок. Авторы раскопок по наиболее поздним монетам хана Тохтамыша и князя Василия Кирдяпы определили время сокрытия клада – последнее десятилетие XIV в.

Клад у селения Тёплый Стан (ныне с. Сеченово в Нижегородской области) был обнаружен в 1900 г. Он содержал 79 серебряных монет периода правления от Узбек-хана и до Мухаммада-Булака. Клад, по имеющейся информации, зарыт в 1370-е гг.

С территории Пильнинского района Нижегородской области происходит небольшой клад из 10 серебряных датированных монет Булгара – Джалал ад-Дина

³⁰⁷ Петров П.Н. Клады джучидских монет на территории Нижегородской области // VII Халиковские чтения. Казань, 2017. С. 276.

³⁰⁸ Там же. С. 276.

1411–1412 г., Шадибека 1402–1403 г., «Раджан» Пулада и без обозначения года Пулада и Тимура (?). Клад закопан во втором десятилетии XV в.

На территории Нижегородской области найдены клады у с. Ильинское Починковского района (42 серебряных джучидских монет от хана Джанибека до Токтамыша, закопанных в конце XIV – начале XV в.) и с. Разнежье Воротынского района (416 экземпляров от хана Токты до Абдаллаха, закопанных в 1368–1371 гг.)³⁰⁹.

Н.П. Петров, проанализировав время тезаврации 21 клада с ордынскими монетами, считает, что период XIII – первой половины XIV вв. не был активным в плане проникновения золотоордынской монеты в Нижегородские земли. В 1360-е гг. количество кладов увеличивается и достигает максимума в 1370-е гг., затем увеличивается в 1390-е гг. – рубеже XIV–XV вв. и во второй половине 1420-х годов³¹⁰. Клады с содержанием джучидских монет XIV–XV вв. распространены в южной части Нижегородской области и присурских районах Чувашской Республики (бассейн р. Пьяны, Суры и Алатыря), вдоль основных сухопутных дорог. Наиболее крупный присурский клад, найденный у с. Тихомирово, закопан в период между 1357 и 1380 гг.

До 1370-х гг. состав кладов представлен только ордынскими монетами, но в кладах 1390-х гг. появляются русские деньги. Наблюдается подстраивание веса под начинающуюся русскую монетную систему и в XV в. в обслуживании местных рынков она доминирует.

На правобережных поселениях сделаны единичные находки ордынских и русских монет. С селища 5 Выселок №1 наиболее ранняя монета – дирхам хана Узбека 1339-1341 гг. Селище 1 и 4 Выселок №1 датируются двумя подражаниями дирхамам Джанибека, чеканки Сарай ал-Джедид, 741–757 г.х. (1340–1356 и 1346–47 гг.)³¹¹. На 7 селище найден медный пул с надчеканом «лировидная тамга» конца XIV в. (рис. 32, №11, 13, 15).

³⁰⁹ Петров П.Н. Клады джучидских монет на территории Нижегородской области // VII Халиковские чтения. Казань, 2017. С. 276.

³¹⁰ Там же. С. 279.

³¹¹ Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. М., 2005. С. 26, №232. 747 г.х.

Селище Ильина Гора 2 датируется находками трех монет. Медный пул с двумя надчеканами «лировидная тамга» и «Булгар» (?) использовался в Среднем Поволжье в конце XIV в. (рис. 32, №10). Две серебряные монеты сильно деформированы, возможно, в результате воздействия огня, но по оформлению аналогичны удельным монетам (более тонкий круг монеты и остатки легенд) (рис. 32, №16).

На поселениях находятся монетовидные кружки из меди с остатками поверхностного серебрения, возможно являвшиеся подделками монет рассматриваемого периода.

Таким образом, материалы поселенческих памятников дают нам представление о материальной культуре народов Нижнего Присурья. Памятники Курмышской округи, несмотря на узкий хронологический период существования, указывают на развитие разных отраслей производства. Обилие изделий из металла и чугуна, следы выплавки железа свидетельствуют о сложившемся металлургическом центре. Орудия труда указывают на традиционные сельскохозяйственные занятия (орудия обработки земли, уборки урожая), ремесла и промыслы (ножи, деревообрабатывающий инструмент, рыболовные снасти).

Пограничное состояние региона не могло не отразиться на составе предметной коллекции. Среди находок присутствует импорт из русских земель, в том числе предметы христианского культа, и центральных булгарских земель. Все это указывает на сформировавшийся рынок обмена и продажи изделий русских, ордынских и местных финноязычных мастеров.

Территория Нижнего Присурья входила в зону распространения джучидской монетной системы. Преобладающая масса монет с поселений и кладов датирована второй половиной XIV в. – началом XV в. Зарытие кладов является прямым следствием нестабильной ситуации в регионе, вызванной походами и погромами. С расширением удельной чеканки обращение ордынских монет сокращается, а также они подгоняются под весовые нормы русских. Клады, за исключением Второго Досаевского, формировались из ордынских монет. Джучидская монета постепенно выходит из обращения к середине XV в.

Глава 3. Культурно-исторические процессы во второй половине XIV–XVI вв.

3.1. Могильники верховой группы чувашей

При изучении процесса формирования современного населения Чувашского Присурья невозможно обойти вопрос о времени появления чувашского населения. Существует явный хронологический разрыв между рассматриваемыми памятниками второй половины XIV–XV вв. и чувашскими могильниками, возникающими в XVI в. Летописные источники и сведения путешественников начала XVI в. свидетельствуют о проживании «за Сурой» марийцев и чувашей, именуемых «горными черемисами». В археологическом плане мы можем опираться только на материалы могильников этнографической группы верховых чувашей и сопоставлять их с могильниками средненизовой и низовой групп, а также с некрополями горных марийцев.

В погребальном обряде и инвентаре могильников присурских чувашей прослеживаются следы этнокультурного взаимодействия с финноязычными соседями³¹². Для выделения таких следов необходимо сначала дать общую характеристику чувашского погребального обряда. При выполнении этой задачи выявляется сложность обобщения всей совокупности данных о раскопанных могильниках, расположенных на территории трёх этнографических групп Чувашии (рис. 51). В статистический анализ включены данные по 40 могильникам XIV–XIX вв., на которых раскопано 1432 погребения. Из них с полным описанием – 758 погребений (52,9%) и 479 погребений (33,4%) с частичным описанием. Исключив из этого числа (13,7%) данные по двум ранним могильникам (123 погр. Кирегасьского и 44 погр. Большетаябинского) и южной (мордовской) части Бахтигильдинского могильника (29 погр.), получим итоговую сумму в 1237 чувашских погребений XVI–XIX вв. (табл. 14).

³¹² Федулов М.И. Этнокультурные компоненты в погребальном обряде чувашей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – №6. – Часть 3. – С. 53–61.

Возникновение большинства могильников по находкам монет датируется XVI в. До 1551 г. Чувашский край не входил в состав Русского государства, и массового проникновения русских монет на его территорию не происходило. В ряде случаев анализ расположения и перекрытия монетных и безмонетных погребений доказывает начало функционирования могильников ранее XVI века. Среди рассмотренных объектов на наиболее раннюю датировку, по монетам второй половины XV в., претендует Новоядринский могильник³¹³.

На территории Чувашской Республики из числа средневековых могильников известны два могильника с ранней датировкой – у д. Кирегаси «Пăлаху» (XII–XV вв.) и с. Б. Таяба (XIV в.). Большетаябинский могильник является мусульманским кладбищем, Кирегасьский не имеет типичных элементов чувашского погребального обряда (практически полное отсутствие инвентаря и расположение рук на груди).

К числу самых масштабных работ по изучению кладбищ необходимо отнести экспедиции под руководством П.П. Ефименко³¹⁴, Ю.А. Краснова, И.С. Вайнера, В.Ф. Каховского, Б.В. Каховского³¹⁵, Г.И. Дроздовой³¹⁶ и др. Историография работ, посвящённых погребальной обрядности, также ограничена небольшим перечнем статей. Б.В. Каховским в 1978 г. была защищена кандидатская диссертация по данной проблематике, но в последующие десятилетия теме погребальной обрядности уделялось недостаточно внимания. В статье С.А. Краснова выделены две группы погребений: одна связывается с погребальным обрядом булгар, другая – с финно-угорскими традициями³¹⁷. Сравнение элементов погребальной обрядности с соседними народами проводилось Т.Б. Шикаевой (Никитиной), Г.И. Дроздовой и А.А. Степановой.

Общечувашский погребальный обряд следует рассматривать учитывая все элементы – надмогильные сооружения, устройство ям, положении костяка,

³¹³ Вайнер И.С. Отчёт о работах 3-го Чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №4696. Л. 71.

³¹⁴ Ефименко П.П. Материалы Средневолжской экспедиции 1926 г. Каршлых // Архив ИИМК. Рукописный отдел. Ф. 2. Оп. 1. № 241.

³¹⁵ Каховский Б.В. Погребальный обряд чувашского языческого населения // Современные и этнические процессы в Чувашской АССР / Сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары, 1978. С. 118–146.

³¹⁶ Дроздова Г.И. К вопросу об истории изучения позднесредневековых кладбищ и погребального обряда чувашского народа // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001. С. 180–185.

³¹⁷ Краснов С.А. Погребальный обряд населения Чувашского Поволжья в позднем средневековье // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола, 2006. С. 276–278.

погребальный инвентарь и остатки традиционного костюма. Статистический анализ элементов погребальной обрядности проведён нами в отдельной статье (табл. 14–15)³¹⁸.

Могильники чувашей располагались на возвышении у водных источников и должны были быть отделены от селения естественной преградой (рекой, оврагом, лесом). На поверхности могильников, как правило, не сохраняются деревянные надмогильные столбы юпа (чув. юба), но фиксируются каменные надгробия, в преобладающей массе датированные XVII – I половиной XVIII вв. Юпа вкапывался в головы, реже в ноги погребённого (Мартыновский, Большемеинский, Новосюрбеевский). Для мужских захоронений характерны дубовые столбы, для женских – липовые. Во время раскопок найдено 25 остатков таких столбов. По этнографическим данным столбы имели антропоморфные черты или вырезанные геометрические символы.

Преобладает западная ориентировка погребений, но есть и погребения с северо-западной ориентировкой. Строго на север костяки обращены на Катергинском, Яндашевском и Большекарачкинском, а также в северной (мордовской) части Бахтигильдинского могильника. Большая часть исследователей объясняет северо-западную ориентировку влиянием марийцев, а западную – сохранившимися булгарскими традициями. С распространением христианской религии западная ориентировка продолжала доминировать.

Могильные ямы редко превышают один метр, но не исключено совершение захоронений в почвенном слое (Толиковский, Бахтигильдинский). Стенки ям отвесные, дно ровное. Могила имела прямоугольную форму, но есть единичные примеры овальных (Новоядринский, Толиковский, Бахтигильдинский, Верхнеачакский), закругленных с одной стороны, сложнофигурных, и ям, где ширина одной стороны уже противоположной.

Сложные формы стен в виде уступов-заплечиков сооружались для перекрытия деревянным накатником (три погребения XVII–XVIII вв. в Новосюрбеевском и Акулевском). Расширение могильной ямы в виде

³¹⁸ Федулов М.И. Погребальный обряд чувашей XVI–XIX вв. // Поволжская археология. – 2023. – №4 (46). – С. 47–65.

двухстороннего подбоя найдено в двух погребениях Новоядринского могильника, но они сооружались не для размещения костяка. В одном из подбоев найден только перстень.

Ширина могильной ямы незначительно превышает размеры костяка, длина ям 2,4–2,5 м была нормой, но могла достигать трёх метров (в Новоядринском до 2,85 м, Мартыновском до 3 м). В связи с этим возникает свободное место в головах или ногах (189 случаев или 15,4% всех погребений).

Деревянные конструкции в погребениях отмечены практически на всех могильниках (20% погребений): крышки гроба (Толиковский, Мартыновский, Новоахпердинский), дубовая колода (Новосюрбеевский, Яншиховский), рамная конструкция (Толиковский, Новоахпердинский и Старошаймурзинский). Лубяная подстилка (Мартыновский, Большееминский, Новосюрбеевский), покрытие из луба (Каракловский, Старошаймурзинский), войлочная подстилка (Новоахпердинский) фиксировались гораздо реже.

В засыпи могил присутствуют следы культа угля, в виде отдельных угольков (143 погр.) или кострища на дне могилы (Новоядринский, Верхнеачакский, Тебикасинский, Кирегасьский, Большееминский) и вне ям (Новоахпердинский и Малоарабузинский). Следы огня объяснены очистительными и поминальными обрядами. Также в засыпи обнаружены кости и зубы лошади. В Мартыновском могильнике найдены целые черепа и челюсть лошади, в Икковском три зуба располагались в руке погребённого. На Новоахпердинском могильнике кость лошади располагалась вне могилы³¹⁹. Шейный позвонок лошади обнаружен нами в погребении №3 Новоядринского могильника в 2006 г. Кости птицы найдены в двух погребениях Новоядринского и Верхнеачакского, а зуб телёнка в Орнарском могильнике. В засыпи средненизовой группы чувашей найдены орехи (Большееминский, Старошаймурзинский, Чирш-Сирминский).

Керамические сосуды не встречаются в могилах, но на Новосюрбеевском и Орнарском могильниках найдены железные дужки от котлов (?).

³¹⁹ Каховский Б.В. Погребальный обряд чувашского языческого населения // Современные и этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары, 1978. С. 135.

Костяк располагается на спине с вытянутыми руками и ногами. Большой процент погребений, в которых из-за плохой сохранности кистей, лучевых и локтевых костей положение рук не прослежено (обе – 211 (30,1%) и одна (32 (4,6%). Вытянутое положение обеих рук зафиксировано в 238 погребениях (34%), ещё в 95 погребениях (13,6%) вытянута только одна рука. В этом плане археологические данные совпадают с этнографическими описаниями. На втором месте по количеству зафиксированных случаев располагается тазовое положение рук (обе – 43 (6,1%), одна – 68 (9,7%).

Очень редко встречается положение рук на груди (обе – 0, одна – 3 (0,4%) и на животе (две – 11 (1,6%), одна – 8 (1,1%). Положение рук на груди характерно только для Кирегасьского могильника (обе – 5, одна – 15). В 11 могилах наблюдается положение на боку или в полуповёрнутом положении.

Инвентарь представлен небольшим набором предметов. Ножи и их обломки встречены в большинстве погребений независимо от пола (390 экз. или 27,2%). Обломанные лезвия встречаются у 18,4% экземпляров. В присурских могильниках обломанные ножи встречаются в Новоядринском (25 из 80 (31,3%) и Верхнеачакском (13 из 48 (27,1%) могильниках. Ножи с загнутыми лезвиями найдены по одному экземпляру в Новоядринском и Каршлыхском, три – в Большемеинском. На материалах Толиковского могильника Б.В. Каховским разработана классификация ножей из четырёх типов по форме лезвия и черешку.

Серпы представлены исключительно обломками в женских (9 экз.), детских и подростковых (15 экз.) погребениях. Из семи обломков железных кос один найден в женском погребении (Акулевский и Мартыновский), один – в детском (Толиковский), ещё четыре экземпляра не соотнесены с полом погребённого (Яндашевский).

Прямоугольные, калачевидные и салазковидные кресала (51 экз.) чаще уложены отдельно от кусков кремня. В Новоядринском могильнике кресало, кремень и трут лежали в кожаном мешочке. Топоры найдены на Каршлыхском (2 экз.), Новоядринском и Полевокозыльярском могильниках (по 1 экз.).

Известно о 37 плоских черешковых наконечниках стрел. 22 наконечника относятся к Новоядринскому могильнику, где наблюдается нахождение стрел по два (в четырех погребениях) и три (в двух погребениях) экземпляра. В нём представлен единственный четырёхгранный наконечник.

Железный инструментарий представлен кочедыком (Татмыш-Югелевский, Каршлыхский), буром (Верхнеачакский), зубилом (Новоядринский); бытовой инвентарь и личные вещи – железной бритвой, стремянем (Мартыновский), бронзовым гребнем (Ердовский, Мартыновский и Каршлыхский), бронзовым (Новоядринский) и металлическим колокольчиком (Катергинский «Тупах масарё»). Железные иглы представлены четырьмя экземплярами и дважды упоминаются шилья (Толиковский и Верхнеачакский).

Бытовало нескольких типов традиционных женских головных уборов – повязки (масмак, сурбан) или шапочки (тухья или хушпу). В отчётах имеются указания на остатки материи, кожи, бисера, бусин, монет, реже металлических пластин (Толиковский, Мартыновский, Верхнеачакский, Икковский). В отличие от образцов, хранящихся в музейных коллекциях, и этнографических описаний, количество нашитых украшений на тканевую или кожаную основу было меньше.

Для женских захоронений характерны находки украшений. Преобладают застёжки-сюльгамы, серьги, наконечники (хуре, юпинэ), перстни, кольца, браслеты, бусы, бисер, булавки, остатки материи от одежды и вышивки.

Сюльгамы овальной формы подразделяются на плоские и дротовые. Серебряный сюльгам найден в Верхнеачакском могильнике, в остальных они были бронзовые. На плоских сюльгамах нанесён геометрический орнамент. Концы расплющены или загнуты в кольцо. Для застегивания применяется бронзовая или железная игла. Такой элемент украшений широко распространен у чувашей верховой и средненизовой групп.

Серебряные и бронзовые серьги имели форму знака вопроса, иногда дополнены бусинами или оплётками из тонкой проволоки. Бытовали несколько типов медных пластинчатых браслетов с растительным и геометрическим орнаментом. В Юнгапосинском и Новосюрбеевском могильниках найдены

плоские браслеты из железа. Серебряные и бронзовые перстни и кольца (93 экз.) имели изображение людей, животных и птиц, растительный и геометрический орнаменты.

Характерным нагрудным украшением является ама – треугольник из цветных металлов с орнаментом и символами (Новоядринский, Мартыновский, Толиковский, Яндашевский). Он мог быть представлен в комплексе с матерчатой основой с нашитыми монетами, бусинами³²⁰.

Монеты содержатся в 325 погребениях (26,4%). Преобладают русские серебряные копейки чеканки XVI – начала XVIII вв. (до денежной реформы Петра I). Кроме монет регулярной русской чеканки имеются подражания («мордовки», «нухратки»), западноевропейские монеты и счётные жетоны.

В 90 погребениях найдены девичьи поясные украшения хюре – верёвочки, украшенные медными пронизками, бусинами, раковинами-каури и полусферами на концах. Большинство исследователей считают их заимствованными у марийцев (юпине)³²¹.

Православные нательные крестики найдены только в двух женских погребениях первой половины XVIII в. (Тебикасинский и Чегедуевский) и недатированном женском погребении Толиковского могильника. В западной, более поздней части Мартыновского могильника, присутствуют элементы христианства и отход от традиционного обряда.

Общечувацкий погребальный обряд обладает консервативными чертами. Труположение совершалось в неглубоких могилах и деревянных гробах. При могилах устанавливался деревянный столб. Костяк располагался головой на запад или северо-запад. Руки расположены вдоль тела или уложены на тазовых костях. Неизменным атрибутом погребения является наличие погребального инвентаря. Бытовой инвентарь (ножи, кресала) является массовой находкой, реже предметы, указывающие на ремесла и промыслы чувашей (кочедыки, стрелы, серпы, столярные инструменты).

³²⁰ Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960. С. 96.

³²¹ Там же. С. 109.

Элементы одежды, головных уборов и украшений дают представление о традиционном костюме, часть из которых не представлена в поздних вариантах (сюльгамы, накосники). Следы традиционных культов и тризны представлены культом огня, остатками заупокойной пищи, практически полным отсутствием христианских традиций.

Материалы могильников свидетельствуют о процессах этнокультурного взаимодействия в регионе в XVI–XIX вв. Бахтигильдинский могильник, расположенный на территории проживания низовых чувашей, разделяется на южную часть, оставленную мордовским населением, и северную, принадлежавшую чувашам. Тегешевский могильник указывает на тесные связи с татарским населением. На нём раскопано 10 погребений по языческому обряду, 11 – по мусульманскому (без инвентаря) и 11 синкретических погребений, сочетающих мусульманские и языческие традиции (присутствует немногочисленный инвентарь, но череп обязательно обращён к югу). Ориентировка погребений строго западная.

Мартыновский могильник в начальный период существования отличался от остальных некрополей. На нём известны факты оставления значительного места в изголовье, ступенчатые стенки могил, кости лошади и кенотафы. В западной, более поздней части могильника практически не встречаются вещи. Руки иногда были уложены на груди, погребения совершались на значительную глубину, что указывает на интенсивное христианское влияние XVII–XIX вв.

Основные характеристики обрядности нижнесурских могильников мы рассматриваем на материалах Новоядринского и Верхнеачакского могильников, дополняя данными Балдаевского, Калугинского и Каракловского кладбищ. Они расположены на территории проживания этнографической группы чувашей-вирьял (верховые). В Верхнеачакском могильнике изучено 78 погребений XVI–XVIII вв., в Новоядринском – 228 погребений XV–XVII вв., что составляет 316 погребений или 22,1% общего количества раскопанных³²².

³²² Федулов М.И., Иванов В.П., Денисов П.В. Особенности погребального обряда нижнесурских могильников чувашей // Вестник Чувашского университета. – 2012. – №2. – С. 103–104.

В первую очередь необходимо рассмотреть вопрос о датировке Новоядринского могильника. Авторы раскопок относят его возникновение к XIV–XV вв.³²³. На наш взгляд, наиболее аргументированной датой будет являться вторая половина XV в., так как на это указывает несколько фактов. Во-первых, зафиксированы случаи перекрытия погребений. Так, погребением №13, по монетам датированным серединой XVI в., было нарушено два более ранних безмонетных погребения³²⁴. В других могилах в небольшом количестве встречаются русские монеты второй половины XV в. (деньга Ивана III в погребении №18, новгородские монеты 1450-х гг. в погребении №60)³²⁵. Инвентарь некоторых безмонетных погребений содержит предметы, отсутствующие в поздних погребениях с монетами (В-образные и каплевидной формы кресала, ромбовидные стрелы новгородского типа XIII–XV вв., бусы и т.д.)³²⁶. Современные исследователи также проводят хронологические параллели Новоядринского могильника с могильниками у д. Кирегаси «Пялаху» (XII–XV вв.) и с. Б. Таяба (XIV вв.) в Чувашской Республике, а также с Мари-Луговским могильником в Марий Эл³²⁷.

Возникновение Новоядринского могильника связывается с перемещением массы населения из центральных булгарских земель на окраины. Анализ погребального обряда позволяет выделить ряд параллелей между чувашскими и булгарскими традициями. Устройство подбоев в виде уступа в стенке могилы, наличие костей лошади в погребениях, западная ориентировка погребённых, отсутствие русских монет в ряде погребений указывают на то, что пришлое булгарское население сохранило свои языческие традиции. В могильнике отсутствуют как элементы ислама, так и элементы христианства.

При изучении ориентации могил по сторонам света выявляется следующая особенность. Ориентировка по линии запад–восток с небольшими, вероятно

³²³ Вайнер И.С. Отчёт о работах 3-го Чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №4696. Л. 71.

³²⁴ Там же. Л. 16–17.

³²⁵ Там же. Л. 62, 66.

³²⁶ Трубникова Н.В. Отчёт о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год // Вопросы археологии и истории Чувашии / Учёные записки ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. XIX. С. 61; Вайнер И.С. Отчёт о работах 3-го Чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №4696. Л. 70–71.

³²⁷ Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань, 2001. С. 131.

сезонными отклонениями, характерна для Новоядринского, а северо-западная ориентировка, варьирующаяся от 285° до 315° азимута, – для Верхнеачакского могильника. С мнением о западной ориентировке, распространившейся под влиянием христианства, мы не можем согласиться в силу нескольких красноречивых фактов. Отсутствие нательных крестов, наличие инвентаря, уголков, костей животных и малая глубина могильных ям указывают на устойчивый традиционный (языческий) обряд. Распространение христианства среди инородцев Среднего Поволжья начинается со второй половины XVI в., а насильственное крещение – с середины XVIII в. Западная ориентировка, являющаяся всё же доминирующей, может быть объяснена сохранением болгарских традиций, северо-западная – тесными контактами с марийцами.

Вопрос о влиянии православия на чувашей требует детального анализа, но предметы христианского культа в присурских некрополях отсутствуют полностью. В погребениях в большом количестве найдены монеты, а иногда и вещи, изготовленные русскими мастерам (в Верхнеачакском могильнике найдена железная пряжка с русской надписью).

Нижнесурские могильники чётко свидетельствуют об этнокультурном взаимодействии в регионе, нежели только инвентарь, который мог попасть в них в результате торговли или обмена. В погребениях найдены скорченные костяки, лежавшие на правом и левом боку с подогнутыми ногами и руками, расположенными перед лицом. В Новоядринском и Верхнеачакском могильниках таковых раскопано 3 погребения, что составляет 0,4% всех чувашских.

Костяк в погребении №7 Новоядринского могильника располагался на правом боку. На женский пол костяка указывают железная швейная игла и головной убор, украшенный монетами и бусинами. По монете, входившей в состав головного украшения, погребение датируется XVII в.³²⁸ Костяк в погребении №14 располагался на левом боку, среди инвентаря найдены остатки женского поясного украшения типа «хуре»³²⁹. В погребении №94, также

³²⁸ Зубарева В.М., Краснов Ю.А. Отчёт о раскопках Новоядринского могильника в 1969 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №3993. Л. 70–71.

³²⁹ Вайнер И.С. Отчёт о работах 3-го Чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №4696. Л. 17–18.

содержавшим остатки женского украшения типа «хуре», костяк был полуповёрнут на правый бок, но ноги были вытянуты³³⁰.

Объяснить появление скорченных костяков, не встречающихся более у чувашей, мы можем только результатом совместного проживания и межэтническими браками с финноязычными соседями. Скорченные женские костяки чаще на правом, реже на левом боку встречаются в могильниках мордвы и в меньшей степени марийцев³³¹. В могильниках мордвы погребения со скорченными погребениями не отличались по инвентарю от остальных, также они представлены исключительно женскими костяками. Распространение такого обряда связывается с консолидацией мордовских племён³³². На распространении элементов мордовской погребальной традиции в Чувашско-Марийском Поволжье указывают Т.Б. Никитина и Н.М. Малкова³³³.

На могильниках арзамасской мордвы X–XI вв. Заречное II и Стёксово II в скорченном положении совершено 25% всех погребений. Все они принадлежат исключительно женщинам и выполнены чаще на правом боку. Практиковался и обряд укладывания погребённых на бок с вытянутыми ногами³³⁴. По мнению археологов, данный обряд мордве был привнесён пришлыми с юга племенами и стал характерной чертой мокшанского и эрзянского населения в XII–XV вв.³³⁵ В Верхнеачакском могильнике погребение №64 было совершено на левом боку, костяк из погребения №76 слегка повернут на правый бок³³⁶.

Наличие богатого погребального инвентаря является объединяющим признаком Новоядринского и Верхнеачакского некрополей. Он состоит из монет, бус, бисера, сьюльгамов, наконечников, пуговиц, колец, перстней, браслетов, серёг, ножей, обломков серпов, кос, наконечников стрел, кресал и т.д. Аналогичный

³³⁰ Вайнер И.С. Отчёт о работах 3-го Чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №4696. Л. 61.

³³¹ Зубарева В.М., Краснов Ю.А. Средневековый чувашский могильник у д. Новое Ядрино // КСИА. М., 1972. Вып. 129. С. 101.

³³² Мясникова О.В. К вопросу о скорченных погребениях мордвы (на примере могильников Заречное II и Стёксово II) // Пензенский археологический сборник. Пенза, 2007. Вып. 1. С. 194–196.

³³³ Никитина Т.Б. Марийские могильники XVI–XVII вв. // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Позднее средневековье (середина XV–XVII вв.). Казань, 2022. Т. 7. С. 400; Малкова Н.М. Погребальные памятники мордвы XVI – начала XIX вв. // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Позднее средневековье (середина XV–XVII вв.). Казань, 2022. Т. 7. С. 403.

³³⁴ Мясникова О.В. К вопросу о скорченных погребениях мордвы (на примере могильников Заречное II и Стёксово II) // Пензенский археологический сборник. Пенза, 2007. Вып. 1. С. 195.

³³⁵ Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: Ижевск, 1999. С. 128, 134–135, рис. 6.

³³⁶ Каховский Б.В. Отчёт об исследованиях Чувашской археологической экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №16780. Л. 7, 10.

состав женского костюма фиксируется не только в могильниках верховой группы чувашей, но и близких по хронологии кладбищах марийцев и мордвы³³⁷.

В 2006 г. в Новоядринском могильнике найдена бронзовая серьга в форме вопросительного знака (тип 1 по материалам марийских могильников)³³⁸. Появление таких образцов височных колец (или серёг) связывается с болгарской культурой XIII – начала XV вв. В рассматриваемый период они широко распространяются по Поволжью. В могильниках XVI–XVIII вв. мордвы, марийцев, удмуртов близкие по формам украшения становятся обычной находкой³³⁹, присутствуют они и в материалах памятников Нижегородской округи (городище Городок)³⁴⁰.

Привнесённые булгарами элементы погребального обряда были частично восприняты марийцами (западная ориентировка погребений), но и собственные традиции не выходили из быта (северо-западная ориентировка в Верхнеачакском могильнике). Все эти элементы говорят о теснейшем взаимодействии марийцев, мордвы и чувашей в присурском регионе.

Одной из особенностей, сближающих чувашские погребальные традиции с мордовскими, является значительный процент преднамеренно повреждённого колюще-режущего инвентаря. Обряд обламывания острых предметов как процесс «обезвреживания» покойника известен по этнографическим данным, но обычай сгибания крупных ножей в Новоядринском могильнике отмечен впервые³⁴¹.

Наличие заимствованных элементов из культуры финно-угорских народов Присурья указывает на совместное (соседское) проживание, что подтверждается топонимическими названиями. Деревня Чебаково, расположенная в трёх километрах от д. Новое Ядрино, имеет второе название Ирсе, что переводится как эрзя (название этнографической группы мордвы)³⁴².

³³⁷ Шикаева Т.Б. Памятники XVI–XVII вв. Марийско-Чувашского Поволжья (к вопросу о культурно-этническом единстве) // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Йошкар-Ола, 1985. Вып. 9. С. 107.

³³⁸ Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола, 1992. С. 50.

³³⁹ Шикаева Т.Б. Памятники XVI–XVII вв. Марийско-Чувашского Поволжья (к вопросу о культурно-этническом единстве) // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Йошкар-Ола, 1985. Вып. 9. С. 108.

³⁴⁰ Грибов Н.Н. Нижний Новгород и его округа во время формирования единого Русского государства: дис. ... докт. ист. наук: 5.6.3 археология. Москва, 2023. Т. 2. С. 269, рис. 153.

³⁴¹ Зубарева В.М., Краснов Ю.А. Средневековый чувашский могильник у дер. Новое Ядрино // КСИА. М., 1972. Вып. 129. С. 103.

³⁴² Нестеров В.А. Над картой Чувашии. Историко-топонимические заметки. Чебоксары, 1980. С. 115.

В Новоядринском могильнике найдено весьма специфичное мордовское украшение в виде височного кольца с привеской и скрученный из серебряной проволоки узелок для пояса, используемый в одежде марийским населением³⁴³.

Новоядринский и Верхнеачакский могильники позволяют на фактическом материале проследить значительные перемены в жизни присурских народов, происходившие на протяжении четырёх столетий (XV–XVIII вв.). Ряд черт отличает погребальные традиции нижнесурских могильников, как от традиций верховых чувашей, так и от общечувашских обрядов. Этнокультурное взаимодействие с финно-угорским населением происходило не только на уровне материальной культуры, но и затрагивало духовную сторону жизни чувашского народа, проявившись в межэтнических браках и введении новых обрядов.

Сравнение горномарийских могильников и могильников северных районов Чувашии в литературе проводилось неоднократно. Т.Б. Шикаева считала их очень близкими по наличию идентичных украшений и элементов костюма, головным уборам, височным кольцам в форме знака вопроса, шейным украшениям из бус и красной ткани, нагрудным скульгам, браслетам, двум типам перстней, украшениям пояса (пряжки и юпинэ)³⁴⁴.

А.А. Степанова провела подробный анализ и сравнение предметов материальной культуры в марийских и чувашских могильниках. Она также выделяла большой процент общих типов украшений. Височные подвески в виде разомкнутого кольца из бронзовой или серебряной проволоки имеют финно-угорскую основу, а височные кольца в виде знака вопроса («хӓлха ҫакки»), связываются с тюркскими традициями. Накосник хӓре (чув.), юпинэ (мар.) – цилиндрические трубочки, нанизанные на шерстяные шнуры, прикреплявшиеся к концу косы и соединявшиеся сзади с поясом, бытовали у обоих народов до XX столетия³⁴⁵.

³⁴³ Козлова К.И. Об этнических связях чувашей и марийцев // Вестник Московского университета. Ист. филол. серия. – 1958. – №4. – С. 67–79; Степанова А.А. Чувашско-марийские этнокультурные параллели в период позднего средневековья (По археологическим и этнографическим данным об украшениях) // Вопросы археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 54; Степанова А.А. Религиозно-культурные связи чувашей и марийцев по материалам языческих похоронно-поминальных обрядов (XVI–начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Саранск, 2003. С. 129.

³⁴⁴ Шикаева Т.Б. Памятники XVI–XVII вв. Марийско-Чувашского Поволжья (к вопросу о культурно-этническом единстве) // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Йошкар-Ола, 1985. Вып. 9. С. 107.

³⁴⁵ Степанова А.А. Религиозно-культурные связи чувашей и марийцев по материалам языческих похоронно-поминальных обрядов (XVI–начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Саранск, 2003. С. 121–122, 125–126.

К финно-угорским сюльгамам с орнаментом в виде насечек и прорезных линий чуваша пришивали кожаную или тканевую основу с чешуеобразно нашитыми монетами³⁴⁶. Следует отметить, что использовались не только пластинчатые, ложновитые, с расплюснутыми концами или лопастями сюльгамы, но и создавались свои с оригинальной орнаментацией.

О близости могильников Чувашско-Марийского Поволжья по ряду признаков и показателей писали многие исследователи³⁴⁷. Этнографические данные о погребальном обряде чувашей и марийцев также выявляют ряд черт, имеющих общее происхождение: обычай оставлять возле умершего чашку с водой, чтобы душа умершего могла омыться в чистой воде; приносить в жертву злым духам курицу; закладывать глаза и уши умершего шёлком или монетами; прорубать окно в гробу; очищать место, где лежал умерший, раскалённым камнем; имитация умершего во время поминовения на сороковой день и ряд других³⁴⁸. Обращает на себя внимание и тот факт, что марийские названия деревень с окончанием на -нар, -нер совпадают с ареалом распространения могильников в бывших Чебоксарском, Ядринском и Цивильском уездах (рис. 52).

На примере материалов могильников Чувашско-Марийского Поволжья, раскопанных в 1926 г., П.П. Ефименко наглядно демонстрирует проникновение «иноэтничных» традиций в достаточно консервативную сферу представлений о загробном мире. П.П. Ефименко первым высказывался о разных компонентах, составляющих погребальную традицию чувашского народа: «В раскопчном материале отчетливее чем в современном быту, выступает проблема древних связей чуваш с финским населением Поволжья. Например: в женских погребениях киве-сава нагрудное украшение всегда имеет вид застежки в форме кольца с подвижной полкой, скреплявшей разрез рубахи на груди. Об этих пряжках, которые украшают себя женщины чувашки, говорят также путешественники XVIII в., в частности знаменитый Паллас. Ныне эти нагрудные

³⁴⁶ Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960. С. 82.

³⁴⁷ Дроздова Г.И. Этнокультурные параллели в погребальном обряде марийцев и чуваш (на материалах позднесредневековых могильников XVI–XVIII вв.) // Древние этнокультурные связи финно-угров. Йошкар-Ола, 2002. С. 176–178; Краснов С.А. Погребальный обряд населения Чувашского Поволжья в позднем средневековье // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола, 2006. С. 277.

³⁴⁸ Прокопьев К.П. Похороны и поминки у чуваш // ИОАИЭ. – Казань, 1903 – Т. 19. – Вып. 5–6. – С. 215–250.

застежки повсеместно исчезли, хотя удерживаются в быту у черемис и мордвы. Можно было бы привести и другие факты того же порядка, которые вряд ли могут быть истолкованы иначе как указание на культурную преемственность, связующую чуваш с древним населением Поволжья...»³⁴⁹.

Финно-угорская теория происхождения чувашского народа, возникшая в дореволюционную эпоху, не нашла аргументированного подтверждения и постепенно ушла на второй план. Однако вопрос о влиянии финно-угорских народов на процесс складывания чувашей остается предметом дискуссий. В большей степени это относится к марийцам, с которыми чувашаи много столетий соседствовали на территории Сурско-Волжско-Цивильского междуречья. Даже термин «горные черемисы», использовавшийся в исторических источниках, зачастую подразумевал представителей этих двух народов³⁵⁰.

Для сравнения рассмотрим Кукшылидский³⁵¹ могильник, расположенный в окрестностях д. Кукшилиды Горномарийского района Республики Марий Эл и Каршлыхский могильник, находящийся в Моргаушском районе Чувашской Республики. П.П. Ефименко с учётом близкой территориальной расположенности считал их чувашскими³⁵². Расстояние между ними не превышает десяти километров, и учитывать их расположение относительно современной границы двух республик будет не совсем правильно. Границы проживания или границы общин в средневековье могли сильно отличаться от современных.

Анализ погребального инвентаря обоих могильников указывает на бытование однотипного хозяйственно-бытового инвентаря и украшений. Монеты широко использовались для украшений одежды (они имеют отверстия для подвешивания) или в качестве посмертных подношений (платы для прохода в загробный мир).

³⁴⁹ Ефименко П.П. Археологические работы среди чуваш // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 542. Инв. 6032. Л. 4.

³⁵⁰ Дмитриев В.Д. О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII веков // Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С. 16.

³⁵¹ В разных источниках деревня именуется Кукшелиды, Кушлиды, Кукшилиды и др. У П.П. Ефименко названа Кукшалиды.

³⁵² Федулов М.И., Волков А.В. Предметная коллекция могильника «Кукшылиды» в фондах Чувашского национального музея (по материалам раскопок П.П. Ефименко 1926 г.) // Поволжская археология. – 2013. – №2. – С. 272–278.

Самой массовой находкой, как среди марийских, так и чувашских могильников, являются ножи. В Кукшылидском могильнике они найдены в 14 из 18 погребений.

Плоские черешковые наконечники стрел найдены в Кукшылидском могильнике (4 экз.) и во всех могильниках верховой группы чувашей – Новоядринском (22 экз.), Толиковском (8 экз.), Верхнеачакском (2 экз.).

Топоры редко находят в чувашских погребениях. На Каршлыхском могильнике они представлены двумя экземплярами, в Кукшылидском могильнике – четырьмя. По одному экземпляру топоры найдены в Новоядринском и Полевокозыльярском могильниках (низовая группа чувашей). Бронзовый котёл для погребений чувашей не характерен.

Среди застёжек-сюльгамов и железных пряжек встречаются полностью идентичные экземпляры. Серебряный сюльгам из круглой в сечении проволоки и закруглёнными в кольцо концами из погребения №2 Кукшылидского могильника аналогичен трём сюльгамам из Каршлыхского.

Среди украшений особо выделяются накосники (юпине, хуре). Длинные верёвочки, украшенные медными пронизками, являлись частью традиционного женского костюма до XVIII–XIX вв. Можно выделить несколько общих типов металлических украшений, отражающих этнокультурные контакты чувашей. Среди марийцев и чувашей бытовали схожие типы браслетов (витые, плетёные в виде медного обруча, обёрнутого серебряной проволочкой). Пластинчатые браслеты из серебра или меди были довольно широко распространены в Среднем Поволжье и Прикамье. Композиционные мотивы, линейный и геометрический орнамент, насечки являются общей чертой для чувашского и марийского населения.

Чуваши заимствовали щитковые перстни и перстни-печатки у марийцев, однако орнамент их был более разнообразен. Марийцы же заимствовали стеловидный мотив и мотив трилистника в декоре щитков³⁵³.

³⁵³ Степанова А.А. Чувашско-марийские этнокультурные параллели в период позднего средневековья (по археологическим и этнографическим данным об украшениях) // Вопросы археологии и этнографии Чувашии / Материалы чтений, посвященных памяти В.Ф. Каховского. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 51–64.

Необходимо отметить наличие однотипных серебряных или медных височных колец. На Каршлыхском могильнике височные кольца не найдены, что вполне объясняется небольшим количеством вскрытых погребений, но подобные широко представлены в материалах присурских Новоядринского (XIV–XVII вв.) и Верхнеачакского могильников (XVI–XVIII вв.).

На основе погребального инвентаря Каршлыхского и Кукшылидского могильников можно говорить о тесном культурном взаимодействии горных марийцев и верховых чувашей. П.П. Ефименко отмечал, что в могильниках присутствует большой процент заимствованных украшений и предметов обихода. Ориентация погребённых головой на северо-запад или север также является показателем тесного этнокультурного контакта. Однако схожесть предметов и украшений не может свидетельствовать о слиянии двух народов. Средневековая марийская и чувашская культуры оставались самобытными и обладали рядом отличительных признаков.

Г.И. Дроздова провела сравнение могильников чувашей с языческими и мусульманскими кладбищами болгар. Параллели найдены только в общих характеристиках обряда: нахождение могильников у водных источников, прямоугольная форма могилы, труположение, преобладание западной ориентировки, гробовища, погребальный инвентарь, жертвенные комплексы. Однако в болгарских более сложное устройство ям (запечники, уступы), надгробия вместо деревянных столбов (юпа), склепы, значительная глубина, распространение мусульманских традиций³⁵⁴. Видимо поволжско-финский компонент, близкий к марийскому, сыграл большую роль в формировании погребального обряда чувашского народа и в его этногенезе в целом. Сопоставление чувашского погребального обряда с обрядами волжских болгар свидетельствуют об их отличии, их развитие шло различными путями³⁵⁵.

К сожалению, мы не располагаем данными погребальных памятников периода XIV–XV вв. В этой связи раскопки кладбища на территории Козловского

³⁵⁴ Дроздова Г.И. Погребальный обряд народов Волго-Камья XVI–XIX веков (по археологическим и этнографическим материалам): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2007. С. 119–120.

³⁵⁵ Там же. С. 162–163.

городища представляют исключительный интерес. Здесь изучено 14 погребений, совершённых по христианской обрядности. Все костяки были ориентированы головой на запад с небольшими отклонениями к северу и югу. Могильные ямы имели прямоугольные очертания с закруглёнными углами. Глубина их достигала 50–60 см, а стенки ям значительно сужались ко дну могилы. Сохранность костяков не позволила полностью проследить положение конечностей, но однозначно можно утверждать, что они лежали вытянуто на спине, лицевым сводом вверх. В двух случаях руки сложены на животе (рис. 50).

Отмечено два случая перекрытия могильных ям и два парных захоронения. В одном из парных погребений найден костяк, лежащий в анатомическом порядке, но у черепа был помещён ещё один череп, а у костей ног кучкой уложены берцовые и бедренные кости. В другом погребении кости ног помещены у черепа погребённого, костяк же лежал в анатомическом порядке. Из инвентаря найден только железный крючок, располагавшийся у черепа погребённого (рис. 22, №8)³⁵⁶. По половозрастной оценке антропологического материала все костяки принадлежали взрослому населению: до 25 лет – два, 25–35 лет – два, 35–40 лет – четыре, 40–50 лет – три, от 50 лет – четыре костяка³⁵⁷.

Могильник, судя по стратиграфическим наблюдениям, относится к концу периода существования городища. Отсутствие вещей не даёт нам основания сопоставить погребения с местным чувашским или марийским населением. Признаков соблюдения кыблы или повернутости черепа на юг также не зафиксировано. На территории Нижегородской области аналогичных памятников тоже нет, но прослеживаются некоторые параллели с могильником, расположенном на Водяновском городище. Он представлен безынвентарными захоронениями на небольшой глубине 50–70 см, где костяки лежали вытянуто на спине³⁵⁸.

Очень похож погребальный обряд могильника с территории Козловского городища с обрядом могильника, изученного на территории с. Сара. Разведкой

³⁵⁶ Федулов М.И. Козловский комплекс памятников: предварительные итоги изучения // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории. Чебоксары, 2019. С. 105.

³⁵⁷ Определения пола и возраста антропологических материалов проведены к.и.н. И.Р. Газимзяновым.

³⁵⁸ Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 76–77.

изучено пять неглубоких погребений, перекрывающих друг друга. Ямы подпрямоугольных очертаний с закруглёнными углами ориентированы на запад. В одном случае фиксировались остатки гроба. Погребённые расположены в вытянутом положении на спине, с различным положением рук (два – на животе, одно – на тазу, одно – вдоль тела). В одном из погребений зафиксировано смещение костей. Могильник безинвентарный. В засыпи найден один фрагмент средневековой древнерусской посуды³⁵⁹. Сверху могильник перекрывался поздним слоем XVI–XX вв., что дало основание считать могильник одновременным поселению XIV–XV вв.

В центральной части современной Чувашской Республики расположен Кирегаський могильник. Погребения совершены в неглубоких ямах до метра глубиной. Костяки ориентированы на запад с небольшими отклонениями к югу и северу. Положение рук не стабильно, встречены положения на груди, на тазу, полусогнуты в локтях, но вытянуты вдоль тела. В могилах присутствовали фрагменты керамики, глиняные грузила, кости животных. На счёт принадлежности могильника и его датировки нет единого мнения. Авторы раскопок считали его булгарским XII–XV вв., другие исследователи относили его к ранним чувашским. В современной интерпретации Н.С. Мясникова могильник является русским сельским православным периода Золотой Орды³⁶⁰.

Рассматривая материалы погребальных памятников Нижнего Присурья, обнаруживается недостаточность сведений о могильниках XIV–XV вв. К таковым можно отнести только могильник с территории Козловского городища. Его погребальная обрядности близка к христианским традициям, проявившимися в отсутствии вещей, западной ориентировке и скрещёнными руками на груди. Он относится ко времени ещё не сложившейся устойчивой христианской обрядности. Однозначно можно утверждать, что аналогов в могильниках местных народов

³⁵⁹ Вязов Л.А., Михайлов Е.П., Макарова Е.М., Мясникова А.Б., Мясников Н.С., Петрова Д.А., Салова Ю.А., Силанов Р.А. Исследования памятников Среднего и Нижнего Посурья в рамках работы международной археологической экспедиции в 2015–2019 гг. // Археология евразийских степей. – №3. – 2020. – С. 361–362, рис. 8.

³⁶⁰ Мясников Н.С., Яковлева А.В. Кирегаський (Янмурзинский) грунтовый могильник «Палаху» (к вопросу об этнокультурной ситуации в Чувашском Поволжье во второй половине XIV – начале XV в.) // Чуваша и марийцы – соседи по «общему дому». Чебоксары, 2019. С. 103.

погребальных обряд не находит. Сравнить его можно с материалами могильников Сара 5 и Кирегаси.

Хронологический разрыв с погребальными памятниками XVI в. может быть объяснён нестабильной военно-политической ситуацией в регионе, приведшей к изменению карты расселения народов и их численности. С XVI столетием связывается возникновение могильников верховой группы чувашей. Анализ элементов общечувашской обрядности позволяет сделать вывод о сохранении элементов древнетюркской обрядности, проявившейся в религиозно-мифологических воззрениях чувашей. Однако обряд не был статичным, изменялся под влиянием разных факторов и содержал несколько этнокультурных компонентов.

Новоядринский могильник среди всех рассмотренных является наиболее ранним, возникшим до XVI в., и отражает этнокультурное взаимодействие с мордовским населением Присурья. Своеобразие обряда присурских памятников проявляется в наличии скорченных и полуповёрнутых на бок костяков, специфических украшений, нехарактерных для чувашей.

В Верхнеачакском могильнике в полной мере прослеживаются общие черты с погребальной обрядностью марийцев. Длительное соседское проживание двух народов отразилось в распространении схожих элементов – наличии богатого погребального инвентаря, однотипных украшений, северо-западной и северной ориентировке костяков. Данные черты присущи всем могильникам верховых чувашей.

3.2. Русская колонизация бассейна р. Суры во второй половине XIV–XVI вв.

Колонизация является одной из особенностей исторического развития России. В.О. Ключевский считал Россию непрерывно колонизирующейся страной³⁶¹. На разных этапах исторического развития изменялся объект колонизации, видоизменялась её сущность, различались её экономические и политические последствия, но неизменным оставался сам процесс. Она имела большое значение для развития как национальных районов, так и самого русского народа. В результате происходило взаимное обогащение материальной и духовной культуры всех народов. Вместе с тем одним из последствий этого процесса в условиях царизма являлось превращение национальных областей в объект феодальной эксплуатации и политического угнетения.

Выделяется два вида славяно-русских колонизационных процессов. Первый вид инициируется различными социальными группами: народная (естественная), княжеская, боярская, землевладельческая, монастырская, казацкая, вольная (крестьянская) колонизация. Второй вид – государственная колонизация, характеризуется широкомасштабностью и осуществляется с помощью военной силы и русификаторской политики по отношению к присоединённым народам.

В историографии колонизационных процессов Волго-Окского междуречья используется два термина – «славяно-русская» и «русская» колонизация³⁶². Славяно-русская колонизация подразумевает участие не только русских, но и других восточнославянских народов (украинцев и белорусов). В колонизации бассейна р. Суры русский компонент был преобладающим³⁶³.

³⁶¹ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 47.

³⁶² Кудряшова А.С. Славяно-русское заселение и хозяйственное освоение Нижегородского Правобережья в X–XVI вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Н. Новгород, 2007. 175 с.; Грибов Н.Н. История славяно-русского расселения в Нижегородском Поволжье в период XII–XIV вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Нижний Новгород, 2000. 298 с.

³⁶³ Бусыгин Е.П., Зорин Н.П. Русское население Чувашской АССР. Материальная культура. Чебоксары, 1960. С. 44.

Земли волжских народов известны благодаря торговым связям и военным походам со времён Волжской Болгарии³⁶⁴. Однако монголо-татарское нашествие надолго замедлило темпы освоения Среднего Поволжья³⁶⁵. Изучение всей совокупности данных позволяет нам разделить процесс колонизации на два хронологических периода: первый период – вторая половина XIV – первая половина XV вв., второй период – вторая половина XV–XVI вв.

Первый этап освоения Волго-Окского междуречья, куда входило Нижнее Присурье, характеризуется народной, княжеской и монастырской колонизацией. На начальном этапе инициатива переселения исходила от рядового населения, которое не завоёвывало, а занимало свободные земли, создавало свои поселения рядом с мордовскими, марийскими и чувашскими. В отличие от второго этапа здесь не было возведено большое количество городов, за исключением крепости Курмыш.

История заселения Нижегородского края тесно связана с освоением присурского региона. С начала XIII в. русские поселения появляются на мордовской территории в границах современной Нижегородской области. В устье Оки возникает крупный древнерусский город Нижний Новгород (1221)³⁶⁶. В его окрестностях находились русско-мордовские поселения³⁶⁷. Однако даже создание крупного Суздальско-Нижегородского княжества не могло обеспечить проникновение за р. Суру и Пьяну³⁶⁸. Этому способствовала нестабильная политическая ситуация на Руси, где за 1228–1462 гг. произошло 90 междоусобиц и 160 внешних войн³⁶⁹.

В 1341 г. хан Узбек выделил Нижегородское княжество из состава Владимирского великого княжества и передал его во владение суздальскому князю Константину Васильевичу. В результате сформировалось Нижегородское (Нижегородско-Суздальское) великое княжество. В 1360-е – середине 1370-х гг.

³⁶⁴ Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство Волжских Булгар в XII – II трети XIII вв. // Историческая география России XII – начала XX вв. М., 1975. С. 31, 32.

³⁶⁵ Зеленева Ю.А. Этнокультурная история Поволжья в XIII–XV веках // Древние этнокультурные связи финно-угров. Йошкар-Ола, 2002. С. 153.

³⁶⁶ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.–Л., 1949. Т. XXV. С. 118.

³⁶⁷ Грибов Н.Н. Русские и мордва в XIII–XV вв.: расселенческий аспект взаимодействия (по археологическим данным) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – №4. – С. 23–34.

³⁶⁸ Кизилев Ю.А. Земли и княжества Северо-Восточной Руси в период феодальной раздробленности (XII–XV вв.). Ульяновск, 1982. С. 40.

³⁶⁹ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 47.

его территория значительно расширилась до бассейна среднего и нижнего течения р. Суры с её левыми притоками – р. Пьяна, Кишь и Алатырь. Константину Васильевичу наследовал старший сын Андрей Константинович, а его братьям Дмитрию Константиновичу отошёл Суздаль, Борису Константиновичу – Городец.

Суздальский князь Константин Васильевич в годы своего правления (1332–1355 гг.) разрешил «русским людям селиться по реке Оке, Волге и Кудьме и на мордовских жилищах, кто где похочет» вплоть до устья Суры. Поток переселенцев шёл не только из Суздальских земель, но и из сопредельных княжеств³⁷⁰. Примерные границы владений Константина Васильевича по летописным источникам установил В.А. Кучкин. К удивлению, восточные границы он достаточно чётко определял по правобережью р. Суры, а южные по р. Пьяна и её притоку – р. Пара. Западные границы остались неопределёнными из-за крупных лесных массивов, неравномерной заселенности и местного мордовского населения³⁷¹.

С момента постройки крепости Курмыш начинается интенсивное освоение земельных угодий вдоль р. Суры. Город основал сын Константина Васильевича городецкий³⁷² князь Борис Константинович в 1372 г.: «Того же лета князь Борис Костянтинович постави себе город на реце на Суре и нарече его именем Курмышь»³⁷³. Считалось, что селения Отарские Выселки у устья Суры и Спасское на р. Урга составляли северную окраину сельской округи крепости Курмыш, к которой тянулись и памятники близ устья Ветлуги, очевидно, не входившие в неё территориально³⁷⁴.

Курмыш был поставлен на возвышенности левого берега Суры, при переправе. Г. Перетякович считал, что крепость построена для защиты «промышленников и земледельцев»³⁷⁵. Пограничная местность постоянно

³⁷⁰ Перетякович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 92.

³⁷¹ Кучкин В.А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // Польша и Русь. М., 1974. С. 242.

³⁷² Борис Константинович в летописях именуется Городецким, так как получил во владение Городец. В Московском летописном своде конца XV века под 1383 г. князь называется городским (ПСРЛ, 25. Л. 1949. С. 210), после получения ярлыка он именовался Нижегородским.

³⁷³ Рогожский летописец // ПСРЛ. Петроград, 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 100; Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.-Л., 1949. Т. XXV. С. 187.

³⁷⁴ Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. М., 2004. Ч. 1. С. 68.

³⁷⁵ Перетякович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 96–97.

подвергалась нападениям со стороны татар, нередко набеги совершала и мордва. После покорения Казани город оставался наблюдательным пунктом за спокойствием населения Горной стороны. В наказе 1701 г. курмышскому воеводе говорилось «...и к мурзам, и татарам, и чувашам, и черемисе держать ласка... чтобы шатости и измены не завели»³⁷⁶.

В исторических источниках Курмыш часто упоминается в связи с крупными военными походами. Он был разграблен войском Едигея в 1408 г. После Белёвского сражения 1437 г. становится базой хана Улуг-Мухаммеда, откуда он совершает свои походы. В 1445 г. Улуг-Мухаммед в Курмыш привозит взятого в плен Великого князя московского Василия II, впоследствии Тёмного, и князя Михаила³⁷⁷. По одной из версий, князей освободили из плена по случаю смерти хана «за упокой души», существовавшего у мусульман обычая освобождения пленных и рабов. В источниках говорится о большом выкупе с князей. Д.З. Хайретдинов, рассматривая вопрос о значении крепости в середине XV в., считает, что она, возможно, была местом нахождения всей татарской кочевой орды. Также он делает вывод о крайне высокой степени интегрирования нижегородцев в тюрко-мусульманскую (золотоордынскую и постордынскую) политическую культуру³⁷⁸.

К концу XIV в. северо-западные земли мордвы, включая нижнее течение Суры (левобережная часть), становятся частью Суздальско-Нижегородского княжества (рис. 7). С 1392 г., после присоединения Суздаля и Нижнего Новгорода к Великому княжеству Московскому, они входят в состав Русского государства. Создается сеть пограничных пунктов по р. Пьяне и р. Суре³⁷⁹. Оборонительная линия включала в себя Курмыш и небольшие городища Каменищи, Луговое³⁸⁰, Лопатино, Погореловка, Пильна, местечко «Городино» (рис. 6)³⁸¹.

³⁷⁶ Наказ царя Петра Алексеевича окольничему князю Петру Лукичу Львову, определенному воеводой в Казань, об управлении казенными и земскими делами. 4 марта 1697 г.

³⁷⁷ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.-Л., 1949. Т. XXV. С. 263.

³⁷⁸ Хайретдинов Д.З. Земли нижегородчины в сфере влияния постордынских государств (к вопросу о ранних этапах этногенеза нижегородских татар-мишарей) // Филология и культура. – 2015. – №1(39). – С. 292–293, 297.

³⁷⁹ Кудряшова А.С. Славяно-русское заселение и хозяйственное освоение Нижегородского Правобережья в X–XVI вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Нижний Новгород, 2007. С. 47, 65.

³⁸⁰ Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. М., 2004. Ч. 1. С. 71, 163, 313.

³⁸¹ Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961. С. 8.

В грамоте 1367–1368 гг. великого князя Дмитрия Константиновича, именуемой «местной», указывается перечень «мест» в великокняжеской думе и установленный для думцев порядок старшинства. Грамота интересна тем, что в ней описывается территория Нижегородского края в XIV в., куда уже входил район будущей крепости Курмыш. Упомянутый в грамоте боярин Юрий Курмышев, судя по документу, имел особое расположение князя: «Князь великий новгородский Нижнева Нова города и суздальской, и городецкой, и курмышской, и сарской, и болгарской, и болымецкой, и подолской и всея Понизовские земли заволский юрту и севернова государь князь Дмитрей Констентинович пожаловал есми своих бояр и князей – дал им местную грамоту по их челобитью, а по печалованью архимандрита новгородского печерского, отца своего духовного Ионы и по благословению владычного Серапиона, нижегородского и городетского, и курмышского, и сарского, – кому с кем сидеть и кому под кем садитца...

Да велел садитца Юрью боярину своему Курмышеву³⁸², да садитца князю Петру Ивановичу березополскому, да садитца князю Дмитрею Федоровичу муромскому... »³⁸³.

Отдельного рассмотрения требуют присурские земли князя Бориса Константиновича. Получил ли он их по отцовскому завещанию в качестве удела, по договору с братом в 1364 г. или позднее, сказать сложно. Летописные данные конца 1360-х – начала 1370-х чётко указывают на принадлежность князю³⁸⁴. Вопрос о существовании уделов в Нижегородском (Нижегородско-Суздальском) княжестве до настоящего момента не решен.

В скудных летописных упоминаниях владения князя связываются с округой Курмыша. Мы считаем убедительным включение правобережных поселений и Козловского городища в данную округу (рис. 7).

Борис Константинович (1340-е – 1394) являлся третьим сыном Суздальского князя Константина Васильевича. По завещанию отца ему отводился

³⁸² Это единственное упоминание о боярине Юрие Курмышеве в письменных источниках.

³⁸³ Пудалов Б.М. Письменные источники по истории Нижегородского края (XIII–начало XVIII века). Н. Новгород, 2001. С. 31.

³⁸⁴ Кучкин В.А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII – XIV вв. // Польша и Русь. М., 1974. С. 248.

в княжение Городец, но с 1363 г. он начинает претендовать на Нижний Новгород, конфликтуя со старшими братьями Андреем и Дмитрием. Борис Константинович участвовал в различных военных действиях: отразил нашествие Булат-Темур на нижегородские владения в 1367 г.³⁸⁵, в 1370 г. участвовал в походе на болгарского царя Асана, в 1377–78 гг. – в походе на мордву и др.³⁸⁶.

В 1382 г. он получает ярлык на Нижегородское княжение, но в 1388 г. его племянники, суздальские князья Василий и Семён Дмитриевичи, осадили Нижний Новгород, вынудив подписать мир. По условиям мира ему отошли прежние уделы – Городец и Посурье («и възвратишася каждо въсвоеси»). В 1391 г. в Орде он подтвердил свои владения, но уже в 1392 г. великий князь московский Василий Дмитриевич по ярлыку отбирает владения и включает в состав Московского государства. Борис Константинович уезжает в г. Суздаль, где умирает в 1394 г.

Вопрос о локализации владений Бориса Константиновича в присурских землях сложен из-за отсутствия чётких описаний границ владений. Правобережная часть и вовсе не описывается летописцами, так как являлась «заграничной», т.е. находившейся за пределами русских владений. Засурские владения не раз упоминались в связи с противостоянием различных князей. В 1415 г. Даниил Борисович (сын Бориса Константиновича) не решился оборонять Нижний Новгород от посланных Василием I войск и вместе с другими боярами отступил за Суру³⁸⁷. Во время походов московских войск на Нижний Новгород в 1425, 1430 гг. князь Юрий Дмитриевич тоже уходил на правобережные земли³⁸⁸. В 1425 г. в Московском летописном своде находим описание данного события: «... князь же Юрии убоявся беже за Суру и ста о брезе, а князь Костянтин, стояв противу его, возвратися, поне же бо нельзя приити к нему за реку»³⁸⁹.

Летописи не указывают конкретное место отступления князей. Судя по всему, для местных князей эта территория была хорошо знакома. Побег за р. Суру в 1415 г. проходил в январе, когда нельзя находиться продолжительное время без

³⁸⁵ Рогожский летописец // ПСРЛ. Петроград, 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 85.

³⁸⁶ Нижегородский летописец. Н. Новгород, 1886. С. 12.

³⁸⁷ Селезнев Ф.А. История Нижегородского края с древнейших времен до конца XVI в. Н. Новгород, 2014. С. 112.

³⁸⁸ Там же. С. 119–120.

³⁸⁹ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.-Л., 1949. Т. XXV. С. 246; Илюшин Б.А. Русско-болгарские военные конфликты и военный потенциал Булгарского улуса (1360–1431 гг.) // Novogardia. – 1(5). – 2020. – С. 153.

укрытия. Нам представляется возможным связать городище у д. Козловка с указанными событиями. На его территории имеются следы разнообразной хозяйственной деятельности, но наличие вала и рва говорит о готовности вести оборону.

На засурскую часть распространялась не только хозяйственная деятельность, но и монастырская колонизация. Монастыри активно участвовали в колонизации восточных рубежей, но без защиты крепостей они были обречены. О нападении ногайского хана Едигея 1408 г. Тверская летопись сообщает: «оттоле поидоша к Суре, начаша Суру воевати, Кормыш пожгоша, и Сару Великую пожгоша, и епископы все избиша, а иные огнем скончашася, а люди все посекоша, а иные огнем скончашася, а град весь сожгоша, и место града того разориша Сары Великия, и манастиры пожгоша, погосты и села повоеваша ... молодые черницы черноризици все обнажено, все поругано»³⁹⁰.

Ю.В. Сочнев считает доказанным существование епископов в Саре Великой и Курмыше во второй половине XIV – начале XV вв.³⁹¹. Подтверждением данных фактов является наперсный крест-мощевик 1414 г. нижегородского князя Ивана Даниловича, содержащий частицы мощей трех преподобных Засурских. О существовании на засурской территории монастыря или пустоши в источниках нет прямых указаний и можно только предполагать их существование.

По письменным источникам удалось локализовать часть пойменных озёр, пожалованных Борисом Константиновичем в 1393 г. Благовещенскому монастырю. В тексте грамоты говорится: «Се яз Князь Великий Борис Константинович пожаловал есми спаского и благовещенского архимарита Иону з братьею, дал в дом святого Спаса и святого Благовещенья свои рыбные ловли по Суре реке, озеро Пашково с-ыстоком, озеро Саларево, озеро Плоское, озеро Сосновское, озеро Долгое, роздерти с-ыстоком, озеро Мягкое, и все озера от речки от Курмышки вниз Сурою, источные и глухие, и роздерти, и заводи, и пески, и с падучими речками, и бобровые гоны, и стрежень по реку Волгу...»³⁹².

³⁹⁰ Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // ПСРЛ. 1863. Т. 15. Стб. 484.

³⁹¹ Сочнев Ю.В. Малоизвестные сведения по истории церкви в Нижегородских землях в начале XV века // Нижегородский край в истории России. Н. Новгород, 2010. С. 11–16.

³⁹² Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951. Ч. 1. С. 201–202.

Большая часть упомянутых гидронимов от Курмыша до устья р. Урги и сейчас носит те же названия: Пашково, Саларево – Соларьево (совр.), Сосновское – Сосновое или Сосновка (совр.), Долгое – Тонкое (возможно искаженное современное название). Озера Плоское и Мягкое конкретно локализовать не удалось (рис. 9). Н.Ф. Акаемов на основе списка перечисленных озёр считал, что владения Курмыша охватывали только восьмикилометровую зону на юг³⁹³.

В 1393 г. году монастырям было разрешено водворять поселян, которым давались льготы в платеже пошлин, курмышским наместникам было запрещено вмешиваться в суд и расправу этих монастырских селений. В.А. Кучкин предполагает, что после смещения с престола князя Бориса в 1392 г., отошедшая к Москве территория поделена на Нижегородское, Курмышское и Лысковское наместничества³⁹⁴. Рогожский летописец упоминает о нескольких наместниках великого князя Василия Дмитриевича «посади свои наместники»³⁹⁵.

Раздача окрестных земельных угодий была вызвана стремлением оградить своё княжество от набегов татар и расширить колонизированные территории Присурья. В 1399 г. присурские владения Благовещенского монастыря расширяются. Нижегородский боярин Сюзев дал монастырю «на помин души» ценную «вотчинную пустошь селища Спасского на реке Куслюлсерме, в Курмышском уезде, со всем – и бортными ухажьями, что к той пустоши пришло промеж Урги, Уронги и Мухины (Мигино)»³⁹⁶. Права на эти владения далее подтверждались князем Василием III (грамота 1473–1489 гг.)³⁹⁷ и Иваном IV (грамота 1547 г.)³⁹⁸.

В архиве Нижегородского Печерского монастыря сохранились документы о закреплении прав на земельные владения вдоль р. Суры. Грамота великого князя московского Василия Дмитриевича от 20 марта 1423 г. разрешала Благовещенскому монастырю привлекать людей для жизни на всех, в том числе Курмышских пустошах: «...и кого к себе на те пустоши перезовёт людей

³⁹³ Акаемов Н.Ф. Город Курмыш в XIV–XVIII веках: исторический очерк. Казань, 1895. С. 3.

³⁹⁴ Кучкин В.А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // Польша и Русь. М., 1974. С. 259–260.

³⁹⁵ Рогожский летописец // ПСРЛ. Петроград, 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 163.

³⁹⁶ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI вв. М., 1951. Ч. 1. С. 211.

³⁹⁷ Там же. С. 205.

³⁹⁸ Там же. С. 209–210.

тутошних старожильцев, и тем людям на три годы не надобе никотораа моа дань...людей из-ыных княженей, а не из моеа отчины из великого княжения, и тем людям пришлым на десять лет не надобе никотораа моа дань...»³⁹⁹. Монахам нижегородского Печерского монастыря разрешался беспошлинный провоз рыбы: «...не надобе ни на Суре пошлины побережное, ни караулное, ни детиное, ни гостинец, ни которые пошлины. А оучноуть седети ниже Соуры, а любо выше, не надобе им...»⁴⁰⁰. В результате монастырской колонизации в Присурье появляется крупное русское село Мигино – центр монастырских владений по рекам Урге, Уронге и Мигине⁴⁰¹. Н.Н. Грибов считает село Мигино более древним, чем крепость Курмыш⁴⁰². В 1410 г. оно было разорено «черемисами» и только в 1588 г. вновь возрождено.

Таким образом, анализ исторических и археологических источников позволяет частично локализовать присурские владения Бориса Константиновича. Центром его необходимо считать крепость Курмыш, вокруг которого появляется обширное монастырское землевладение.

В конце XIV – начале XV вв. нижегородская колонизация охватила Запьянье. В Запьянье В.А. Кучкин включает «волости» Сара и Кишь, названия которых происходят от притоков р. Суры⁴⁰³. И.А. Кирьянов, ссылаясь на ПСРЛ. Т. 15. С. 112., считает, что на устье р. Кишь в 1375 г. была основана застава Нижнего Новгорода⁴⁰⁴. После раскопок 2006 г. на поселении Мурзицы высказано предположение, что оно являлось частью этого укрепленного поселения или существовало в один хронологический период⁴⁰⁵. Запьянье не являлось ордынской территорией, оно или входило в состав Нижегородского княжества или могло принадлежать мордовским князьям, так как несколько раз громилось монголо-татарскими войсками.

³⁹⁹ Пудалов Б.М. Письменные источники по истории Нижегородского края (XIII–начало XVIII века): Учебное пособие. Н. Новгород, 2001. 351 с. // URL: <http://opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/Pudalov/>; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951. Ч. 1. С. 202.

⁴⁰⁰ Соколова Н.В. Древнейшие акты Нижегородского Печерского монастыря // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Н. Новгород, 1995. С. 66.

⁴⁰¹ Пудалов Б.М. Письменные источники по истории Нижегородского края (XIII–начало XVIII века) ... // URL: <http://opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/Pudalov/>

⁴⁰² Грибов Н.Н. История славяно-русского расселения в Нижегородском Поволжье в период XII–XIV вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Нижний Новгород, 2000. С. 151.

⁴⁰³ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X – XIV вв. М., 1984. С. 227–228.

⁴⁰⁴ Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961. С. 12.

⁴⁰⁵ Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском, Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №33498. Л. 86.

В ход развития колонизации вмешивалась политическая и военная доктрины Руси и Золотой Орды. Противоречия между русскими и монголо-татарскими князьями приводили к постоянным набегам как со стороны русских, так и со стороны татар. Несмотря на самостоятельное существование удела Бориса Городецкого на Суре, его пограничное положение заставляло идти в общем русле местной великокняжеской внешней политики, а затем и включиться в московскую антиордынскую борьбу.

В 1375 г. активные действия против Нижегородского княжества начал хан Мамай. Кишь сожжена и Запьянье погромлено⁴⁰⁶. Летом 1378 г. войска Мамай внезапно захватили Нижний Новгород⁴⁰⁷.

Одним из трагических событий в истории русского народа, связанных с Присурьем, является разгром русских войск на р. Пьяне в 1377 г. Осенью того же года царевич Арапша прошёл походом по восточным и южным рубежам Нижегородского княжества «...пограби Засурье и огнем пожже...»⁴⁰⁸. Мордва в битве на р. Пьяне выступает в качестве союзников татар, скрытно проводивших их до расположения русского войска. Этот пример наглядно демонстрирует, какие трудности возникали при освоении пограничного региона, и указывает на неоднозначное отношение к расселению русских со стороны мордвы.

Мирная политика и торговые отношения Нижегородского княжества с нерусскими народами Присурья были вызваны стремлением к добрососедству и взаимовыгодной торговле. Общерусские интересы и внешняя политика порой резко контрастировали с интересами удельных княжеств. Исторические источники раскрывают отношение отдельных слоев населения к народам Среднего Поволжья. Грабежи и разорение поволжских народов во время походов ушкуйников негативно сказывались на ход русского освоения и социально-политическую обстановку⁴⁰⁹.

В рассматриваемый период походы русских князей и ушкуйников в средневожские земли состоялись в 1360, 1366, 1369, 1374, 1375, 1379, 1391, 1396,

⁴⁰⁶ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.-Л., 1949. Т. XXV. С. 190.

⁴⁰⁷ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984. С. 229.

⁴⁰⁸ Рогожский летописец // ПСРЛ. Петроград, 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 118–120.

⁴⁰⁹ Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. М., 1993. С. 9.

1409, 1429 гг. Нападения 1369 и 1409 г. были отражены⁴¹⁰. В русских летописях имеется скудное описание разорённых земель и населенных пунктов в правобережье р. Волга. Например, в 1374 г. они «...дошедше Обухова, пограбиша все за-Сурие и Маркъвашь...»⁴¹¹. В.Д. Дмитриев считает «Обухов» речкой в Козьмодемьянском уезде, а «Маръкваш» марийским поселением, на данный момент являющееся селом Моргауши⁴¹². Походы и систематические набеги разоряли средневожские народы, разрушая сложившиеся торговые и межнациональные контакты⁴¹³.

С началом XV в. наблюдается спад военной активности с обеих сторон, обстановка несколько стабилизируется. Продвижение по присурским землям продолжается при минимальных рисках набегов. Расширяется освоение земельных угодий правобережной стороны. В Духовной грамоте (первой) великого князя Василия Дмитриевича от 1406 г. кроме Курмышя с его округой перечисляется и селение Алгаши: «А дасть богъ с(ы)ну моему, князю Ивану, держати Новъгород Нижний да Муромъ, ино княгинь моей из Новагорода половина пошлин новгородскихъ, да Курмышъ со всеми селы, и з бортью, и с путыми, и с пошлинами, и со всею, што к нему потягло, и с Алгашемъ, а из Мурома ей селце»⁴¹⁴. Относительно его расположения нет единого мнения, возможно, это селение Алгаши современного Шумерлинского района Чувашской Республики⁴¹⁵. История возникновения селений Алгаши, Мурзицы и Кишь при существующем уровне знаний трудно реконструируема.

Русские приступают к освоению земель вверх по Суре, в устье р. Б. Сарка возникает поселение Сара Великая. Однако нестабильная политическая ситуация вплоть до середины XVI столетия не позволила развернуть здесь активную хозяйственную деятельность. В 1408 г. золотоордынский хан Едигей, осадив

⁴¹⁰ Илюшин Б.А. Русско-булгарские военные конфликты и военный потенциал Булгарского улуса (1360–1431 гг.) // Novogardia. – 1(5). – 2020. – С. 154–155.

⁴¹¹ Рогожский летописец // ПСРЛ. Петроград, 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 106.

⁴¹² Дмитриев В.Д. Опустошение болгарской земли в конце XIV – начале XV веков // Известия национальной академии наук и искусств. – 1996. – №2. – С. 59.

⁴¹³ Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 95.

⁴¹⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1956. С. 56.

⁴¹⁵ Во время археологической экспедиции автора в окрестностях селений Русские, Чувашские и Большие Алгаши не было зафиксировано каких-либо следов старого поселения. Вероятно, первые Алгаши были расположены у устья р. Алгаши, что косвенно подтверждается наличием дороги от современных Алгашей через устье к левобережным селениям (Лекаревка и Языково Нижегородской области). По другой версии, Алгаши находятся под современными деревнями и их следы трудноопределимы (Большие Алгаши ?).

Москву, начал распускать войско по городам: к Новгороду Нижнему и Городцу, а возвращаясь назад, пошли к Суре.

В 1985 г. В.Л. Егоров указал на своеобразную лакуну в историографии русско-ордынских отношений, заключающуюся в отсутствии постановки проблемы изучения пограничья Руси и Золотой Орды в качестве самостоятельной темы исследований⁴¹⁶. При этом учёный отмечал, что выявление внутренней специфики и очертаний порубежных владений, отслеживаемое в динамике изменения пограничной полосы, могло бы помочь дополнить картину «организации монгольского владычества на Руси». На данный момент база археологических данных и новые подходы к изучению расширяют географию земель русско-ордынского пограничья⁴¹⁷.

В.Л. Егоров выдвинул версию о существовании «буферных зон» в русско-ордынском приграничье. Роль своеобразного «буфера» между восточной областью княжества Нижегородского и Ордой, по его мнению, играли мордовские земли⁴¹⁸. Иначе представляет себе воздействие Орды на административно-территориальное устройство русского Среднего Поволжья К.А. Аверьянов. По его версии, существовала «широкая буферная полоса русско-ордынского пограничья», где находились «мелкие территориально-административные единицы» с нерусским населением – так называемые «тьмы» или «даруги». Эти «тьмы», населенные татарами и финно-уграми, управлялись баскаками и пользовались значительной автономией.

Занимая широкую буферную зону между Ордой и Русью, местные народы балансировали между этими двумя государственными образованиями, готовые в любой момент склониться на сторону сильнейшего. К.А. Аверьянов утверждает: «Упомянутые в летописных известиях топонимы – Сара, Кишь, Запьянье, Уяды, Курмыш, являются «тьмами» – «мелкими территориально-административными единицами», входящими в Нижегородское княжество и образовывали на его восточной окраине единую область с центром в Курмыше». Критическое

⁴¹⁶ Егоров В.Л. Граница Руси с Золотой Ордой в XIII–XIV веках // Вопросы истории. – 1985. – №1. – С. 16–17.

⁴¹⁷ Полев Е.В. На северо-западных рубежах Монгольской империи: русско-ордынское пограничье // Власть. – 2017. – Т. 25. – №9. – С. 168.

⁴¹⁸ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2010. С. 44.

рассмотрение этого утверждения не позволяет полностью принять это положение, так как им названы административно-территориальные образования разного типа: Кишь и Запьянье – это волости, тогда как Курмыш и, по-видимому, Сара Великая – города. Да и управление этой территорией осуществлялось русскими: на Киши упоминается боярин Парфений Феодорович⁴¹⁹, в Запьянье – волости и нижегородская застава, а Курмыш по статусу был княжеским городом.

В первой половине XV в. Золотая Орда распалась на Сибирское, Крымское, Астраханское, Казанское, Узбекское ханства и Ногайскую Орду. Начало нового государственного образования на Средней Волге было положено в 1430-х гг. ханом Улуг Мухаммедом и его сыном Махмутеком. С 1437 по 1445 гг. они завоёвывают власть и образуют ханство с центром в г. Казань (рис. 8).

В Казанском ханстве выделялись Горная, Луговая, Арская и Побережная стороны. Горная сторона, куда входило Марийско-Чувашское Поволжье, по этническому составу было представлено чувашами и марийцами⁴²⁰. Она отличалась особым геополитическим положением, более высоким экономическим развитием и интенсивнее налаживала связи с Русским государством. К этому моменту русское внедрение в регион Казанского ханства происходило в основном за счёт русских полоняников-христиан (рабов). Они, несмотря на внушительное количество до 100 тыс. человек к середине XVI в., мало участвовали в этнических процессах⁴²¹.

К началу XVI столетия русская поселенческая структура расширяется. Возникает сеть оборонительных и наступательных пунктов. Присурье – это уже не просто направление колонизации, но и важный рубеж в общерусской внешней политике.

Русское государство видело в Казанском ханстве опасного противника, угрожавшего экономическим и политическим интересам. Из-за Волжского речного пути активизируется военное противоборство, сменяющееся мелкими

⁴¹⁹ Пудалов Б.М. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Н. Новгород, 2004; Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.-Л., 1949. Т. XXV. С. 190.

⁴²⁰ Дмитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001. С. 29–30.

⁴²¹ Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этимологические исследования материальной культуры (середина XIX – нач. XX века). Казань, 1966. С. 42; Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань, 2012. С. 196–197.

набегами, перемириями и затишьями. Московское правительство активно вмешивалось в борьбу за казанский престол и часто посылало войска на Казань с целью посадить на престол своего кандидата. Так происходило в 1467 и 1487 г., когда на казанский престол были посажены ханы Касим и Мухаммед-Эмин. В 1487–1521 г. существовал устойчивый протекторат Москвы над Казанью и к титулу Ивана III добавляется новая формулировка – князь болгарский.

Весь период существования Казанского ханства характеризуется военным противостоянием. С 1439 по 1549 г. известно о 31 походе казанских войск против русских, 33 раза русские осуществляли свои походы⁴²². В период правления ханов из рода Гиреев Казанское ханство отличалось агрессивной военной политикой. В августе 1521 г. силы казанского хана Сахиба Гирея и крымского хана Мехмеда Гирея совершили военные походы на нижегородские, муромские, клинские, мешерские и владимирские земли⁴²³.

Военный поход Василия III Ивановича на Казань начался летом 1523 г. В результате похода была основана крепость Васильсурск⁴²⁴. По описанию С. Герберштейна крепость стала «рассадником многих бедствий»⁴²⁵, но имела стратегическое значение для дальнейших наступательных операций. Выгодное положение позволяло контролировать волжский и сурский водные пути⁴²⁶. После основания Васильсурска часть присурских чувашей, мордвы и горных марийцев присягнула Русскому государству и, по-видимому, некоторое время находилась в его составе⁴²⁷.

Указание С. Герберштейна на то, что р. Сура была пограничной, повторяют современные исследователи⁴²⁸. На наш взгляд, её необходимо рассматривать скорее как естественную границу, а не пограничную линию, контролируемую с двух сторон. С. Герберштейн, описывая марийцев, утверждает, что они подвластны казанскому дворцу, хотя большая часть прежде платила дань московскому князю, от того они до сих пор причисляются к подданным

⁴²² Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001. С. 37.

⁴²³ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. С. 61–75.

⁴²⁴ Татищев В.Н. История Российская. М., 1784. Т. IV. С. 193.

⁴²⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 134.

⁴²⁶ Демидов Н. Исторический очерк Васильсурского уезда Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1884. С. 13–15.

⁴²⁷ Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001. С. 46.

⁴²⁸ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань, 2002. С. 166.

Москвы⁴²⁹. Государственные власти собирали ясак и пошлины там, где земля считалась территорией данного государства. Этнические границы не были ещё чётко определены, скорее напоминали «лоскутное одеяло» из территории чувашей, марийцев, татар, мордвы.

Переход под власть русского царя для жителей Горной стороны был не одномоментным. Походы на Казань 1545, 1547–1548, 1549–1550 гг. сделали очевидным доминирующее положение Москвы, её военное превосходство. В 1546 г. в Москву прибыла делегация чувашей и горных марийцев, которые просили великого князя Ивана IV, «чтобы государь пожаловал, послал рать на Казань», и обещали свою помощь русским войскам⁴³⁰.

Основание крупной крепости Свияжск в 1551 г. в центре Казанского ханства ускорило процесс перехода земель в состав России. В июне 1551 г. к Ивану IV прибыла делегация во главе с Магометом Бозубовым и Ахкубеком Тогаевым «...с товарищами государю били челомъ ото всея Горние стороны... от Чювашей и Черемисы...»⁴³¹. Горные черемисы фактически добровольно перешли в русское подданство.

Поход 1552 г. оказался фатальным для Казанского ханства. Иван IV предпринимает весьма эффективный способ привлечения средневожских народов на свою сторону – лично возглавляет войско, идущее сухопутным путём. Пройдя через земли мордвы, чувашей, марийцев и татар он активно привлекал на свою сторону, раздавая обещания и льготы. Продвижение войск частично проходило по территории Присурья. Повернув от Пьяны, русские войска дошли до р. Большая Медяна, далее до р. Кишь. На р. Меня 1 августа 1552 года был сделан одиннадцатый стан, от которого царские войска продолжали путь по левому берегу Суры до устья Алатыря, где был разбит двенадцатый стан. На месте впадения р. Алатырь в р. Суру закладывается город-крепость Алатырь. Затем движение по левому берегу Суры продолжилось до р. Большая Сарка и Баранчеева городища в устье реки Барыш. На правом берегу Суры царя с

⁴²⁹ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань, 2002. С. 131.

⁴³⁰ Дмитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001. С. 64.

⁴³¹ Там же. С. 75–76.

радостью встретили многочисленные представители чувашского народа. Сюда же прибыли проводники из Свияжска. Они должны были указывать дорогу к этой крепости. Царское войско, в составе которого кроме русских находились марийцы, татары, мордва и чуваша, прибыло к ней 13 августа 1552 года. Началась трудная осада Казани.

После присоединения Казанского ханства завоевательная политика Ивана IV была направлена на покорение Астраханского ханства и продвижение за Уральские горы и в Сибирь. Колонизационные процессы в Среднем Поволжье в этот период переходят на качественно новый уровень. Русское население получает возможность беспрепятственно расселяться на обширных территориях средневожских народов. Миграционные потоки включали в себя разные слои населения от беглых крестьян до крупных светских и духовных феодалов.

Для управления землями бывшего Казанского ханства был создан Приказ Казанского дворца (50–60-е гг. XVI в. – 1708 г.). Территория Присурья вошла в состав образованных Чебоксарского и Алатырского уездов. Позднее выделены Козьмодемьянский, Ядринский, Курмышский и Алатырский уезды. Вдоль волжского речного пути русские основывали города-крепости Чебоксары (1555 г.)⁴³² и Козьмодемьянск (1583 г.). В центре чувашских земель в 1589 г. построен Цивильск. На Суре в 1590 г. основан город Ядрин⁴³³. В пределах Чувашского Присурья выстраивается цепь крепостей и крупных поселений: Васильсурск – Ядрин – Курмыш – Порецкое – Алатырь. За пределами Чувашского Присурья эту линию продолжают селения Барышская Слобода (Барыш) и Сурское.

Согласно «Боярского приговора о станичной сторожевой службе» 1571 г., на границах устанавливались «сторожи» и станицы. Одним из таких охранных пунктов от г. Алатыря были «Караульные горы»⁴³⁴. Отряды высылались на 100 км в сторону татарских кочевий. В 1577 г. алатырские «сторожи» были выдвинуты до р. Барыш, Большого Сурского леса и р. Шокши. В 1578 г. началась застройка

⁴³² Первое летописное упоминание Чебоксар относится к 1469 г. Судя по археологическим данным, поселение возникает не позднее XIV в.

⁴³³ Димитриев В.Д. Из истории городов Чувашии второй половины XVI – начала XVIII веков // Вопросы истории Чувашии / Учёные записки ЧНИИ. Чебоксары, 1965. Вып. XXIX. С. 94, 107.

⁴³⁴ Красовский В.Э. Алатырская старина: сб. ист. очерков В.Э. Красовского. М., 1995. С. 12.

старинной Карлинской укрепленной засечной черты. В начале массовой колонизации Среднего Поволжья необходимость строительства укрепленных поселений была вызвана нападениями кочевников. Вплоть до середины XVII в. Алатырский край подвергался набегам кочевников. Так, в 1612 и 1614 г. алатырцы отражали нападение ногайцев⁴³⁵.

Правительственная колонизация, в отличие от естественной (народной), характеризуется уменьшением интенсивности этнокультурного взаимодействия и усилением одностороннего процесса русификации местных народов. Русские занимали земли, ранее принадлежавшие местным народам, что не могло не вызывать недовольство с их стороны. Город Алатырь стал центром крупного мордовско-русского уезда, подвергавшегося усиленной дворянско-монастырской колонизации. Записанная А.И. Свечиным легенда о возникновении г. Алатыря гласит, что для защиты от черемис и мордвы русские строили небольшие городки (острожки) на месте или рядом с существующими поселениями мордвы. Город был построен на территории мордовского селения со старейшиной Алатом, а всё население деревни было переведено выше по Суре (ныне эрзянская деревня Алово в Мордовии)⁴³⁶. Даже среди массовой русской коричнево-чёрной керамики XVII–XVIII вв. встречены отдельные венчики, в формах которых просматривается влияние мордовских традиций⁴³⁷.

В одном из первых русских поселений в Алатырском Присурье с. Ичиксы (упоминается в 1617 г.) сохранилось предание, что село было основано на месте мордовского поселения. Исследователи Е.П. Бусыгин и Н.В. Зорин, изучавшие это селение в середине XX в., выявили в материальной культуре жителей этого села черты, дающие основания считать местных жителей обрусевшей мордвой⁴³⁸.

Схожие процессы ассимиляции проходили и в других селениях Присурья. Село Ново-Троицкое (ныне Ардатов Нижегородской области) было основано на мордовской земле новокрещёным из мордвы Луньгинского беляка (общины)

⁴³⁵ Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Симбирск, 1868. С. 259–260; Красовский В.Э. Алатырская старина: сб. ист. очерков В.Э. Красовского. М., 1995. С. 13.

⁴³⁶ Димитриев В.Д. Из истории городов Чувашии второй половины XVI – начала XVIII веков // Вопросы истории Чувашии / Учёные записки ЧНИИ. Чебоксары, 1965. Вып. XXIX. С. 94.

⁴³⁷ Вискалин А.В. Отчёт об археологическом обследовании исторического центра Алатыря // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. Л. 9.

⁴³⁸ Бусыгин Е.П., Зорин Н.П. Русское население Чувашской АССР. Материальная культура. Чебоксары, 1960. С. 42.

Кириллом Степановым в 1598 г. В писцовой книге 1624 г. оно ещё сохраняет мордовское название Пичевеле. К началу XVIII в. мордовское население села полностью обрусело⁴³⁹. Продолжают существовать и чисто мордовские села – Алтышево и Напольное⁴⁴⁰.

Особенности распространения русского населения в Чувашском крае привели к тому, что на территории современной Чувашии к концу XVII в. сложились три района расселения русских: Алатырско-Присурский, Приволжский и Центральный. В Алатырско-Присурском районе русское население образовало компактную сеть населённых пунктов среди редких мордовских поселений.

В 1555 г. создается Казанская епархия. В подведомственных епархии землях бывшего Казанского ханства создаются первые монастыри и церкви. Щедрое пожалование в виде земельных, лесных и водных угодий ежегодно увеличивали монастырские владения. На них зазывались русские крестьяне, которым на первых порах предоставлялись льготы, или крестьяне переводились насильно. Самым большим в Алатырском Присурье был Свято-Троицкий мужской монастырь. С момента создания 1584 г. он владел обширными землями, лесами, лугами и рыбными ловлями по р. Суре, Курмышке и Волге.

Следует обратить внимание на формирование сословной прослойки служилых татар. С созданием сети укрепленных поселений служилые татары несли службу по охране границ, участвовали в военных походах, служили толмачами, писцами, послами и т.д. В Алатырском уезде расселение татар относится к периоду строительства сторожевой линии Кадам–Арзамас–Алатырь во второй половине XVI – первой половине XVII в. Служилые татары Кадама массово переводятся в арзамасские, алатырские и курмышские окрестности, но селения татар в Алатырском уезде существовали ещё с XV в. Наиболее ранними татарскими поселениями считаются Сафаджай или Красная Горка (около 1451 г.)⁴⁴¹, Собачий Остров (середина XV в.)⁴⁴², Петряксы (середина XVI в.),

⁴³⁹ Бусыгин Е.П., Зорин Н.П. Русское население Чувашской АССР. Материальная культура. Чебоксары, 1960. С. 45.

⁴⁴⁰ Селение Напольное впервые упоминается в 1424 г.

⁴⁴¹ Сениоткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Н. Новгород, 2001. С. 96.

⁴⁴² Орлов А.М., Файзуллин А.М. Навеки вместе. Очерки по истории татар Нижегородского края. М., 2012. Кн. 2. С. 131, 137, 155, 167, 180.

Камкино (XV в.). Красный Остров (вторая половина XVI в.), Б. и М. Рыбушкино (вторая половина XVI в.). Селения служилых татар были расположены по левым притокам Суры, Пьяны, Киши.

По данным на 1663 г. в Алатырском уезде насчитывалось в общей сложности 506 человек служилых, из них «мурз и татар» – 323 человека⁴⁴³. За службу татары получали денежное и хлебное жалованье. Иногда они обладали привилегиями в торгово-ремесленных занятиях (например, право свободно торговать). В начале XVIII в. все служилые были переведены в сословие однодворцев.

Присурский регион на протяжении XIV – первой половины XVI вв. являлся восточной границей расселения русского населения. До 1430-х гг. засурские правобережные земли не раз упоминались в качестве плацдарма для отступления на случай междоусобных войн русских князей. В связи с ослаблением Золотой Орды предпринимались попытки освоения правобережных территорий, но создание Казанского ханства остановило этот процесс. Активизация военных столкновений в XVI в. привела к основанию опорных крепостей Васильсурск и Свияжск.

К 1552 г. русские прочно удерживали все левобережье Суры, от её устья до р. Пьяны, а затем до р. Алатырь. Второй этап освоения Присурья можно с полной ответственностью назвать процессом правительственной колонизации. Он характеризуется силовым захватом бывших Казанских владений, интенсивным строительством укреплённых пограничных поселений и широкомасштабным притоком русского населения.

В Чувашском Присурье выделяется два региона с различным процентом проживающего русского населения и степенью влияния русской культуры на местное население. Первый регион – всё левобережье реки, включает в себя территорию Алатырского, Порецкого и западную часть Ядринского районов. Данный регион территориально и исторически неразрывен с колонизацией Нижегородского края. Здесь возникают первые поселения и города-крепости.

⁴⁴³ Сенюткин С.Б. История татар нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Н. Новгород, 2001. С. 4–5.

Мордовские и чувашские земли раздаются русскому дворянству, монастырям, а также мордовским и татарским князьям, находившимся на службе государства.

Второй регион включает в себя правобережную часть Чувашского Присурья – Ядринский, Красночетайский и Шумерлинский районы. Возникновение крупных светских и монастырских землевладений, перевод русских крестьян на присурские земли способствовали складыванию крупного русско-чувашского уезда.

С 1552 г. край полностью вошёл в состав Русского государства. В Нижнем Присурье сформировалась современная этническая карта из русского, мордовского, марийского, татарского и чувашского народов.

Заключение

Культурно-исторические процессы в Нижнем Присурье в XIV–XVI вв. являются одним из ярких примеров динамичного развития межэтнических контактов. Здесь проходило взаимодействие разных по происхождению, уровню развития, хозяйственно-культурному типу и конфессиональной принадлежности народов. Изучение этнокультурных процессов вбирает в себя широчайший круг проблем, на которые у современной науки нет единого решения.

В работе были использованы все доступные материалы и исследования, так или иначе касающиеся истории нижнесурского региона XIV–XVI вв. Археологические данные дополняются письменными, этнографическими источниками, данными лингвистики, топонимики, фольклора. Источниковая археологическая база знаний существенно увеличилась за последнее десятилетие, а уровень развития современной науки позволил пересмотреть материалы предшествующих исследований. Более 50 археологических памятников на фактическом материале раскрывают процессы формирования современных средневожских народов и этапы русской колонизации края. Работа написана с привлечением новых данных 14 поселений, одного городища и могильника второй половины XIV–XV вв. В совокупности с материалами раскопанных в последние десятилетия памятников Нижнего Присурья мы можем реконструировать неизвестные страницы средневековой истории региона, дать характеристику развития материальной культуры местного населения.

Нижнее Присурье – исторически сложившийся регион проживания мордвы и марийцев. В период существования Волжской Булгарии территория Присурья являлась ближайшим рынком обмена и сбыта товаров. Река Сура ограничивала западные пределы сферы болгарского влияния в регионе.

Возникновение Золотой Орды ознаменовало новый этап в истории региона. Благодаря миграциям состав населения Среднего Поволжья претерпевает

существенные изменения, активизируются все социально-экономические процессы в регионе. Нижнее Присурье в геополитическом отношении играло роль буферной и пограничной зоны. Находясь между крупными политическими образованиями – русскими княжествами и Золотой Ордой и сменившим её Казанским ханством, Присурье испытывало сильное влияние то одного, то другого государства. Большинство сельских присурских поселений имело смешанный комплекс вещей и керамики русского, волжско-финского и болгарского происхождения.

Усиление межэтнического взаимодействия в период Казанского ханства привело к частичному смешению культурных, языковых, религиозных, социально-экономических традиций тюркских и местных финно-угорских народов. Во время существования Казанского ханства ярко обозначилось тюркское этносоциальное влияние на финно-угорские народы региона. Река Сура являлась западной границей территории, на которой в XV столетии начала формироваться этнографическая группа верховых чувашей. В их материальной культуре проявилось сильное влияние соседних горных марийцев и мордвы-эрзя.

Начальные этапы проникновения русских на территорию Нижнего Присурья необходимо рассматривать в двух направлениях и хронологических периодах. Инициированное нижегородскими князьями расселение русских было не крупномасштабным и охватывало только левобережье. При поддержке малых укрепленных пунктов были основаны дисперсные сельские поселения.

Во второй половине XIV столетия в регионе активную колонизационную политику начинает осуществлять Городецкий князь Борис Константинович. Основанная в 1372 г. крепость Курмыш стала центром распространения русского влияния в регионе. Во владения князя входили левобережные земли от устья р. Курмышка до устья р. Суры и узкая правобережная полоса в районе Курмыша. Складывается довольно большая сельская округа, судя по материальным комплексам, являвшаяся полиэтничной. Особую роль играла монастырская колонизация угодий, пригодных для получения дополнительных источников дохода (земельные и промысловые угодья).

Вверх по течению р. Суры до устья р. Б. Сарка существовали немногочисленные поселения, выполнявшие роль сторожевых пунктов. Часть таких поселений известна только по летописным источникам и пока не изучена археологическими раскопками.

Со второй половины XVI в. влияние русского народа и русской культуры во многом носило односторонний характер. Активная христианизация и русификация приводили к стиранию этнического своеобразия средневожских народов. Ассимиляционные процессы наиболее отчётливо отразились на мордве, вылившись в обрусение большей части эрзи в Алатырско-Порецком Присурье. Редкие островки мордовского населения сохранились среди плотной массы русских поселений Алатырско-Порецкого Присурья.

Сложные культурно-исторические процессы отразились в материальной культуре народов. В первую очередь мы наблюдаем смешение керамических традиций и появление гибридной славяноидной и русско-мордовской керамики. На материалах поселений Курмышской округи выделяется особый набор керамических групп. До половины всех фрагментов составляет славяноидная керамика с примесью дроблёной раковины. Появление этого феномена связано с восприятием русских керамических традиций местными народами, которые сохранили присутствие раковины в качестве отощителя. До трети всех фрагментов составляет традиционная русская керамика с примесью песка, широко распространенная в Нижегородских землях. Такие же показатели составляет керамика с примесью шамота, ближайшими аналогами которой является мордовская посуда. Средний показатель привозной керамики в болгарских традициях не превышает двух процентов.

Набор керамических групп указывает на полиэтнический характер поселений. Кроме русского компонента здесь явно выражено присутствие мордвы и марийцев, с территорией проживания которых граничили русские земли.

На поселениях найден широкий набор металлических инструментов и предметов. Среди них найдены сельскохозяйственные, животноводческие и деревообрабатывающие инструменты. Следы металлургического производства

указывают на формирование местного очага чёрной и цветной металлургии. Количество изделий из железа позволяет провести широкие аналогии с древностями Новгорода, Болгара и других крупных памятников. Цилиндрические замки позволяют установить относительно точные даты поселений.

Импорт из центральных болгарских и русских земель – неотъемлемая часть всех комплексов находок. Из русских земель кроме посуды привозились ремесленные изделия и предметы христианской атрибутики. Из земель, находившихся в составе Золотой Орды, – кашинная и чугунная посуда, украшения, монеты.

Нумизматический состав находок и клады свидетельствуют о преобладании золотоордынской монетной системы. К середине XV в. серебряная джучидская монета постепенно выходит из обращения и заменяется удельными деньгами, а затем и копейкам регулярного чекана. Находки кладов вдоль рек и сухопутных дорог свидетельствуют об активной торговле по ним.

В начале XV в. наблюдается уменьшение количества поселений в низовьях р. Суры. После похода Едигей 1408 г. часть освоенных земель запустевает. При этом не только русское население, но и местные народы стремятся уйти с территорий, где наиболее часто проходят междоусобные войны, походы, нападения ушкуйников. С созданием Казанского ханства начинается военно-политическое противостояние в регионе, также негативно отразившееся на развитии пограничного региона. У устья р. Суры в 1523 г. строится крепость Васильсурск, вторая после Курмыша русская цитадель на реке.

С падением Казани и присоединением Чувашского края к России начинается правительственная колонизация. Крупные кусты русских поселений возникают вокруг городов Алатыря и Ядрина. Значительные земельные участки раздавались царским правительством светским и духовным феодалам. Они в свою очередь переселяли русских крестьян в вотчины. Мордва переходила на службу к русским и быстро русифицировалась. Для охраны границ государства на приграничные земли переводятся татары, которые приобретают статус служилых людей.

Сура являлась западной границей территории, на которой в XV в. сформировалась этнографическая группа верховых чувашей. В погребальных традициях нижнесурских могильников прослеживается сильное влияние финноязычных соседей. Наличие в могильниках женских костяков в скорченном положении указывает на межэтнические связи с присурской мордвой. В составе погребального инвентаря есть марийские и мордовские украшения, а часть погребённых ориентирована на северо-запад, что отличает их от общечувашской погребальной традиции.

Сравнение погребальных традиций верховых чувашей и горных марийцев позволяет сделать вывод о распространении схожих элементов обрядности, однотипных предметах и украшениях. Влияние христианства в погребениях практически не прослеживается. Для них не характерны большая глубина могильных ям и наличие нательных крестов, так как процесс христианизации становится массовым в первой половине XVIII столетия.

Изученный на Козловском городище могильник позволяет получить лишь первоначальное представление о христианских некрополях. Он свидетельствует о неустойчивой православной обрядности XIV–XV вв.

Перспективность дальнейшего изучения полиэтнического регионального сообщества очевидна. Исследование должно быть продолжено в расширенных хронологических рамках с акцентом на последующие столетия. Необходимо проведение полномасштабных археологических раскопок на выявленных присурских поселениях. Разведочные экспедиции могут выявить новые археологические объекты XIV–XVI вв. Дополнительные материалы могильников и поселений позволят более подробно охарактеризовать начальные этапы взаимодействия чувашей с марийцами и мордвой. Необходимо активизировать изучение ранних русских левобережных поселений. Вещественный комплекс поселений и могильников, раскопанных ранее, нуждается в пересмотре и современной переоценке их культурной и хронологической принадлежности. Это позволит пролить свет на малоизученные страницы истории средневожского региона.

Список сокращений

АЛОИА – Архив Ленинградского отделения института археологии

АО – Археологические открытия

АЭМК – Археологии и этнография Марийского края

ГИМ – Государственный исторический музей

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИИМК – Краткие сообщения Института материальной культуры АН СССР

МИА – Материалы и исследования по археологии

МОРД НИИЯЛИ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук

НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии

РАН – Российская академия наук

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры

Учён. зап. ЧНИИ ЯЛИЭ – Учёные записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (1941–1975 гг.). В 1975–80 гг. выходили под названием «Труды ЧНИИ»

Список источников и литературы

I. Источники

1. Архивные материалы

1.1. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН

(Архив ИА РАН):

1. Вайнер И.С. Отчёт о работах 3-го Чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №4696. 71 л.
2. Вайнер И.С. Отчёт о раскопках Новоядринского могильника в 1971 г. Таблицы рисунков вещевого материала // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №4696а. 54 с.
3. Вискалин А.В. Отчёт об археологическом обследовании исторического центра г. Алатырь (2008 г.) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. 60 л.
4. Грибов Н.Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш 4 в Пильнинском районе Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. 169 л.
5. Грибов Н.Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш 4 в Пильнинском районе Нижегородской области в 2009 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. 150 л.
6. Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Богородском и Пильнинском районах Нижегородской области в 2007 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. 193 л.
7. Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском, Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №33498. 112 л.
8. Зубарева В.М., Краснов Ю.А. Отчёт о раскопках Новоядринского могильника в 1969 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №3993. 60–75 л.

9. Калыгина Ж.С. Отчёт об археологических исследованиях (разведке) на территории Пильнинского района Нижегородской области в 2011 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №34671. 47 л.
10. Каховский Б.В. Исследования Чувашской археологической экспедиции в Ядринском районе Чувашской АССР в 1989 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №16919. 22 л.
11. Каховский Б.В. Отчёт об исследованиях Чувашской археологической экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №16780. 15 л.
12. Каховский Б.В. Отчёт об исследованиях Чувашской экспедиции в 1990 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №15857. 16 л.
13. Каховский В.Ф. Исследования Чувашской археологической экспедиции 1978 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6973. 18 л.
14. Каховский В.Ф. Археологические исследования 1974 г. в Чувашии // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №5558. 37 л.
15. Каховский В.Ф. Исследования Чувашской археологической экспедиции 1976 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6372. 53 л.
16. Кирьянов И.А. Отчёт о полевых исследованиях в Горьковской области в 1948 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №223.
17. Лопатин А.И. Отчёт об археологической разведке в Горьковской обл. в 1977 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6829.
18. Михайлов Е.П. Отчёт о работах в ходе археологической разведки осенью 1988 г. в Мариинско-Посадском, Красночетайском, Канашском и Шемуршинском районах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №14989. 47 л.
19. Михайлов Е.П. Отчёт о результатах археологической разведки проведенной летом 1986 г. в Ядринском, Чебоксарском и Моргаушском районах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №11590. 94 л.
20. Михайлов Е.П. Отчёт о результатах археологической разведки, проведенной осенью 1987 года в Красноармейском, Аликовском и Моргаушском районах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №12405. 68 л.

21. Очеретин И.А. Отчёт о работе Нижегородской археологической службы в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. Т. 3.
22. Семёнов А.А. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Чувашской Республики в 2013 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р. 1. 70 с.
23. Семёнов А.А. Отчёт об археологических разведках проведенных на территории Чувашской Республики в 2018 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р. 1. 150 с.
24. Соловьёв Б.С. Отчёт о научно-исследовательской работе по археологическим исследованиям (раскопкам) Козловского городища на территории Ядринского района Чувашской Республики в 2018 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р. 1. 140 с.
25. Сорокин А.Н. Отчёт о раскопках в Сергиев-Посадском районе Московской области и разведках в Нижегородской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №22050.
26. Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции вдоль р. Пьяны летом 1953 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №854. 191 л.
27. Степанов П.Д. Отчёт о работе археологической разведочной экспедиции Саратовского государственного университета летом 1956 года в Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №1427. 45 л.
28. Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского государственного педагогического института летом 1954 года в пределах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №990. 144 л.
29. Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского пединститута в пределах Чувашкой АССР и Горьковской области летом 1950 года // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №454. 57 л.
30. Фахрутдинов Р.Г. Отчёт о разведочных работах проведенных в 1967 г. в Предволжье Татарии // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №5327. 124 л.
31. Федулов М.И. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Ядринского и Порецкого районов Чувашской Республики в 2016 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р. 1. б/н. 97 л.

32. Федулов М.И. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Чувашской Республики в 2017 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н. 118 л.

33. Флягин В.А. Отчёт об археологических исследованиях на территории Нижегородской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №26909.

34. Халиков А.Х. Отчёт о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №1874.

1.2. Архив Института истории материальной культуры

35. Ефименко П.П. Материалы Средневолжской экспедиции 1926 г. Каршлых // Архив Института истории материальной культуры. Рукописный отдел. Ф. 2. Оп. 1. №230.

36. Ефименко П.П. Материалы Средневолжской экспедиции 1926 г. Каршлых // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. №241.

37. Ефименко П.П. Материалы Средневолжской экспедиции 1926 г. Юнга-Пось // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. №240.

38. Ефименко П.П. Материалы Средневолжской экспедиции 1927 г. Полевые Козыльяры // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. №231.

1.3. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН):

39. Григорьев П.Г. Обследование древнего кладбища обнаруженного у с. Иваньково-Ленино Алатырского района (1956 г.) // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 1952. Инв. №7868. Л. 100–108.

40. Ефименко П.П. Археологические работы среди чуваш // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 542. Инв. 6032.

41. Иванов Л.А. Материалы обследования котлована, подготовленного для закладки фундамента Алатырского релейного завода (1960 г.) // НА ЧГИГН. Отд.

II. Ед. хр. 1018. Инв. №4091–4096. 5 л.

42. Магницкий В.К. К истории присурских чуваш, черемис, мордвы и Флорищевой пустыни // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 517. Инв. №5654. Л. 204–209.

43. Соколов А.И. Отчёт об археологической разведке, проведенной в г. Алатырь в 1993 году // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 123. Инв. №94657. 45 л.

44. Третьяков П.Н. Предварительный отчёт о работе Средневожской экспедиции ГАИМК в ЧувАССР в 1930 году // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 81. Инв. №196. ЛЛ. 296–297 об.

45. Элле К.В. Архангельский Н.А. Топонимика Чувашии. Ч. 4. Древности Чувашской АССР (Учет и регистрация археологических памятников). Т. 3. Кладбища с надгробными памятниками, детские кладбища, киремети, йерехи, валы, стоянки, заводы, клады, пещеры // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 581. Инв. №7035.

1.4. Рукописный фонд Чувашского национального музея

46. Элле К.В. Отчёт о поездке в Порецкий район для обследования клада, найденного местными жителями // Рукописный фонд Чувашского национального музея. Папка №25. Учетный ВМ 4495. 5 л.

II. Литература:

2.1. Словари, справочники, указатели, учебные пособия и энциклопедии:

47. Археологическая карта Чувашской Республики: науч.-справ. изд. под ред. Е.П. Михайлова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. Т. 2. 312 с.

48. Арчиков Е.И., Трифонова З.А. География Чувашской Республики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. 159 с.

49. Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. М.: ООО «Пандора–1», 2004. Ч. 1. 384 с.

50. Чуваши: история и культура / Отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Том 1. 415 с.

2.2. Диссертации и авторефераты диссертаций:

51. Грибов Н.Н. История славяно-русского расселения в Нижегородском Поволжье в период 12–14 вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 археология. Нижний Новгород, 2000. 298 с.

52. Грибов Н.Н. Нижний Новгород и его округа во время формирования единого Русского государства: дис. ... докт. ист. наук: 5.6.3 археология Москва, 2023. Т. 1. 409 с.

53. Грибов Н.Н. Нижний Новгород и его округа во время формирования единого Русского государства: дис. ... докт. ист. наук: 5.6.3 археология Москва, 2023. Т. 2. 337 с.

54. Дроздова Г.И. Погребальный обряд народов Волго-Камья XVI–XIX веков (по археологическим и этнографическим материалам): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 археология. Казань, 2007. 307 с.

55. Кудряшова А.С. Славяно-русское заселение и хозяйственное освоение Нижегородского Правобережья в X–XVI вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 археология. Н. Новгород, 2007. 175 с.

56. Матехина Т.С. Кожаные изделия средневекового Новгорода. Чехлы, футляры, сумки: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 археология. Москва, 2009. 204 с.

57. Михеева А.И. Поселения Марийского Поволжья в эпоху средневековья: XIII–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 археология. Ижевск, 2006. 233 с.

58. Руденко К.А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим данным: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06 археология. Казань, 2004. 483 с.

59. Степанова А.А. Религиозно-культурные связи чувашей и марийцев по материалам языческих похоронно-поминальных обрядов (XVI – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 археология. Саранск, 2003. 369 с.

2.3. Опубликованные источники:

60. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. III. 687 с.
61. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М.: АН СССР, 1951. Ч. 1. 400 с.
62. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.: Наука, 1956. 487 с.
63. Лаврентьевская и Троицкая летописи // Полное собрание русских летописей. СПб: Тип-ия Э. Праца, 1846. Т. 1. 271 с.
64. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // Полное собрание русских летописей. 1863. Тип. Л. Демиса. Т. 15. 540 с.
65. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. XXV. 464 с.
66. Насонов А.Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. Отв. ред. А.А. Новосельский. М.: АН СССР, 1958. Вып. VI. С. 235–274.
67. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886. 145 с.
68. Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Петроград, 1922. Т. 15. Вып. 1. 216 с.

2.4. Монографии, собрания сочинений, научные сборники и статьи

69. Акаемов Н.Ф. Город Курмыш в XIV–XVIII веках: исторический очерк. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1895. 17 с.
70. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV – XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
71. Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII–начале XV вв. (историко-археологическое исследование). Уфа: РА «Информреклама», 2006. 238 с.

72. Афанасьев Г.Е. Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ // Археологические исследования на новостройках / КСИА. М.: Наука, 1989. Вып. 196. С. 3–12.
73. Ахметгалин Ф.А., Ситдинов А.Г. Курмыш // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Позднее средневековье (середина XV–XVII вв.) / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдинова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Изд-во АН РТ, 2022. Т. 7. С. 315–320.
74. Беленькая Д.А. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // Средневековая археология Восточной Европы / КСИА. М, 1993. №208. С. 11–19.
75. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб. Пенза: Издательство ПГПУ, 2001. 200 с.
76. Белорыбкин Г.Н. Наровчатское городище и Улус Мухши // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи). Казань, 2022. Т. 6. С. 152–164.
77. Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: ПГПУ, 2003. 199 с.
78. Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой трети XIV вв.: монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с.
79. Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // Советская археология. – 1968. – №4. – С. 95–109.
80. Бусыгин Е.П. Русское население Чувашской АССР. Материальная культура. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 216 с.
81. Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этимологические исследования материальной культуры (середина XIX–нач. XX века). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1966. 403 с.
82. Вайнер И.С., Воронина Р.Ф., Каховский В.Ф., Краснов Ю.А. Работы Чебоксарской экспедиции // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 162–164.

83. Вискалин А.В., Березина Н.С., Березин А.Ю., Выборнов А.А., Королёв А.И., Ставицкий В.В., Коноваленко А.В. Исследование многослойного поселения Утюж I на Суре // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары: ЧГИГН, Кн. 2. 2009. С. 41–72.
84. Вихляев В.И. Расселение мордвы в III – начале XIII вв. // Поволжская археология. – 2013. – №2 (4). – С. 162–170.
85. Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: Коллективная монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 1999. С. 119–160.
86. Волжская Булгария и Великая Степь // История татар с древнейших времен. В семи томах. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. Т. 2. 459 с.
87. Волков И.В. Неизданные монеты из Второго Досаевского клада // Нумизматический альманах. – 2013. – №1 (45). – С. 29–33.
88. Воробьёва Е.Е., Федулов М.И. «Большие Ключиши» Ульяновской области как новый археологический комплекс: предварительные итоги // Поволжская археология. – 2016. – № 1 (15). – С. 235–248.
89. Воробьёва Е.Е., Федулов М.И. К вопросу о русско-ордынском пограничье в Марийско-Чувашском Поволжье // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Под ред. С.Г. Бочаров и А.Г. Ситдикова. Казань-Кишинев, 2019. Т. 2. С. 289–295.
90. Воронина Р.Ф. Нижнесурская мордва IV–VIII вв. (по материалам Иваньковского могильника раскопок 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1968–1972 гг.) // Пензенский археологический сборник. Междунар. сб. науч. труд. Пенза: ГУМНИЦ, 2007. Вып. 1. С. 154–166.
91. Вязов Л.А., Михайлов Е.П., Макарова Е.М., Мясникова А.Б., Мясников Н.С., Петрова Д.А., Салова Ю.А., Силанов Р.А. Исследования памятников Среднего и Нижнего Посурья в рамках работы международной археологической экспедиции в 2015–2019 гг. // Археология евразийских степей. – 2020. – №3. – С. 354–372.

92. Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 228 с.
93. Гераклитов А.А. Материалы по истории мордвы. Сборник выписок из печатных источников. М.–Л.: Соцэкизд, 1931. 127 с.
94. Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
95. Грибов Н.Н. Русские и мордва в XIII–XV вв.: расселенческий аспект взаимодействия (по археологическим данным) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – №4. – С. 23–34.
96. Грибов Н.Н. Средневековая гончарная посуда с примесью раковины из Нижегородского Поволжья // Поволжская археология. – 2019. – №2 (28). С. 114–129.
97. Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2006. Вып. 10. С. 62–91.
98. Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А. Западное порубежье Болгарского улусах Золотой Орды (по материалам левобережных памятников нижнего Посурья) // Поволжская археология. – 2013. – №4(6). – С. 79–95.
99. Демидов Н. Исторический очерк Васильсурского уезда Нижегородской губернии. Н. Новгород: Типография Ройскаго и Душина, 1884. 80 с.
100. Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары: Национальная академия наук и искусств Чувашской Республики, 2001. 120 с.
101. Димитриев В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история / сост. Д.В. Басманцев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 190 с.
102. Димитриев В.Д. Из истории городов Чувашии второй половины XVI–начала XVIII веков // Вопросы истории Чувашии / Учёные записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. Вып. XXIX. С. 76–123.

103. Димитриев В.Д. О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII веков // Чувашия в эпоху феодализма (XVI–начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 5–16.

104. Димитриев В.Д. Опустошение болгарской земли в конце XIV – начале XV веков // Известия национальной академии наук и искусств ЧР. – 1996. – №2. – С. 45–76.

105. Димитриев В.Д., Паньков И.П. Население Чувашского Поволжья под властью Золотой Орды // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. I. С. 85–94.

106. Древняя Русь. Город, замок, село / Серия «Археология СССР». Под ред. Б.А. Рыбаков. Москва: Наука, 1985. 430 с.

107. Дроздова Г.И. Этнокультурные параллели в погребальном обряде марийцев и чувашей (на материалах позднесредневековых могильников XVI–XVIII вв.) // Древние этнокультурные связи финно-угров. Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. С. 176–178. С. 175–177.

108. Дубанов И.С. Озера, реки, родники Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 207 с.

109. Егоров В.Л. Граница Руси с Золотой Ордой в XIII–XIV веках. – Вопросы истории. – 1985. – №1. – С. 16–29.

110. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. /Отв. ред. В.И. Буганов. Изд. 3-е. М.: КРАСАНД, 2010. 248.

111. Егоров Н.И. Этимология гидронима Сура (к проблеме этноязыковой принадлежности населения абашевской культуры) // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары: ЧГИГН. 2006. С. 132–167.

112. Жиганов М.Ф. Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. Саранск: Мордов. книж. изд-во, 1976. 136 с.

113. Зеленева Ю.А. Этнокультурная история Поволжья в XIII–XV веках // Древние этнокультурные связи финно-угров. Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. С. 151–159.

114. Зеленец Ю.А., Зеленцова О.В. Средневековая мордва по археологическим данным // Поволжская археология. – 2012. – №1. – С. 37–47.

115. Зеленец Ю.А., Краснов С.А., Михайлов Е.П. Порецкое поселение // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. Кн. 2. С. 188–202.

116. Зеленец Ю.А., Курочкина С.А., Федулов М.И. Средневековое поселение «Баратаевка-2» (по материалам раскопок 2010 г.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья: сборник статей / Мар. гос. ун-т; МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2012. Вып. 6. С. 130–146.

117. Зубарева В.М., Краснов Ю.А. Средневековый чувашский могильник у дер. Новое Ядрино // КСИА. М.: Наука, 1972. Вып. 129. С. 100–105.

118. Иванов Л.И. Чуваши: формирование этнографических групп и подгрупп чувашей (на территории Чувашии). Чебоксары: Чуваш. книж. изд-во, 2012. 143 с.

119. Илюшин Б.А. Русско-булгарские военные конфликты и военный потенциал Булгарского улуса (1360–1431 гг.) // Novogardia. – 1(5). – 2020. – С. 138–162.

120. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

121. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.

122. Каптеров Л.М. Нижегородское Поволжье в X–XVI веках. Горький: Горьковское изд-во ОГИЗ, 1934. 184 с.

123. Каховский Б.В. Археологические исследования 1978 года в Чувашской АССР // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 105. С. 51–69.

124. Каховский Б.В. Погребальный обряд чувашского языческого населения // Современные и этнические процессы в Чувашской АССР / Сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары, 1978. С. 118–146.

125. Каховский Б.В., Каховский В.Ф. Изучение болгарских памятников на территории Чувашии // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993. С. 32–46.

126. Каховский В.Ф. Болгарские памятники на территории Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары, 1995. С. 3–33.

127. Каховский В.Ф. Исследование языческого могильника близ д. Верхние Ачаки Ядринского района // Вопросы археологии и антропологии Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 3–20.

128. Каховский В.Ф. Клад джучидских монет близ деревни Нимич-касы Красноармейского района Чувашской АССР // Вопросы археологии и истории Чувашии / Учёные записки ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. 19. С. 96–125.

129. Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 80. С. 3–18.

130. Каховский В.Ф. О западных пределах Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 105. С. 35–50.

131. Кизиллов Ю.А. Земли и княжества Северо-Восточной Руси в период феодальной раздробленности (XII–XV вв.). Ульяновск: Ульян. пед. ин-т, 1982. 91 с.

132. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 105 с.

133. Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький: Горьк. кн. изд-во. 1961. 106 с.

134. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. 486 с.

135. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. Монография. Казань: Институт истории, 2002. 383 с.

136. Кокорина Н.А. О керамике средневековых Чебоксар // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Книга 2. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 203–222.
137. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции / Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. №65. Т. 2. С. 7–120.
138. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) // МИА. М.: АН СССР, 1953. №32. 259 с.
139. Краснов С.А. Погребальный обряд населения Чувашского Поволжья в позднем средневековье // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. С. 274–280.
140. Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. Краткий очерк работ Чебоксарской экспедиции 1969–73 годов // Средневековые Чебоксары. М.: Наука, 1978. С. 167–191.
141. Красовский В.Э. Алатырская старина: сб. ист. очерков В.Э. Красовского. М.: ГП "КНИСС", 1995. 69 с.
142. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
143. Кузнецов С.А. Курмышский летописец. Нижний Новгород: Кварц, 2016. 400 с.
144. Курбский А.М. История о великом князе Московском. Спб., Тип. М.А. Александрова, 1913. 76 с.
145. Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород: Кварц, 2011. 272 с.
146. Кучкин В.А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // Польша и Русь. М.: Наука, 1974. С. 234–260.
147. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., Наука. 1984. 350 с.

148. Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII – II трети XIII вв. // Историческая география России XII – начала XX вв. М.: Наука, 1975. С. 31–45.

149. Магницкий В.К. Из поездки в село Шуматово, Ядринского уезда, Казанской губ. (Курганы. Киремети. Жертвенные приношения «киреметям» и «покойникам». Покинутые кладбища. Очувашившиеся черемисы. Поверья. Наряд чувашек. Детские куклы. Чувашские слова, не вошедшие в словарь Н. И. Золотницкого) // ИОАИЭ. – 1880–1882. – Казань, 1884. – Т. 3. – С. 160–179.

150. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: изд. дом «Удмуртский университет», 2001. 140 с.

151. Макаров Л.Д. Славяно-финно-пермские этнокультурные процессы в Волго-Вятском междуречье в первой половине II тыс. н.э. // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. Вып. 27. С. 116–125.

152. Малкова Н.М. Погребальные памятники мордвы XVI – начала XIX вв. // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 7. Позднее средневековье (середина XV–XVII вв.) / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Изд-во АН РТ, 2022. Т. 7. С. 402–427.

153. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // Археология СССР / САИ. М.: Наука, 1966. Вып. Е1–36. 184 с.

154. Михайлов Е.П. Археологические памятники Чувашии (По неопубликованным источникам) // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. С. 119–165.

155. Михайлов Е.П. Золотоордынский и Казанскоханский периоды истории Чувашии по археологическим данным // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Сб. ст. 1986. С. 3–23.

156. Михайлов Е.П. Разведочные работы 1986–1988 годов в районах Чувашии (материалы к археологической карте ЧССР) // Вопросы археологии и антропологии Чувашии. Сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 29–63.

157. Михеева А.И. Керамика поселенческих памятников Марийского Поволжья XIII–XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. С. 312–324.

158. Мордовский народный костюм: альбом. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1990. 384 с.

159. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Репринтное воспроизведение кандидатской диссертации (Институт истории АН СССР, г. Москва, 1951 г.). Сост. и отв. ред. Р.Г. Галлям; авторы предисл. Р.Г. Галлям, С.М. Исаков, А.А. Бурханов. Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 276 с.

160. Мясников Н.С., Березина Н.С. Исследование средневекового Утюжского поселения в Среднем Посурье в 2011–2012 годах // Чувашская археология. – 2015. – Вып. 2. – С. 97–110.

161. Мясников Н.С., Грибов Н.Н. Большеянгийдинское селище XIV–XV вв. в Чувашско-Марийском Поволжье // Новгород земли Низовской. М.: ИА РАН, 2024. С. 133–155.

162. Мясников Н.С., Яковлева А.В. Кирегаський (Янмурзинский) грунтовый могильник «Палаху» (к вопросу об этнокультурной ситуации в Чувашском Поволжье во второй половине XIV – начале XV в.) // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: Матер. Межрег. науч.-практ. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев; ЧГИГН, МарНИИЯЛИ. – Чебоксары: ЧГИГН, 2019. – С. 94–116.

163. Мясникова О.В. К вопросу о скорченных погребениях мордвы (на примере могильников Заречное II и Стёксово II) // Пензенский археологический сборник. Междун. сб. науч. труд. Пенза: ГУМНИЦ, 2007. Вып. 1. С. 193–198.

164. Набиуллин Н.Г. Джукетау и прилегающие территории // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи). Казань, 2022. Т. 6. С. 303–315.

165. Нестеров В.А. Над картой Чувашии. Историко-топонимические заметки. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1980. 144 с.

166. Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. 416 с.

167. Никитина Т.Б. Марийские могильники XVI–XVII вв. // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 7. Позднее средневековье (середина XV–XVII вв.) / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Изд-во АН РТ, 2022. Т. 7. С. 394–401.

168. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

169. Никитина Т.Б. Древнемарийское селище XIII–XIV вв. // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. Сб. ст. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. С. 51–59.

170. Никитина Т.Б. К вопросу о культурной принадлежности славяноидной керамики Марийско-Чувашского Поволжья // *Finno-Ugrica*. – 2005 – 2006. – №9. – С. 114–130.

171. Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. 160 с.

172. Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер. Миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 196 с.

173. Никонов В.А. Нечувашские элементы в топонимике ЧАССР // Диалекты и топонимия Поволжья (Материалы и сообщения). Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 1972. Вып. I. С. 3–8.

174. Нолев Е.В. На северо-западных рубежах Монгольской империи: русско-ордынское пограничье // *Власть*. – 2017. – Т. 25. – №9. – С. 167–172.

175. Орлов А.М., Файзуллин А.М. Навеки вместе. Очерки по истории татар Нижегородского края. Москва: СиВиДжи, 2012. Кн. 2. 224 с.

176. Очеретин И.А. Средневековая крепость Курмыш (по итогам исследований 1991 года) // Уваровские II чтения. – Муром: ИВФ «Антал», 1994. – С. 102–104.

177. Паньков И.П. Чуваши в составе Казанского ханства // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. I. С. 95–103.

178. Первушкин В.В., Шишлов С.Л. Эволюция представлений о средневековой политической истории Окско-Ценско-Сурского междуречья (Темниковской Мещёры) в XIX–XX вв. // Отечественная культура и развитие краеведения. Тезисы докладов Всерос. науч. конф. Пенза, 2000. С. 119–123.

179. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М.: Тип. Грачева, 1877. 331 с.

180. Перетяткович Г. Поволжье в XVI и начале XVIII веках. Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882. 339 с.

181. Петров П.Н. Клады джучидских монет на территории Нижегородской области // VII Халиковские чтения: Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации. Казань, 2017. С. 275–282.

182. Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900. 73 с.

183. Поливанов В.Н. Курмышская старина. Путевые заметки по археологии и истории Симбирского Присурья. Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1899. 20 с.

184. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 133 с.

185. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.

186. Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. М. Издательство ЗАО «ФОН», 2010. 224 с.

187. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 154–257.

188. Пудалов Б.М. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Нижний Новгород, 2004.

189. Пудалов Б.М. Письменные источники по истории Нижегородского края (XIII–начало XVIII века): Учебное пособие. Н. Новгород: Изд. Нижегород. педагог. ун-та, 2001. 351 с.

190. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII веков // САИ. М.: Наука, 1968. Вып. Е1-39. 124 с.

191. Руденко К.А. Культурно-хронологический аспект бытования славяноидной керамики в XIII–XIV вв. в болгарской области Золотой Орды (по материалам Лаишевского селища) // Поволжская археология. – 2009. – №2 (29). – С. 96–113.

192. Руденко К.А. Металлические котлы Поволжья и Приуралья VIII–XIV вв. / Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья // Труды ГИМ. Вып. 122. М., 2000. С. 220-227.

193. Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в X–XIV вв. Изделия аскизского типа в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман», 2001. 256 с.

194. Руденко К.А. Волжская Булгария, Северо-Восточная Русь и Прикамье: проблемы исследования этнокультурных контактов и взаимовлияний в XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / АЭМК. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. Вып. 27. С. 105–115.

195. Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI – XIV вв. Казань: РИЦ «Школа», 2001. 220 с.

196. Руденко К.А. Славяноидная керамика селищ низовий Камы XIV–XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. С. 350–355.

197. Ручин А.Б., Вечканов В.С. Осетрообразные (Pisces: Acipenseriformes) в бассейне реки Суры. Известия калужского общества изучения природы. Книга восьмая. Калуга: Издательство КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2008. С. 220–236.
198. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 589 с.
199. Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 6–88.
200. Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. М.: Горячая линия – Телеком, 2005. 77 с.
201. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.: Наука, 1981. 195 с.
202. Селезнев Ф.А. История Нижегородского края с древнейших времен до конца XVI в.: Учебное пособие. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. госуниверситета, 2014. – 198 с.
203. Семькин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 88–153.
204. Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края): Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. 416 с.
205. Смирнов А.П. Исследования городища и могильника золотоордынской эпохи у с. Большая Таяба Чувашской АССР // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1950. Вып. 4. С. 131–153.
206. Смирнов А.П., Каховский В.Ф. Булгарское селище близ деревни Большое Янгильдино в Чувашской АССР // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах / Учёные записки ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. XXV. С. 223–263.
207. Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ. М.: Наука, 1965. Вып. Д1-14. 40 с.

208. Соколова Н.В. Древнейшие акты Нижегородского Печерского монастыря // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1995. С. 52–68.

209. Сочнев Ю.В. Малоизвестные сведения по истории церкви в Нижегородских землях в начале XV века // Нижегородский край в истории России. – Н. Новгород, 2010. – С. 11–16.

210. Степанова А.А. Чувашско-марийские этнокультурные параллели в период позднего средневековья (По археологическим и этнографическим данным об украшениях) // Вопросы археологии и этнографии Чувашии Материалы чтений, посвященных памяти В.Ф. Каховского. Чебоксары: ЧГИГН. 2000. С. 51–64.

211. Татищев В.Н. История Российская. М.: Императорский Московский университет, 1768. Т. 1. 600 с.

212. Татищев В.Н. История Российская. М.: Императорский Московский университет, 1774. Т. 3. 530 с.

213. Татищев В.Н. История Российская. М.: Императорский Московский университет, 1784. Т. 4. 535 с.

214. Третьяков П.Н. Археологическая культура и этнические общности // Теоретические основы советской археологии. Л., 1969. С. 28–33.

215. Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары: ЧНИИ, 1948. 76 с.

216. Тростьянский О.В. Монеты Великого княжества Нижегородско-Суздальского 1410–1431 гг. М.: Нумизматическая литература, 2009. 180 с.

217. Трубе Л.Л., Шубин А.Ф. Краткий топонимический словарь топонимов Горьковской области / География Горьковской области. Горький, 1968. 10 с.

218. Трубникова Н.В. Могильник у д. Таутово. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // Учёные записки ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 16. 248–252.

219. Трубникова Н.В. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // Учёные записки ЧНИИ. Чебоксары, 1957. Вып. 16. С. 227–262.

220. Трубникова Н.В. Отчёт о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год // Вопросы археологии и истории Чувашии / Учёные записки ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. XIX. С. 38–81.

221. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территория. Казань: Татарское книж. изд-во, 1975. 220 с.

222. Фахрутдинов Р.Г. О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Археология и этнография Татарии. Казань: Татполиграф, 1971. С. 175–201.

223. Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

224. Фёдоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 94–192.

225. Федулов М.И. Изучение археологических памятников Чувашского Присурья в 1917–1980-х годах // Труды студентов и аспирантов исторического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 152–156.

226. Федулов М.И. Козловский комплекс памятников: предварительные итоги изучения // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории): материалы Всерос. научной конференции (Чебоксары, 12 ноября 2019 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С. 104–113.

227. Федулов М.И. Комплексный подход к изучению средневековых памятников Чувашского Поволжья // История Чувашии через призму комплексного подхода: от междисциплинарности к трансдисциплинарности: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения

Василия Димитриевича Димитриева (Чебоксары, 11 января 2024 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2024. С. 122–131.

228. Федулов М.И. Начальные этапы проникновения русских на территорию Чувашии // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и современность: Материалы Международной научно-практической конференции посвященной 450-летию вхождения удмуртского народа в состав Российского государства. Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2007. С. 89–91.

229. Федулов М.И. Новые археологические исследования памятников древности и средневековья Среднего Поволжья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 196 с.

230. Федулов М.И. О локализации удела князя Бориса Константиновича в Нижнем Присурье // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения). Сб. мат. Всерос. науч. конф. с межд. участием. Чебоксары: ИД «Среда», 2020. С. 203–207.

231. Федулов М.И. Погребальный обряд чувашей XVI–XIX вв. // Поволжская археология. – 2023. – №4 (46). – С. 47–65.

232. Федулов М.И. Сельская округа города Курмыш в XIV–XV вв. (по материалам памятников правобережья р. Сура) // Новгород земли Низовской. М.: ИА РАН, 2024. С. 108–120.

233. Федулов М.И. Средневековое городище у д. Козловка Ядринского района (к вопросу о русско-ордынском пограничье в Нижнем Присурье) Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции): статьи Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20 дек. 2016 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 185–187.

234. Федулов М.И. Средневековые памятники Чувашского Присурья // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. Книга 2. С. 104–114.

235. Федулов М.И. Финно-угорская топонимика Чувашского Присурья и данные археологии // Современные проблемы филологии Урало-Поволжья:

материалы межрег. научн.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. С. 274–278.

236. Федулов М.И. Чебоксары в XV–XVIII вв. // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Позднее средневековье (середина XV–XVII вв.). Казань: Изд-во АН РТ, 2022. Т. 7. С. 322–336.

237. Федулов М.И. Чувашское Присурье в X–XV веках (к постановке вопроса) // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 6. – С. 123–130.

238. Федулов М.И. Чувашско-марийские связи по данным материальной культуры // Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе: история и перспективы: сб. ст. науч. конф., посв. памяти профессора А.В. Арсентьевой / отв. ред. Л.П. Кураков. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 522–527.

239. Федулов М.И. Этноархеологические аспекты средневековой истории чувашского народа // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: сб. мат. Межрегион. научн.-практ. конф., посв. 85-летию со дня рожд. П.В. Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 141–147.

240. Федулов М.И. Этнокультурные компоненты в погребальном обряде чувашей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6. – Часть 3. – С. 53–61.

241. Федулов М.И., Волков А.В. Предметная коллекция могильника «Кукшылиды» в фондах Чувашского национального музея (по материалам раскопок П.П. Ефименко 1926 г.) // Поволжская археология. – 2013. – № 2. – С. 272–278.

242. Федулов М.И., Волков А.В. Чувашские и марийские средневековые могильники в зеркале этнокультурной истории // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев; ЧГИГН, МарНИИЯЛИ. – Чебоксары: ЧГИГН, 2019. – С. 87–94.

243. Федулов М.И., Иванов В.П., Денисов П.В. Особенности погребального

обряда нижнесурских могильников чувашей // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 2. – С. 103–107.

244. Федулов М.И., Семёнов А.А. Итоги и перспективы изучения городищ раннего железного века по материалам разведок в бассейне р. Сура // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: сборник материалов III Всеросс. науч. конф. с международным участием (Чебоксары, 29 сент. 2023 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2023. С. 206–212.

245. Федулов М.И., Семёнов А.А. Пространственный анализ расположения и топография городищ раннего железного века Чувашского Присурья // Поволжская археология. – 2018. – № 1 (23). – С. 137–149.

246. Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб., 1832. 113 с.

247. Хайретдинов Д.З. Земли Нижегородчины в сфере влияния постордынских государств (к вопросу о ранних этапах этногенеза нижегородских татар-мишарей) // Филология и культура. – 2015. – №1 (39). – С. 291–300.

248. Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Происхождение финноязычных народов. Учеб. пос. Казань: Изд-во Казанского университета, 1991. Ч. 1. 108 с.

249. Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Татарское книж. изд-во, 2002. 335 с.

250. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.

251. Хлебникова Т.А. Археологические памятники XIII–XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа: Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола, 1967. С. 85–92.

252. Шикаева Т.Б. Памятники XVI–XVII вв. Марийско-Чувашского Поволжья (к вопросу о культурно-этническом единстве) // Древние этнические процессы

Волго-Камья / Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1985. Вып. 9. С. 100–117.

253. Шитов В.Н. Расселение мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2000. С. 52–60.

254. Шнирельман В.А. Этноархеология // Этнография и смежные дисциплины, этнографические субдисциплины, школы и направления. Методы. М., 1988. С. 95.

255. Элле К.В. Клад джучидских монет в ЧувАССР // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1947. – Вып. XV. – С. 111–115.

256. Энколпионы и кресты-тельники XI – н. XVI вв. из археологической коллекции Владимиро-Суздальского музея заповедника. Каталог / Авт.-сост. А.Н. Муравьева. Владимир, 1999. 27 с.

257. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., Наука, 1988. 225 с.

258. Яворская Л.В. Система обеспечения городского населения Улуса Джучи продуктами питания // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи). Казань, 2022. С. 686–700.

[illegible]

Таблица 2. Соотношение основных групп керамики и примесей с селищ Выселок №1, Новая Екатериновка, Ильина Гора, Сареево и Козловское городище

Памятник	Раскопанная площадь (кв.м)	Примеси			Отдельные типы средневековой керамики					Количество фрагментов
		ракушка	шамот	песок	Золотоорд ынская	Белоглиня ная	Ангобиров анная	Поливная	Эпоха бронзы	
Поселения у д. Новая Екатериновка										
I	1	5 (25%)	9 (45%)	5 (25%)					1 (5%)	20
II	2	18 (38,3%)	10 (21,3%)	19 (40,4%)						47
III	2	86 (56,2%)	41 (26,8%)	25 (16,3%)	1 (0,7%)					153
IV	2	12 (37,5%)	11 (34,4%)	9 (28,1%)						32
Общее кол-во (средний %)	7	121 (48%)	71 (28,2%)	58 (23%)	1 (0,4%)				1 (0,4%)	252 (100%)
Поселения у д. Выселок №1										
I	12	222 (37,6%)	198 (33,6%)	156 (26,4%)	14 (2,4%)					590
II	8	20 (39,2%)	10 (19,6%)	20 (39,2%)	1 (2%)					51
III	3	6 (24%)	6 (24%)	6 (24%)	2 (8%)	5 (20%)				25
IV	11	175 (48,3%)	50 (13,8%)	118 (32,6%)	9 (2,5%)	3 (0,8%)			7 (1,9%)	362
V	7	38 (29,2%)	31 (23,9%)	56 (43,1%)	3 (2,3%)				2 (1,5%)	130
VI	3	3 (23,1%)	10 (76,9%)							13
VII	3	63 (37,3%)	29 (17,1%)	63 (37,3%)	2 (1,2%)	2 (1,2%)			10 (5,9%)	169
VIII	2	2 (40%)	1 (20%)	2 (40%)						5
Общее кол-во (средний %)	49	529 (39,3%)	335 (24,9%)	421 (31,3%)	31 (2,3%)	10 (0,7%)			19 (1,4%)	1345 (100%)

Таблица 2. Продолжение

Памятник	Раскопанная площадь (кв.м)	Примеси			Отдельные типы средневековой керамики					Количество фрагментов
		ракушка	шамот	песок	Золотоорд ынская	Белоглин ная	Ангобиров анная	Поливная	Эпоха бронзы	
Поселение Ильина Гора										
II	4	10 (15,1%)	38 (57,6%)	11 (16,7%)			3 (4,5%)	4 (6,1%)		66 (100%)
Козловское городище и поселение										
Шурф 2016 г.	2	10 (11,9%)	40 (47,6%)	33 (39,3%)	1 (1,2%)					84
Раскоп 2018 г.	40	110 (19,8%)	292 (52,6%)	149 (26,9%)	4 (0,7%)					555
Шурфы 2023– 2024 г.	10	98 (25,8%)	227 (59,7%)	46 (12,1%)	9 (2,4%)					380
Общее кол-во (средний %)	52	218 (21,4%)	559 (54,8%)	228 (22,4%)	14 (1,4%)					1019 (100%)
Поселение Сареево										
III	4	2 (1,5%)	36 (26,7%)	95 (70,4%)	1 (0,7%)				1 (0,7%)	135 (100%)
Всего фрагментов (средний %)		880 (31,2%)	1039 (36,9%)	813 (28,9%)	47 (1,7%)	10 (0,4%)	3 (0,1%)	4 (0,1%)	21 (0,7%)	2817 (100%)

Таблица 3. Соотношение групп керамики Козловского городища и поселения Курмыш 4⁴⁴⁴.

№	Группы	Количество (%)	
		Козловское городище (выборка из 130 венчиков и донцев)	селище Курмыш 4 (всех фрагментов)
1.	Круговая с примесью раковины	34 (26,1%)	8994 (50,5%)
2.	Круговая с примесью дресвы или песка	35 (26,9%)	5291 (29,7%)
3.	Круговая с шамотом	39 (30%)	1645 (9,2%)
4.	Лепная	15 (11,5%)	1416 (7,9%)
5.	Краснолощёная (золотоордынская)	5 (3,8%)	399 (2,2%)
6.	Гончарная с дроблёным железным шлаком	1	12
7.	Гончарная с аргиллитом	1	4

⁴⁴⁴ Анализ проведён сотрудником Института археологии РАН, к.и.н. Н.Н. Грибовым.

Таблица 4. Анализ выборки из 10 фрагментов керамики с дроблёной раковиной с Козловского городища в сочетании других примесей (материалы 2016 г.)⁴⁴⁵

фрагмент	Примеси				
	Шамот	Раковина	Песок	Навоз	Органика
фрагмент венчика		+	+		
фрагмент венчика		+	+	+	
фрагмент стенки		+	+		
фрагмент стенки		+			
фрагмент стенки	+	+			+
фрагмент стенки		+	+		+
фрагмент стенки		+			+
фрагмент стенки	+	+	+		
фрагмент стенки		+			+
фрагмент стенки		+	+	+	

Таблица 5. Распределение керамики по типам орнамента

	Курмыш 4		Козловское городище			Ильина Гора 2			1–8 Выселок №1			1–4 Н. Екатерин овка			
Орнамент	Отощитель														
	Раковина	Дресва или песок	Раковина	Дресва или песок	Шамот	Раковина	Дресва или песок	Шамот	Раковина	Дресва или песок	Шамот	Белоглиняная	Раковина	Дресва или песок	Шамот
линейный разреженный	81 (68,6%)	267 (73,5%)							3	1				3	
волнистый	35 (29,7%)	78 (21,5%)								2	1			1	
линейно- волнистый	2 (1,7%)	15 (4,1%)													
тычковый	0	3 (0,9%)		7	2										
Линейный частый								1	1			3			
Доля фрагментов с орнаментом	118 из 8485 (1,4%)	363 из 4927 (7,4%)	0,8% (9 из 1019)			1,5% (1 из 66)			2,3% (11 из 466)			3	1,5% (4 из 262)		

⁴⁴⁵ Анализ проведён сотрудником Института истории и археологии Поволжья (г. Самара) И.Н. Васильевой.

Таблица 6. Сводная таблица керамики поселений Курмыш 2 и 4, Кекино и Мурзицы (по Н.Н. Грибову).

	Группы керамики (основная характеристика примесей, датировка)	Курмыш IV шурф 2007 г.	Курмыш IV		Курмыш-2	Кекино	Мурзицы 1 2008 г.			
			Раскоп 1 2008 г.	Раскоп 2 2009 г.			Раскоп	Участок 1	Участок 2	
Лепная	I. С примесью шамота и раковины (мордовская нач. II тыс. н.э.)	259 (14,1%)	892 (7,3%)	524 (9,4%)	2	11 (12,5%)	27 (14%)	12 (5,6%)	4 (5,6%)	
Круговая	II. Русская (всего)	1585 (85,9%)	11325 (92,6%)	5072 (90,6%)		77 (87,5%)	653 (96%)	202 (94,4 %)	67 (94,4%)	
	2.1. С дресвой или песком (сер. XIV – нач. XV вв.)	564 (30,6%)	3661 (29,9%)	1630 (29,1%)	1	19 (21,6%)	187 (27,5%)	29 (13,5 %)	13 (18,3%)	
	2.2. С мелкозернистым песком XV – нач. XVI вв.	19 (1%)				25 (28,4%)	67 (9,9%)	33 (15,4 %)	18 (25,3 %)	
	2.3. С примесью железного шлака или шлака и шамота	2 (0,1%)		12 (0,2%)		13 (14,8%)				
	2.4. Чёрнолощёная XIII–XIV вв.		37 (0,3%)	4 (0,07 %)			67 (9,9%)			
	2.5. Чёрнолощёная XIV – нач. XVI вв.					4 (4,5 %)		25 (11,7 %)	4 (5,6%)	
	2.6. Поливная XIV – нач. XV вв.		1 (0,01%)							
	2.7. Белоглиняная ранняя			8 (0,1%)		4 (4,5%)	37 (5,4%)	13 (6,1%)	1 (1,4 %)	
	2.8. Кирпично-красная с ангобом XVIII в.	10 (0,5%)	13 (0,1%)	3 (0,05%)			4 (0,6%)	3 (1,4%)	2 (2,8%)	
	2.9. Морёная XVII–XIX вв.					3 (3,4 %)	42 (6,1 %)	10 (4,7%)	1 (1,4%)	
	III. «Славяноидная» с раковиной XIII–XIV вв.	774 (42%)	6096 (49,9%)	2898 (51,8%)	2	3 (3,4 %)	9 (1,3%)	7 (3,3 %)	4 (5,6%)	
	IV. Мордовская с примесью шамота	92 (4,9%)	1247 (10,2%)	398 (7,1%)	1	6 (6,8 %)	30 (4,4%)	7 (3,3%)	12 (16,9%)	
	V. С примесью песка, аргиллита толчёных белемнитов, аммонитов						117 (17,2%)	39 (18,2%)	5 (7 %)	
	VI. Кашинная			2 (0,03%)						
	VII. Краснолощёная (золотоордынская):	с лощением	124 (6,7%)	283 (2,3%)	116 (2,1%)			34 (5 %)	7(3,3%)	2 (2,8 %)
		без лощения					3 (3,4 %)	56(8,2%)	29(13,5 %)	5(7 %)
		Всего:	1844	12230	5599	6	88	680	214	71

Таблица 7. Таблица керамики с Таутовского поселения раскопок 1956 г.

Селище Таутово			
		Кол-во фрагментов	% от общего числа
1.	Золотоордынская	37	3,34%
2.	Славяноидная (с примесью раковины)	135	16,7%
	Средневековая	698	64,1%
3.	Эпоха бронзы	220	15,5%
	Всего:	1090	100%

Таблица 8. Сводная таблица керамики поселений Порецкое и Антипинка (по В.Ф. Каховскому)

	Селище/керамика	Порецкое поселение	Поселение Антипинка	Антипинка Подъемный материал 2016 г.
Гончарная	бурая	2401 (68,3%)	909 (21,5%)	
	серая	335 (9,5%)	278 (6,5%)	
	чёрнолощённая	87 (2,5%)	2192 (51,7%)	11 (13,9%)
	грубокрасная	116 (3,3%)		
	кирпично-красная	33 (>1%)	247 (5,9%)	
	жёлтая	14 (>1%)		
	серая поливная	1 (>1%)		
	коричневая	5 (>1%)	441 (10,4%)	
	кашиная поливная	1 (>1%)		
	белоглиняная		50 (1,2%)	1 (1,3%)
Лепная	белоглиняная	1 (>1%)		
	светло-красная	522 (14,8%)		
	чёрная		98 (2%)	
	бурая		34 (0,8%)	
	Всего:	3516 (100%)	4249 (100%)	79 (100%)

Таблица 9. Сводная таблица керамики из раскопок в черте г. Алатырь
(по А.В. Вискалину).

	Группы керамики (основная характеристика примесей, датировка)	Подъёмный материал	Зачистка 1	Шурф 1	Шурф 2	Шурф 3	Кол-во (%)
1.	Белая XVI–XVII вв.	1		14			15 (3%)
2.	Коричнево-чёрная с песком XVI–XVIII вв.	15		68		8	91 (18,1%)
3.	Коричнево-чёрная с опокой XVII–XVIII вв.	16		106	11	31	164 (32,7%)
4.	Красно-коричневая	7					7 (1,4%)
5.	Красно-коричневая керамика с песком		8	53			61 (12,2%)
6.	Красно-коричневая керамика с опокой XVI–XVIII вв.			22		19	41 (8,2%)
7.	Поливная с коричневатой поливой XVIII в.	4		5		15	24 (4,8%)
8.	Поливная керамика (зелёная полива) XVIII в.				1	1	2 (0,4%)
9.	Поливная керамика (бесцветная полива)				8		8 (1,6%)
10.	Чёрная лощеная керамика XVI–XVII вв.			1			1 (0,2%)
11.	Серая мореная керамика XVII в.	9		48	3	13	73 (14,5%)
12.	Ангобированная керамика XVI–XVII вв.			2			2 (0,4%)
13.	Фаянсовая посуда		1		2		3 (0,6%)
14.	Булгарская керамика X–XIII вв.		8	2			10 (0,2%)
	Всего:	52	17	321	25	87	502 (%)

Таблица 10. Сводная таблица керамики Устиновского селища
(по В.Ф. Каховскому)

Слой	Лепная (7,7%)			Гончарная (92,3%)				
	жёлтая	коричневая	чёрная	жёлтая	коричневая	красная	чёрная	серая
I	4	7	1	48	39	26	4	4
II			4	42	53	10	16	
III	3			21	14	5	7	4
Сооружения								
I	3			3	16			
II		4		7		1	1	
III	2			6	4			2
Всего:	12	11	5	127 (38%)	126 (38%)	42 (13%)	28 (8%)	10 (3%)

Таблица 11. Распределение керамики селища Красное Селище по группам (по А.И. Михеевой).

Группы керамики по основной характеристике примесей	Лепная керамика	Круговая (864 фр.)			
		Примитивная круговая	Славяноидная	Русская	Булгарская
Шамот	14 (14,1%)				
Дресва	11 (11,1%)	87 (10,07%)		158 (18,28%)	
Раковина	6 (6,1%)	18 (2,08%)	17 (1,97%)		
Песок	13 (13,1%)	58 (6,7%)		161 (18,63%)	9 (1,04%)
Шамот+раковина		9 (1,04%)	5 (0,58%)		
Шамот+дресва	36 (36,4%)	67 (7,75%)	101 (11,69%)		
Раковина+дресва	2 (2,0%)	20 (2,31%)	13 (1,50%)		
Шамот+песок	17 (17,2%)	51 (5,90%)	78 (9,03%)		
Раковина+песок			12 (1,39%)		
Всего:	99 (100%)	310 (35,85%)	226 (26,16%)	319 (36,91%)	9 (1,04%)

Таблица 12. Таблица кладов и отдельных находок монет, найденных на территории Нижегородской области, Ульяновской области и Чувашской Республики

Чувашская Республика					
	Клад/Памятник	Кол-во	Датировка монет	Наличие русских монет	Время тезаврации
1.	Утюжское поселение, Алатырский район	2	1310–1311 г.		
2.	Испуханский клад, Красночетайский район	27	–		
3.	Тихомировский клад, Порецкий район	489	1291–1368 гг.		1357–1380 гг.
4.	Тихомировское (Ряпинское) поселение, Порецкий район	2	1347–1348 гг.	1	
5.	Альменевский клад, Козловский район	216	1266–1290 гг.		1274 г.
6.	Досаевский клад, Красноармейский район	598	1291–1395 гг.	+	последняя четверть XIV в.
7.	Второй Досаевский клад, Красноармейский район	265	1399–1419 гг.	+	

Таблица 12. Продолжение

	Клад/Памятник	Кол-во	Датировка монет	Наличие русских монет	Время тезаврации
8.	Нимичкасинский клад, Красноармейский район	558	1399–1445 гг.	+	XV в.
9.	Козловское городище, Ядринский район	1	1360-е гг.		
10.	Селище I Выселок №1, Ядринский район	1	1340–1356 гг.		
11.	Селище IV Выселок №1, Ядринский район	1	1346–47 гг.		
12.	Селище V Выселок №1, Ядринский район	1	1339-1341		
13.	Селище VII Выселок №1, Ядринский район	2	Кон. XIV в.		
14.	Селище Ильина Гора, Ядринский район	3	Кон. XIV в.	2	
15.	Селище Сареево 4	2	1350-52 гг.		
Нижегородская область					
16.	Лекаревский клад, Пильнинский район	22	1310–1321 гг.		первая четверть XIV в.
17.	Селище Курмыш–4 Пильнинский район	9	1315–1363 гг.		60–90-х гг. XIV в.
18.	Ветошкинский клад, Арзамасский район	1831	1310–1365 гг.		1368–1369 гг.
	Клад у с. Большая Уда, Гагинский район	165	XIV в.		
19.	Гагино (с могильника) Сергачский район	9	1316–1363 гг.		1363–1365 гг.
20.	д. Большая Андреевка Княгининский район	29		+	1425–1446 гг.
21.	д. Ожгибовка Пильнинский район	782	1310–1392 гг.	+	1390-е гг.
22.	Теплый Стан (ныне с. Сеченово) Сеченовский район	79	1313–1380 гг.		1370-е гг.
23.	Пильнинский район	10	1402–1414 гг.		1410 -е гг.
24.	Разнежье Воротынского района	416	1349–1368 гг. Токты до Абдаллаха		1368–1371 гг.
25.	с. Ильинское Починковского района	42	1341–1395		конец XIV – начало XV в.
Ульяновская область					
26.	Селище Сара 5 Сурский район	13	1320–1360-е гг.		

Таблица 13. Находки железных цилиндрических замков, ключей и дужек на присурских памятниках

[illegible]

Таблица 14. Устройство могильных ям и положение костяка в могильниках чувашей XVI–XIX вв.

№ на карте	Название могильника	Могильная яма										Положение костяка							
		Кол-во учтенных погребений	Ориентировка	Камен. надгробия	Форма ямы	Дно/стенка	Подбой и заплечики	Свободное место	Гроб (деревянная конструкция)	Столб (юпа)	Кенотаф	Скорченное	Полуповоротное	Положение рук:	Вдоль тела	На груди	На тазу	На животе	Не прослежено
1	Акулевский	1											одна	1			1		
3	Бахтигильдинский (северная часть)	66	250–295	10			5	8	3	3		1	две	19		3	1	38	
4	Большекарачкинский	1	С										одна	5	1	2		4	
5	Большемеминский	47	225–300			1		5	2			1	две	24		2	2	9	
													одна	9		6		3	
8	Верхнеачакский	80	250–330	30			14	1		3	1	1	две	17		3		45	
													одна	5		4		5	
9	Верхнемагазский	2	ЮЗ				1						две	1				1	
11	Икковский	15	СЗ, 3							5			две	2		2			
12	Калугинский	3	3, СЗ					1					две	2		2			
13	Каракловский	1	ЗСЗ				1	1					две			1			
14	Карачевский	1	С–СВ	+									две	+					
15	Каршлыхский	25	255–355					1		1		2	две	5					
													одна						
16	Катергинский «Ача	1	С, СЗ					+											
17	Катергинский «Тупах масарё»	1	С, СВ, СЗ	+				+					две	+		+			
20	Малоарабузинский	3	З					3					две	2				1	
21	Мартыновский	91	250–312	+	6	1	1	38	12	4	8		две	46		4		19	
													одна	6		6	1	3	
22	Мусирминский	1	270	+				1					одна	1		1			
23	Нижнекожарский	3	СВ/СЗ					+					две	2				1	
24	Новоахпердинский	38	240–270	+				6	29	3		2	две	20				4	
													одна	10		8	1	3	
25	Новосюрбеевский	22	245–286	2	2	2	9	16	7				две	10				8	
													одна	4		3			
26	Новоядринский	108	235–288	20	2	2	59	8		1	2	1	две	36		6		40	
													одна	16		13		6	
27	Орнарский	1	270										две	1					
29	Полевокозыльярский	11	265–290	+				4	5	4			две	1		3			
													одна	1		1			
30	Староурмарский	2	360, 295	+				2	2				две			1			
													одна	1		1			
31	Старошаймурзинский	2	280, 276					1	2				одна	1	1	1		1	
32	Старошелканский	1	265				1		1				две					1	
33	Татмыш-Югелевский	4	3, ЮЗ, СЗ										две	1*					
													одна	1*					
34	Таушкасинский	4	З					2					две	1				2	
35	Тебикасинский	5	275–300					2					две	1		2		1	
													одна	1		1			
36	Тегешевский	35	256–284	+	1			21	9	1	2		1	две	4		7	8	2
													одна	10	1	7	5	1	

Таблица 14. Продолжение

		Могильная яма										Положение костяка								
№ на карте	Название могильника	Кол-во учтенных погребений	Ориентировка	Камен. надгробия	Форма ямы	Дно/стенка	Подбой и заплечики	Свободное место	Гроб (деревянная конструкция)	Столб (юпа)	Кенотаф	Скорченное	Полуповоротное	Положение рук:	Вдоль тела	На груди	На тазу	На животе	Не прослежено	
37	Толиковский	103	270–335		1Θ		1?	21	46		2		1	две одна	36 18			7 12		40 6
38	Чегедуевский	1	270					1	1					одна	1			1		
39	Чирш-Сирминский	2	240, 280											две	2					
40	Юнгапосинский	17	320–345							1			1	две одна	4 4			1 1		
42	Яндашевский	1	С, СВ																	
43	Яншиховский		ЮЗ						+					две	1					
	Итого:	699												две одна	239 (13,6 %)	(34,2 %)	- (0,4 %)	44 (6,3 %)	11 (1,6 %)	211 (30,2 %)
				8 (1,1 %)	7Θ и 9☒ (1 и 2,3 %)	3 (0,4 %)	7 (1 %)	186 (26,6 %)	157 (22,5 %)	25 (3,6 %)	25 (3,6 %)	3 (0,4 %)	11 (1,6 %)	95 (13,6 %)	3 (0,4 %)	68 (9,7 %)	8 (1,1 %)	32 (4,6 %)		

Условные обозначения:

Θ – овальная форма ямы;

☒ – не прямоугольная яма;

└ – сужающиеся стенки;

* – условные (учтенные) единицы.

Таблица 15. Погребальный инвентарь в могильниках чувашей XVI–XIX вв.

№ на карте	Название могильника	Элементы костюма										Инвентарь										Следы тризны						
		перстни и кольца	браслет	серьги	ама	тухья и хушпу	железная пряжка	крестик нательный	пуговицы	подковы обувные	накосник (хуре)	сюльгама	монеты	нож	кресало	кремь	стрела	обломок косы	обломок серпа	топор	игла	ножницы	гвозди	пряслище	керамика	кости лошади	кости птицы	угли и зола
1	Акулевский									1	1		1	1				1										
3	Бахтигильдинский (северная часть)	7					7			2	4	1	20	30	10	3			2		1						13	
4	Большекарачкинский										1			1											1			
5	Большемеминский	2	1	5					3	1	4	3	19	21	6	2					1					1	9	
8	Верхнеачакский	11	9	4		2	9		3	9	6	13	40	48	15	3	2		5				1	2		2	1	
9	Верхнемагазинский										1	1	2	2														
10	Вурмерский												1															
11	Икковский								2	1			4	5				1							3	1	3	
12	Калугинский	1					1		1					2		1												
13	Каракловский														1	1												
14	Карачевский												+	+														
15	Каршлыхский	2	2	1					1		1	3	4	18	2	2	2			2		1					3	
16	Катергинский масарё» «Ача												+	+														
17	Катергинский масарё» «Тупах	5	+										+	+														
19	Кочинский												1	1														
20	Малоарабузинский								1				3				1										2	
21	Мартыновский	9			2				10		3	5	23	38				1	2						4		3	
22	Мусирминский	1							1				1															
23	Нижекожарский						1				1			2														
24	Новоахпердинский	6							4		1		29	15				1			1					1	6	
25	Новосюрбеевский	5	1	1			3		5	2	10	2	13	9		1		3									5	
26	Новоядринский	19	5	11	2	7	12		8	11	21	9	60	80	20	26	22		5	1	1		7	3	2	3	1	
	Предметная коллекция 1972 г.			2			1		2	1	2	5	30*	10		4					1				1		-	
27	Орнарский												1					+									1	
29	Полевокозыльярский	3							2			1	4	6	1					1								
30	Староурмарский	1											1	1													1	
31	Старошаймурзинский												1	1														
32	Старошелканский												1	1														
33	Татмыш-Югелевский												2*	4*														
34	Таушкасинский												2	2	1												1	
35	Тебикасинский							1	1		3	1	4	4											1	1	3	
36	Тегешевский	3		1						1	1		4	5			1											
37	Толиковский	11	5	2	3		6	1	1	5	17	12	38	63	15	6	8	1	5			1	4		1	2	4	
38	Чегедуевский							1	1				1	1														
39	Чирш-Сирминский	1							1	1	1		1	2													1	
40	Юнгапосинский		1	1					2	1	1		5	4		1						1				1		
41	Ядриновский										1			1														
42	Яндашевский	6	2		2				2	2	7	9	9	7	1	1	1	4				1				1		
43	Яншиховский		+											1														
	Итого:	93	26	28	9	9	40	3	48	40	88	65	325	390	72	51	37	7	24	4	5	4	12	5	9	17	2	143

Условные обозначения:

+ – количество найденных экземпляров не известно;

* – условные (учтённые) единицы.

Географический указатель населенных пунктов и привязанных к ним археологических объектов

1. **Алатырь** – город в Алатырском районе Чувашской Республики (левый берег р. Сура, устье р. Алатырь). Русская крепость основана Иваном IV Грозным в 1552 г. во время похода на г. Казань. Остатки укреплений, разрушенные при строительстве, осматривал Л.А. Иванов в 1960 г.⁴⁴⁶. В 2008 г. А.В. Вискалиным было проведено археологическое обследование исторического центра города и описаны сохранившиеся остатки земляных укреплений⁴⁴⁷.

2. **Алгаши** (Чувашские, Русские, Большие) – селения Шумерлинского района Чувашской Республики, на правом берегу р. Алгашка, правого притока р. Сура. Селение Алгаш упоминается в духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1406 г.

3. **Антипинка** – село Порецкого района Чувашской Республики (левый берег р. Меня, левого притока р. Сура)⁴⁴⁸. Раскопками В.Ф. Каховского в 1978 г. у села изучено русское поселение XVI–XVII вв. На поселении «Жилище» обнаружено одиночное погребение, совершённое не по христианскому обряду. Поселение обследовалось М.И. Федуловым и С.А. Семёновым в 2018 г.

4. **Балдаево** – деревня в Ядринском районе Чувашской Республики, правый берег р. Сура. П.Н. Третьяковым раскопано 4 погребения XVIII в. на могильнике близ деревни⁴⁴⁹.

5. **Барышская Слобода** – село в Сурском районе Ульяновской области, на левом берегу р. Сура, напротив устья р. Барыш. Селение Барыш упоминается как одно из русских поселений, существовавшее в XIV–XV вв.

6. **Васильсурск** – посёлок городского типа в Воротынском районе Нижегородской области, на правом берегу р. Сура, при впадении её в р. Волга. Васильсурск основан как русская крепость в 1523 г. царем Василием III

⁴⁴⁶ Иванов Л.А. Материалы обследования котлована, подготовленного для закладки фундамента Алатырского релейного завода (1960 г.) // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1018. Инв. №4091–4096. 5 л.

⁴⁴⁷ Вискалин А.В. Отчёт об археологическом обследовании исторического центра Алатыря // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Л. 13–14.

⁴⁴⁸ Каховский В.Ф. Исследования Чувашской археологической экспедиции 1978 года // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 6973. 18 л.

⁴⁴⁹ Третьяков П.Н. Предварительный отчёт о работе Средне-Волжской экспедиции ГАИМК в ЧувАССР в 1930 году // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 81. Инв. №196. Л. 296–297 об.

Ивановичем. Васильсурское V городище «Репище» – городище раннего железного века на котором выявлены напластования XI–XIII вв. Исследовалось Т.Б. Никитиной в 1980, 1991–1993 гг.⁴⁵⁰.

7. **Верхние Ачаки** – деревня, левый берег р. Выла, правого притока р. Сура. Ядринский район Чувашской Республики. Чувашский могильник изучался в 1956 г. П.Д. Степановым и Б.В. Каховским в 1989–1991 гг. Исследовано 80 погребений, хронологически охватывающих XVI–XVIII вв.⁴⁵¹.

8. **Ветошкино** – село в Гагинском районе Нижегородской области. У села найден клад из 1831 дирхама чеканки 1310–1365 гг.⁴⁵².

9. **Выселок №1 (Угор)** – деревня в Ядринском районе Чувашской Республики (правый берег р. Сура). У деревни М.И. Федуловым в 2017, 2023 гг. изучалось поселение XIV–XV вв. Поселение занимает несколько площадок по берегам большого оврага, устьем выходящего к р. Сура. Поселениям присвоен номер от 1 до 8. Поселения 1–3, вероятно, являлись центральными в этой группе. Они отличались большой площадью и количеством домовых ям.

10. **Дружково** – деревня Старое Дружково Спасского района Нижегородской области (правый берег р. Урга, левого притока р. Сура). Селище Дружково II XIV–XVII вв. обследовалось А.И. Лопатиным в 1977 г. Найдены обломки гончарной позднесредневековой посуды, в т.ч. с красным ангобом и следами глазури, датированной XVI в.⁴⁵³.

11. **Ивановское** – село Ивановское Спасского района Нижегородской области (правый берег р. Урга, левого притока р. Сура). Ивановское III селище датируется XIV–XVI вв. Обследовалось А.И. Лопатиным в 1977 г.⁴⁵⁴.

12. **Иваньково-Ленино** – село, левый берег р. Сура. Алатырский район Чувашской Республики. О могильнике у д. Иваньково-Ленино Алатырского

⁴⁵⁰ Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. М., 2004. Ч. 1. С. 187–188.

⁴⁵¹ Каховский Б.В. Исследования Чувашской археологической экспедиции в Ядринском районе Чувашской АССР в 1989 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 16919. 22 л.; Каховский Б.В. Отчёт об исследованиях Чувашской археологической экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 16780. 15 л.; Каховский Б.В. Отчёт об исследованиях Чувашской экспедиции. 1990 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 15857. 16 л.; Каховский В.Ф. Исследование языческого могильника близ д. Верхние Ачаки Ядринского района // Вопросы археологии и антропологии Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 3–20.

⁴⁵² Петров П.Н. Клады джучидских монет на территории Нижегородской области // VII Халиковские чтения. Казань: Казанская недвижимость, 2017. С. 276–277.

⁴⁵³ Лопатин А.И. Отчёт об археологической разведке в Горьковской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №6829. Л. 3–4.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 4.

района доподлинно известна лишь датировка керамики (рубеж I–II тыс. н.э.) и ориентировка погребений по линии запад-восток⁴⁵⁵.

13. **Ильина Гора** – село, расположено на правом берегу р. Сура, Ядринский район ЧР. Подъёмный керамический материал (местонахождение 1–4) собирался в окрестностях села Е.П. Михайловым⁴⁵⁶, А.А. Семёновым и М.И. Федуловым⁴⁵⁷. В.Ф. Каховским описано поселение на северной окраине⁴⁵⁸. Керамический материал представлен фрагментами золотоордынской керамики и русскими сосудами XVI–XIX вв. Ильиногорское 2 поселение изучалось М.И. Федуловым в 2017, 2023 гг.

14. **Испуханы** – деревня, расположено на правом берегу р. Мочкаушка, правого притока р. Сура. Клад из 27 серебряных золотоордынских монет описывается в работе В.Н. Поливанова⁴⁵⁹.

15. **Калугино** – деревня, правый берег р. Сура. Красночетайский район Чувашской Республики. Калугинский могильник изучался Е.П. Михайловым (3 погребения XVII–XVIII вв.)⁴⁶⁰.

16. **Караклово** – деревня, правый берег р. Сура. Аликовский район Чувашской Республики. Могильник осматривался в 1954 г. П.Д. Степановым⁴⁶¹.

17. **Бекино** – деревня Бекино Воротынского района Нижегородской области (левый берег р. Урга, левый берег р. Сура). Селище Бекино 3 обнаружено и впервые обследовано Н.Н. Грибовым в 2008 г. Датируется двумя периодами – XIV–XVI вв. и XVIII–XX вв. и интерпретирован как рыбацкая тонь или иное промысловое поселение, входящее в домен городецкого князя Бориса Константиновича⁴⁶².

⁴⁵⁵ Григорьев П.Г. Обследование древнего кладбища обнаруженного у с. Иваново-Ленино Алатырского района (1956 г.) // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 1952. Инв. №7868. Л. 100–108.

⁴⁵⁶ Михайлов Е.П. Отчёт о результатах археологической разведки проведенной летом 1986 г. в Ядринском, Чебоксарском и Моргаушском районах Чувашской АССР. Л. 17.

⁴⁵⁷ Семёнов А.А. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Чувашской Республики в 2013 году // Архив ИА РАН. Ф. I. Р. 1. Д. без номера. Л. 10–13, 16.

⁴⁵⁸ Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 80. С. 3–18.

⁴⁵⁹ Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии... С. 53.

⁴⁶⁰ Михайлов Е.П. Разведочные работы 1986–1988 годов в районах Чувашии (материалы к археологической карте ЧССР) // Вопросы археологии и антропологии Чувашии. Сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 54.

⁴⁶¹ Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского государственного педагогического института летом 1954 года в пределах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф. I. Р. 1. Д. 990. 1954. Л. 12, рис. 59.

⁴⁶² Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском и Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Р-1. Л. 69–72.

18. Клад с территории Пильненского района (без привязки к населенному пункту) Нижегородской области. Клад найден случайно на распашке в 2001 г. Состав клада – 10 серебряных монет: Булгар – Джалал ад-Дин 814/1411–1412 г. (2 экз.); Шадибек 805/1402–1403 г. (2 экз.); Пулад год утрачен (4 экз.) + «Раджан» Пулад (1 экз.); Тимур(?) год утрачен (1 экз.). Время тезаврации – второе десятилетие XV в.⁴⁶³

19. **Козловка** – деревня Ядринского района Чувашской Республики (правый берег р. Сура). Козловское городище открыто в 2016 г. М.И. Федуловым⁴⁶⁴. В 2017–2019 гг. было проведено определение границ и пробные раскопки, выявившие комплекс памятников XIV–XV вв., состоящий из городища, поселения, могильника и жертвенника XVII–XVIII вв. В 2018 г. раскопки проходили на территории могильника под руководством Б.С. Соловьёва и М.И. Федулова. Могильник предварительно отнесён к числу русских возникших не ранее XV вв.⁴⁶⁵.

20. **Козловка** – село в Порецком районе Чувашской Республики (левый берег р. Сура). У села и на его территории В.Ф. Каховским собраны фрагменты болгарской керамики (Козловское 1 и 2 местонахождение). На территории одного из огородов ежегодно выпаживались многочисленные фрагменты керамики и вещи. В 2009 г. данное место осматривалось Е.П. Михайловым⁴⁶⁶. Предварительная датировка находок XIII–XV вв.

21. **Красная Горка** (бывшая Скучиха) – деревня, правый берег р. Меня, левого притока р. Сура. Порецкий район ЧР. У деревни В.Ф. Каховский находил болгарскую керамику.

22. **Красное Селище** – деревня в Горномарийском районе Республики Марий Эл, на правом берегу р. Сура. Поселения Красное Селище 2–5 были

⁴⁶³ Петров П.Н. Клады джучидских монет на территории Нижегородской области // VII Халиковские чтения: средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации. Казань: Казанская недвижимость, 2017. С. 277.

⁴⁶⁴ Федулов М.И. Средневековое городище у д. Козловка Ядринского района (к вопросу о русско-ордынском пограничье в Нижнем Присулье) // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции): статьи Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 185–187.

⁴⁶⁵ Федулов М.И. Результаты археологических исследований ЧГУ им. И.Н. Ульянова 2017–2018 г. // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России: материалы Междун. научн.-практ. конф., посв. 90-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 28–29 сентября 2018 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 246–247.

⁴⁶⁶ Археологическая карта Чувашской Республики: науч.-справ. изд. под ред. Е.П. Михайлова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. Т. 2. С. 152–153.

открыты в 1991 г. В.В. Никитиным, раскапывались В.В. Никитиным и Т.Б. Никитиной в 1995–1998 гг. На поселении Красное Селище 2 изучено 470 кв. м. Памятники датируются XIII–XV вв.⁴⁶⁷

23. **Красный Ватрас** – село в Спасском районе Нижегородской области на правом берегу р. Урга, левого притока р. Сура. Поселение обследовалось А.И. Лопатиным в 1977 г. и А.Н. Сорокиным в 1999 г. Найдены обломки лепной посуды с примесью шамота XII–XIV вв. и гончарной позднесредневековой XVI–XVII вв.⁴⁶⁸.

24. **Курмыш** – городище на территории с. Курмыш в Пильнинском районе Нижегородской области (левый берег р. Сура). Культурный слой XIV–XVIII вв. исследовался И.А. Кирьяновым в 1948 и 1960 гг., И.А. Очеретинным в 1991 г.⁴⁶⁹, Ф.А. Ахметгалиным и А.Г. Ситдиковым в 2014 и 2018 гг.

25. **Курмыш** – поселок в Пильнинском районе Нижегородской области (левый берег р. Сура). Поселение Курмыш 4 XIV–XV вв., расположено в 3 км к СЗ от одноименной крепости. Открыто в 1984 г. М.Г. Жилиным, который зафиксировал компактное скопление средневековых поселений – Курмыш 1–5⁴⁷⁰. В 2001 г. они были повторно обследованы (без проведения земляных работ) экспедицией под руководством В.А. Флягина⁴⁷¹. М.Г. Жилиным памятники были охарактеризованы как небольшие русские (или русско-мордовские) селища XIV–XV вв. или XV–XVI вв. с размерами от 600 кв. м (Курмыш 3) до 3000 кв. м (Курмыш 1).

При обследовании селищ в 2007 г. Н.Н. Грибовым выяснилось, что площадки четырёх из них (Курмыш 1, 2, 4, 5) представляют собой небольшие участки одного большого памятника, который был обозначен как поселение Курмыш 4³.

⁴⁶⁷ Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. С. 47–48; Никитина Т.Б. Древнемарийское селище XIII–XIV вв. // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. Сб. ст. Йошкар-Ола, 2000. С. 51–59.

⁴⁶⁸ Лопатин А.И. Отчёт об археологической разведке в Горьковской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №6829. Л. 4–5; Сорокин А.Н. Отчёт о раскопках в Сергиев-Посадском районе Московской области и разведках в Нижегородской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №22050. Л. 33.

⁴⁶⁹ Кирьянов И.А. Отчёт о полевых исследованиях в Горьковской области в 1948 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. №223. Л. 17–18; Очеретин И.А. Отчёт о работе нижегородской археологической службы в 1991 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Т. 3. Л. 15–30; Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. М., 2004. Ч. 1. С. 297–298.

⁴⁷⁰ Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. М., 2004. Ч. 1. С. 298, 299.

⁴⁷¹ Флягин В.А. Отчёт об археологических исследованиях на территории Нижегородской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №26909.

³ Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Богородском и Пильнинском районах Нижегородской области в 2007 году // Архив ИА РАН. Р-1. 192 с.

На поселении проведены раскопки в 2008 и 2009 г.⁴⁷² на поселении Курмыш 2 в 2008 г.⁴⁷³.

26. Луговое городище (Погореловка) – городище XIV–XVII вв. на территории Сергачского района Нижегородской области (левый берег р. Пьяна, левого притока р. Сура). Обследовалось П.А. Кирияновым в 1960 г. По его мнению, городище являлось одной из пограничных крепостей-острожков на Пьяно-Сурской границе Русского государства в XIV–XVI вв.⁴⁷⁴.

27. Мирёнки – село Алатырского района Чувашской Республики (левый берег р. Сура). Могильник не исследовался раскопками и в течение долгого времени подвергался разграблению⁴⁷⁵. Часть предметов из погребений хранится в экспозиции Алатырского краеведческого музея (браслеты, скульгамы, медный гребень, бусы, перстни, раковины каури)⁴⁷⁶. Все они имеют аналогии в предметных комплексах памятников мордвы-эрзя и могут датировать его. Наиболее чётко датируемыми являются скульгамы, подобные которым, найдены в погребениях Тоторшевского могильника XIV–XVII вв.⁴⁷⁷.

28. Мочкасы – деревня в Порецком районе ЧР, на правом берегу р. Киша, левого притока р. Сура. У деревни В.Ф. Каховский находил болгарскую керамику.

29. Мурзицы – село, расположено на левом берегу р. Сура, при впадении в неё р. Киша. Сеченовский район Нижегородской области. Поселение Мурзицы 1 XIV–XVIII вв. исследовано в 2008 г. Н.Н. Грибовым⁴⁷⁸. Памятник отождествляется с летописным поселением «Кишь».

30. Новая Екатериновка – деревня в Ядринском районе Чувашской Республики (правый берег р. Сура). У деревни М.И. Федуловым в 2017, 2023 гг.

⁴⁷² Грибов Н.Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш IV в Пильнинском районе Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. 169 л.; Грибов Н.Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш IV в Пильнинском районе Нижегородской области в 2009 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. 150 л.

⁴⁷³ Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском и Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 33498. С. 66–68.

⁴⁷⁴ Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. М., 2004. Ч. 1. С. 313; Кириянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961. С. 13.

⁴⁷⁵ Березина Н.С. Новые археологические памятники Чувашии (По итогам археологических разведок 2000–2003 годов) // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии: мат. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. Кн. 2. Л. 235, 262, рис. 16.

⁴⁷⁶ В археологической литературе нет публикации этого памятника, т.к. территория могильника не подвергалась раскопкам. Автор имел возможность ознакомиться с коллекцией вещей из могильника, хранящейся в Алатырском краеведческом музее.

⁴⁷⁷ Богачев А.Ф. Тоторшевский могильник // Археологические памятники мордвы I тыс. н.э. / Труды Мордовского НИИ ЯЛИЭ. Саранск, 1979. Вып. 63. С. 168.

⁴⁷⁸ Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н-Новгорода, в Кстовском, Богородском, Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 33498. Л. 65–88.

обследовано четыре поселений XIV–XVI вв. Поселения располагаются по правому берегу р. Сура и вдоль безымянного притока⁴⁷⁹. Поселения имеют разные размеры от 500 до 5000 кв. м.

31. **Новое Жилище** – деревня в 2500 м к юго-западу от с. Курмыш (правый берег р. Курмышка) Пильнинского района Нижегородской области⁴⁸⁰. Поселение открыто Ж.С. Калыгиной в 2011 г. Границы определены по распространению подъёмного материала и шурфам в пределах 18000 кв.м.

32. **Новое Ядрино** – деревня, правый берег р. Сура. Ядринский район Чувашской Республики. Чувашский могильник XV–XVII вв. изучался в 1957, 1969, 1971–1972 и 2006 гг. Раскопано самое большое количество погребений из всех могильников Чувашии (228 погребений)⁴⁸¹.

33. **Ожгибовка** – деревня Пильнинского района Нижегородской области. Клад найден в 1936 г. и состоял из 456 монет московских и суздальско-нижегородских князей (включая подражания ордынским 130 шт.) и ордынских ханов (326 шт.). Самой ранней монетой оказался дирхам хана Тохта (1310–1311 гг.), а самой поздней – хана Тохтамышша (1391–1392 гг.)⁴⁸².

34. **Отарские Выселки** – селище у д. Отары Воротынского района Нижегородской области (правый берега р. Чугунка, правого притока р. Волга, устье р. Сура). Обследовалось А.Х. Халиковым в 1958 г. Напластования памятника содержали гончарную сероглиняную посуду XIII–XIV вв.⁴⁸³.

35. **Петровка** – деревня в Спасском районе Нижегородской области (левый берег р. Урга, левого притока р. Сура). Селище XIV–XVII вв. обследовалось А.И. Лопатиным в 1977 г. Найдены обломки гончарной русской позднесредневековой посуды, датированной XV–XVI вв.⁴⁸⁴.

⁴⁷⁹ Михайлов Е.П. Отчёт о результатах археологической разведки проведенной летом 1986 г. в Ядринском, Чебоксарском и Моргаушском районах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 11590.

⁴⁸⁰ Калыгина Ж.С. Отчет об археологических исследованиях (разведке) на территории Пильнинского района Нижегородской области в 2011 году // Архив Института археологии РАН. №34671. Л.15–18.

⁴⁸¹ Зубарева В.М., Краснов Ю.А. Отчёт о раскопках Новоядринского могильника в 1969 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 3993. 60–75 л.; Вайнер И.С. Отчёт о работе 3-го Чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции в 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 4696. 71 л.; Вайнер И.С., Воронина Р. Ф., Каховский В.Ф., Краснов Ю.А. Работы Чебоксарской экспедиции // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 162–164; Федулов М.И. Новые археологические исследования памятников древности и средневековья Среднего Поволжья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 38–56.

⁴⁸² Сузин М.В. Ожгибовский монетный клад XIV в. // Краткие сообщения ИИМК. 1949. Вып. XXIX. С. 112–113.

⁴⁸³ Халиков А.Х. Отчёт о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №1874. Л. 152.

⁴⁸⁴ Лопатин А.И. Отчёт об археологической разведке в Горьковской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №6829. Л. 6.

36. **Покров Майдан** – деревня в Воротынском районе Нижегородской области (левый берега р. Урга, левого притока р. Сура). Обследовалось А.И. Лопатиным в 1977 г., А.Н. Сорокиным в 1999 г. Двухслойное поселение с древнемордовской керамикой VI–VII вв. и гончарной позднесредневековой XV–XVI вв.⁴⁸⁵.

37. **Порецкое** – село, расположено на левом берегу р. Сура. Административный центр Порецкого района Чувашской Республики. По указанию П.Н. Третьякова мордовский могильник располагался у с. Порецкое. Инвентарь одного из погребений позволил датировать могильник XV столетием⁴⁸⁶.

38. **Сара (Сара Великая)** – село в Сурском районе Ульяновской области, на левом берегу р. Сура при впадении в неё р. Большая Сарка. Упоминается как одно из русских поселений, существовавших в XIV–XV вв. Селище Сара 5 выявлено международной археологической экспедицией непосредственно на территории с. Сара в 2015–2019 гг. По керамике и находкам монет предварительно датировано второй половиной XIV – первой половиной XV вв.

39. **Сареево** – деревня, расположена на правом берегу р. Сура. Ядринский район Чувашской Республики. Поселение Сареево 1 открыто в 1970-х гг. краеведом П.Т. Трифоновым⁴⁸⁷. В 1986 г. Е.П. Михайловым на поселении был собран подъёмный материал, среди которого присутствовала позднеболгарская керамика XIII–XV вв.⁴⁸⁸. Селище Сареево 4 открыто в 2023 г. М.И. Федуловым. Поселение по находкам дирхамов датируется второй половиной XIV вв.

40. **Сергач** – город, Сергачский район Нижегородской области (левый берег р. Пьяна, левого притока р. Сура). Сергачское поселение «Урочище Городина» – разновременное поселение (городище?) со слоем гончарной позднесредневековой посуды XIV–XVI вв. Обследовалось И.А. Кирьяновым в 1950-е гг., М.Ф.

⁴⁸⁵ Лопатин А.И. Отчёт об археологической разведке в Горьковской области в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №6829. Л. 6; Сорокин А.Н. Отчёт о раскопках в Сергиев-Посадском районе Московской области и разведках в Нижегородской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №22050. Л. 33.

⁴⁸⁶ Третьяков П.Н. Предварительный отчёт о работе Средне-Волжской экспедиции ГАИМК в ЧувАССР в 1930 году // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 81. Инв. №196. Л. 297 об.

⁴⁸⁷ Трифонов П.Т. Вновь выявленные археологические памятники северо-западной части ЧувАССР // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1036. Инв. №4190. Л. 9–10.

⁴⁸⁸ Михайлов Е.П. Отчёт о результатах археологической разведки проведенной летом 1986 г. в Ядринском, Чебоксарском и Моргаушском районах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 11590. Л. 20–21.

Жигановым в 1969 г., А.И. Лопатиным в 1977 г., А.Ю. Рогачевым в 1983 г., А.Н. Киксевым в 1995 г.⁴⁸⁹. По мнению И.А. Кирьянова, поселение в XIV–XVI вв. являлось пограничной крепостью-острожкой на Пьяно-Сурской границе Русского государства⁴⁹⁰.

41. **Соляной Ключ** – деревня в Поречском районе Чувашской Республики, на левом берегу р. Сура. У деревни В.Ф. Каховский находил болгарскую керамику.

42. **Стемасы** – село, расположено на левом берегу р. Сура. Алатырский район Чувашской Республики. У села расположено несколько поселений. Многослойные поселения Стемасы 1 и 6 на правом берегу р. Сура изучены В.Ф. Каховским в 1974 г. Автор раскопок считал их болгарскими X – нач. XIII в., но основной материал датирован золотоордынским периодом⁴⁹¹. Селище севернее села открыто А.В. Коноваленко на левом берегу р. Сура. Обследовалось М.И. Федуловым в 2009, 2018 г. Многослойное поселение с керамикой РЖВ, эпохи бронзы и средневековья. В последней выделяется мордовская, русская XVI–XVIII вв. и болгарская посуда начала XIII в. (конец болгарского начала золотоордынского периода)⁴⁹².

43. **Сурский Майдан** – село в Алатырском районе Чувашской Республики, на левом берегу р. Сура. Селище Сурский Майдан II осматривалось В.Ф. Каховским в 1974 г. и датировано XIII–XV вв.⁴⁹³.

44. **Сурское** (бывшее Промзино) – село, расположено на левом берегу р. Сура при впадении в неё р. Промза. Сурский район Ульяновской области. Летописные источники указывают на существование русского укрепленного пункта.

45. **Сыреси** – село, левый берег р. Сура. Поречский район Чувашской Республики. Поздний мордовский могильник «Ташта Калма» упоминается П.Д. Степановым у с. Сыреси⁴⁹⁴.

⁴⁸⁹ Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. М., 2004. Ч. 1. С. 307.

⁴⁹⁰ Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961. С. 13.

⁴⁹¹ Каховский В.Ф. Археологические исследования 1974 г. в Чувашии // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 5558. Л. 3–4, 6–8; Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья ... С. 4–9.

⁴⁹² Федулов М.И. Разведочные археологические работы 2009 года на территории Алатырского района Чувашской Республики // НА ЧГИН. Отд. II. Ед. хр. 2670. Инв. №9498. 27 с.

⁴⁹³ Каховский В.Ф. Исследования Чувашской археологической экспедиции 1976 г. ...Л. 35–36. Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья ... С. 10–11.

⁴⁹⁴ Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского пединститута в пределах Чувашской АССР и Горьковской области летом 1950 года // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 454. Л. 28.

46. **Таутово** – деревня Аликовского района Чувашской Республики. Памятник представлен древнемордовским могильником (III–IV вв. н.э.) и болгарским поселением⁴⁹⁵. Объекты изучались Н.В. Трубниковой в 1956 г. (336 кв. м) и М.И. Федуловым в 2017 г.

47. **Тёплый Стан** – село Сеченово Сеченовского района Нижегородской области. В 1900 г. «на урочище Волчий был найден клад из 79 серебряных монет», периода правления от Узбек-хана и до Мухаммада-Булака. Время тезаврации клада – 1370-е гг.⁴⁹⁶.

48. **Тихомирово (ныне Ряпино)** – село в Порецком районе Чувашской Республики, на левом берегу р. Меня, левого притока р. Сура. в 1928 г. К.В. Элле у д. Тихомирово Порецкого района Чувашской Республики провёл раскопки на месте обнаружения клада джучидских монет. Найдено 387 монет чеканки начала XIV в. (1312–1340 гг.)⁴⁹⁷. Обследовалось в 2013 г. А.А. Семёновым и М.И. Федуловым⁴⁹⁸.

49. **Устиновка** – деревня в Порецком районе Чувашской Республики, на левом берегу р. Сура. В 1978 г. В.Ф. Каховский проводил раскопки средневекового селища (260 кв. м.), датировав его болгарским периодом⁴⁹⁹. Памятник осматривался в 2016 г. М.И. Федуловым. Памятник многослойный.

50. **Утюж** – река, правый приток р. Суры, в 3 км к юго-востоку от с. Стемасы Алатырский район Чувашской Республики (правый берег р. Сура, устье р. Утюж). Комплекс стоянок эпохи камня и бронзы с многослойными напластованиями. Открыты В.Ф. Каховским⁵⁰⁰, изучены раскопками в 2006–2012 гг.⁵⁰¹. В верхних

⁴⁹⁵ Трубникова Н.В. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // Учён. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1957. Вып. 16. С. 248–252; Ефимов Е.Л. Исследование археологических памятников на территории Аликовского района Чувашской Республики // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары, 2009. Кн. 2. С. 162–171.

⁴⁹⁶ Петров П.Н. Клады джучидских монет на территории Нижегородской области // VII Халиковские чтения: средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации. Казань: Казанская недвижимость, 2017. С. 276.

⁴⁹⁷ Элле К.В. Клад джучидских монет в ЧувАССР // Краткие сообщения ИИМК. – 1947. – Вып. XV. – С. 111–115.

⁴⁹⁸ Семёнов А.А. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Чувашской Республики в 2013 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. С. 10–13, 16; Федулов М.И. Новые археологические исследования памятников древности и средневековья Среднего Поволжья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 150–153.

⁴⁹⁹ Каховский В.Ф. Исследования Чувашской археологической экспедиции 1978 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 6973. Л. 2–7.

⁵⁰⁰ Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья ... С. 4–9.

⁵⁰¹ Вискалин А.В. Отчёт об охранных археологических исследованиях в Ульяновске, Ульяновской области и Чувашской Республике в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Л. 60 л.

слоях одной из стоянок находился комплекс предметов первой половины XIV в. (раскопки 2011–2012 гг. Н.С. Березиной)⁵⁰².

51. **Шатино** – деревня Порецкого района ЧР, на левом берегу р. Сура. У деревни В.Ф. Каховский находил болгарскую керамику.

52. **Ядрин** – город, расположен на левом берегу р. Сура, Ядринский район ЧР. Основан в 1590 г.

⁵⁰² Мясников Н.С., Березина Н.С. Исследование средневекового Утюжского поселения в Среднем Посурье в 2011–2012 годах // Чувашская археология. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. Вып. 2. С. 97–110; Выборнов А.А., Березина Н.С., Вискалин А.В., Королев А.И., Ставицкий В.В. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре // Самарский край в истории России. Самара, 2007. Вып. 3. С. 14–23.

Рис. 1. Бассейн реки Сура с указанием региона исследования.

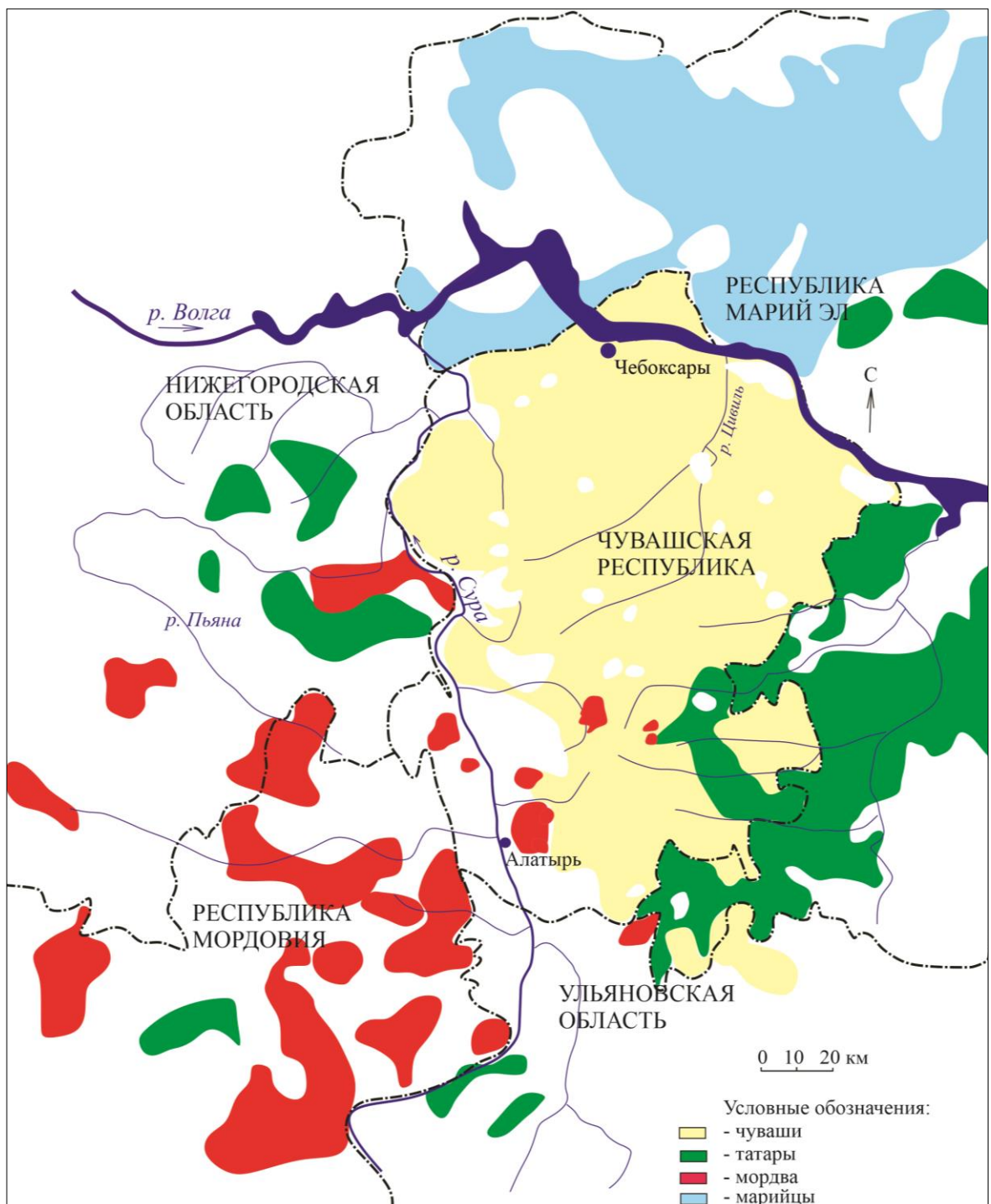
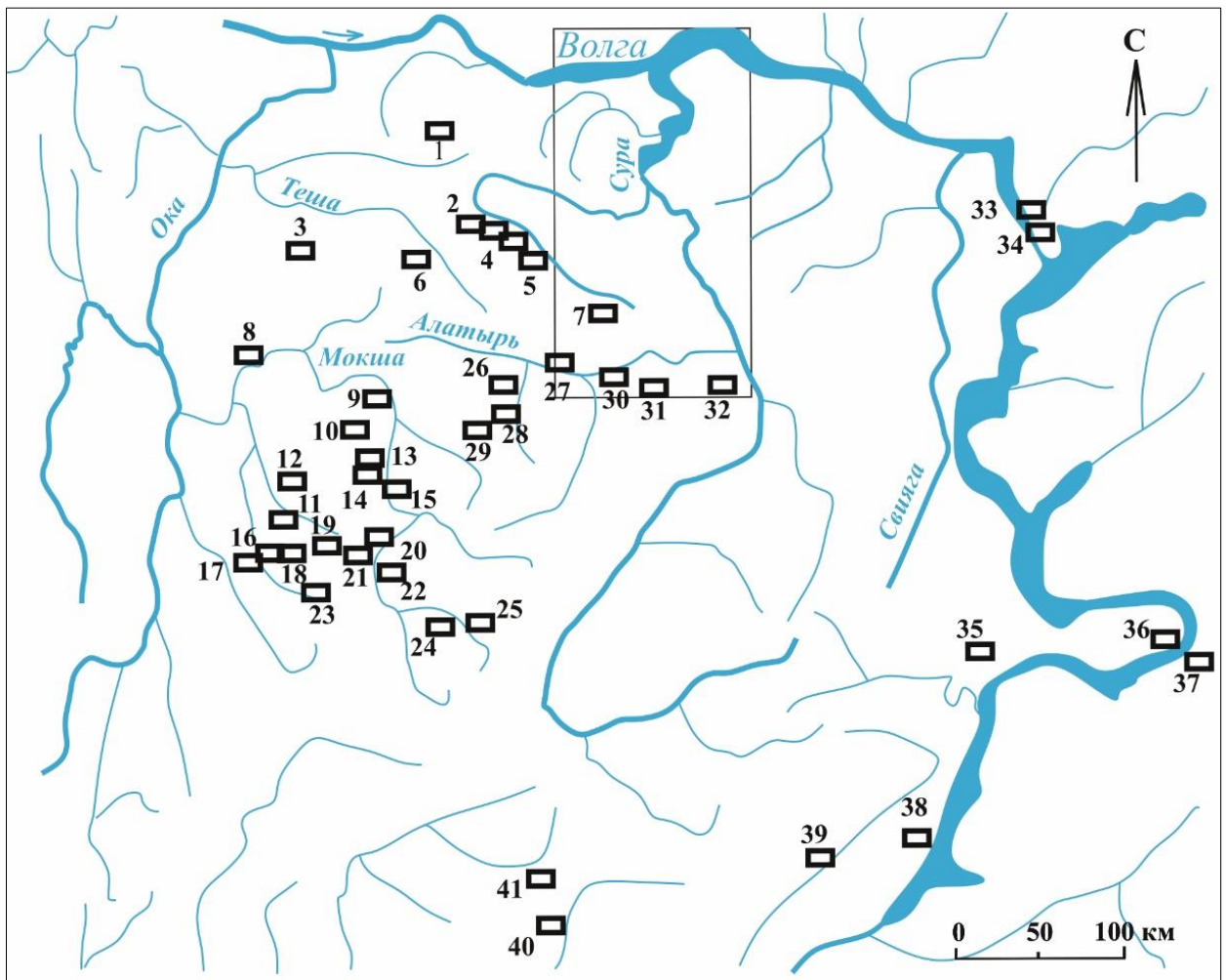
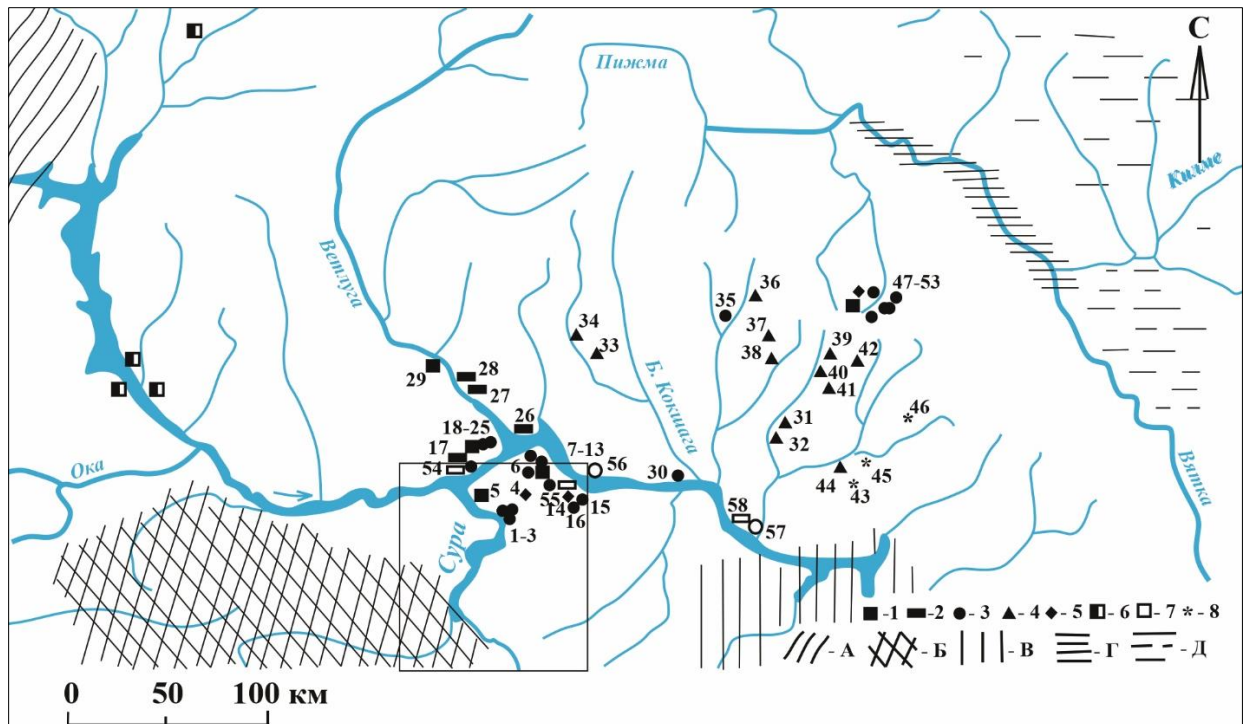

Рис. 2. Современная этническая карта Нижнего и Среднего Посурья.

Условные обозначения: □ – регион исследования; 1 – Сарлейский; 2 – Ичалковский; 3 – Младший Кужендеевский; 4 – Борнуковские; 5 – Гагинский; 6 – Коринский; 7 – Большеигнатовский; 8 – Нароватовский; 9 – Стародевиченский; 10 – Мордовско-Паркинский; 11 – Кельгининский; 12 – Куликовский; 13 – Ефаевский; 14 – Черемисский; 15 – Волгапинский; 16 – Калиновский; 17 – Старобадиковский 1-й; 18 – Пичпандинский; 19 – Беднодемьяновский; 20 – Паньжинский; 21 – Старосотенский; 22 – «Казбек»; 23 – Кармалейский; 24 – Долгоруковский; 25 – Чернозерский; 26 – Дубровский; 27 – Кендянский; 28 – Василевский; 29 – Вертелимский; 30 – Папулевский; 31 – Киржеманский; 32 – Манадышский; 33 – Карташихинский 1-й; 34 – Карташихинский 2-й; 35 – Муранский; 36 – Усинский 2-й; 37 – Барбашинский; 38 – Черемшанский; 39 – Покровский; 40 – Аткарский; 41 – Комаровский.

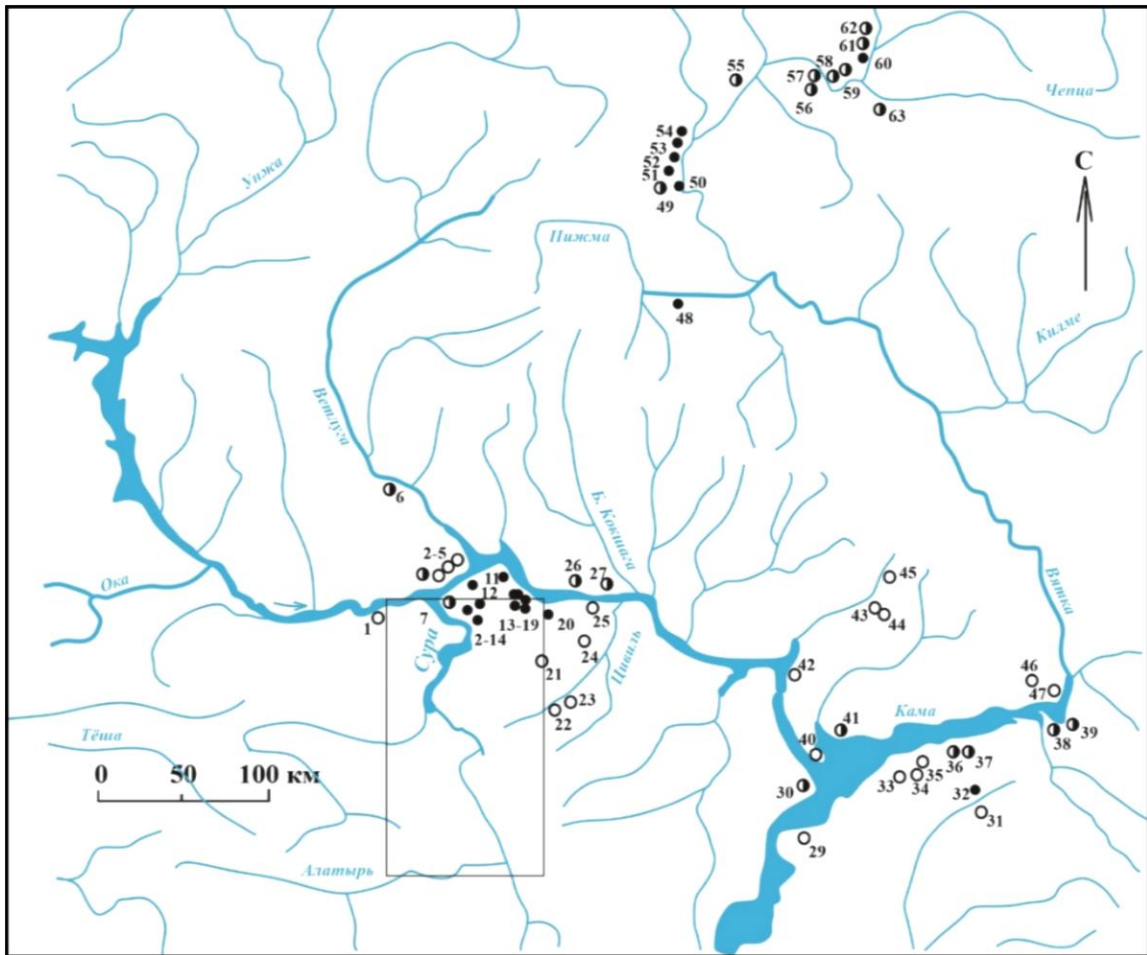
Рис. 3. Археологические памятники мордвы XIII–XIV вв. (по В.Н. Шитову).

Условные обозначения: □ – регион исследования; 1 – городище; 2 – могильник; 3 – селище; 4 – отдельные находки; 5 – производственный объект; 6 – летописные русские центры; 7 – болгарские памятники; 8 – клады; А – меря; Б – мордва; В – болгары; Г – русские; Д – пермские финны.

Номера памятников: 1 – Красноселищенское II селище; 2 – Красноселищенское III селище; 3 – Красноселищенское IV селище; 4 – Сиухинская кузница; 5 – Васильсурское V городище; 6 – селище Нижние Шелаболки; 7 – Носельское II селище; 8 – Носельское III селище; 9 – Важнангерское (Мало–Сундырское) городище; 10 – Важнангерское селище; 11 – Шартнейское селище; 12 – Яндушевское селище; 13 – Ключевское селище; 14 – Юльяльская кузница; 15 – Юльяльское селище; 16 – Сауткинское селище; 17 – Починковский могильник; 18 – Починковское селище; 19 – Горношумецкое городище; 20 – Починковское II селище; 21 – Удельно–Шумецкое II селище; 22 – селище Галанкина Гора II; 23 – Полянское селище; 24 – Сутырское I селище; 25 – Волоконное селище; 26 – Руткинский могильник; 27 – Выжумский II могильник; 28 – Выжумский III могильник; 29 – Успенское городище; 30 – Уржумкинское II селище; 31 – Николаевские находки; 32 – Шелангерские находки; 33 – Юванурские находки; 34 – Килемарские находки; 35 – Великопольское селище; 36 – Солонерские находки; 37 – Находки у д. Чумбари; 38 – Находки у д. Чкарино; 39 – Салтаковские находки; 40 – Чевернурские находки; 41 – Шиньшедурские находки; 42 – Кокремские находки; 43 – Сосновский клад; 44 – Шари–Боксадские находки; 45 – Светинский клад; 46 – Русско–Уртемский клад; 47 – Русско–Ляждурское селище; 48 – Олминское селище; 49 – Бадьинское селище; 50 – Бадьинская кузница; 51 – Староюледурское селище; 52 – Шорсолинское городище; 53 – Большеляждурское селище; 54 – Горношумецкой могильник; 55 – Юльяльский могильник; 56 – Отарское селище; 57 – Мари–Луговское селище; 58 – Мари–Луговской могильник.

Рис. 4. Карта расселения мари в XII–XV вв. (3 этап по Т.Б. Никитиной).

Условные обозначения: □ – регион исследования; 1 – Оленья Гора у г. Лысково; 2 – Горношумецкое городище; 3 – Сутырское II селище; 4 – Сутырское V селище; 5 – Сутырское XIV селище; 6 – Успенское городище; 7 – Васильсурское V городище «Репище»; 8 – Селище Красное селище II; 9 – Селище Красное селище III; 10 – Селище Красное селище IV; 11 – Сиухинское селище; 12 – Селище Нижние Шелаболки; 13 – Носельское II селище; 14 – Носельское III селище; 15 – Ключевское селище; 16 – Важнангерское селище; 17 – Важнангерское (Мало-Сундырское) городище; 18 – Шартнейское селище; 19 – Юльяльское селище; 20 – Сауткинское селище; 21 – Таутовское селище; 22 – Янмурзинское селище; 23 – Челкасы селище; 24 – Больше-Янгильдинское селище; 25 – Чебоксары; 26 – Отарское селище; 27 – Уржумкинское II селище; 28 – Кайбельское селище; 29 – Город Болгар; 30 – Сюкеевское селище; 31 – Билярское III селище; 32 – Балынгузское (Торецкое) III селище; 33 – Красный Октябрь селище; 34 – Нижнемарьяновское селище; 35 – Первомайское селище; 36 – Дамба I селище; 37 – Дамба III селище; 38 – Джукетау городище; 39 – Донауровское III селище; 40 – Рождественское селище; 41 – Чакма (Лаишевское) селище; 42 – Казанский Кремль; 43 – Русско-Урматское селище; 44 – Камаевское городище; 45 – Бужинское селище; 46 – Чаллыновское городище; 47 – Кирменское городище; 48 – Селище Покста II; 49 – Котельничское городище; 50 – Искра селище; 51 – Искра II селище; 52 – Ковровское городище; 53 – Шабалинское селище; 54 – Шабалинское городище; 55 – Орловское городище; 56 – г. Хлынов; 57 – Вятское городище; 58 – Никулицын городок; 59 – Никульчинское селище; 60 – Родионовское селище; 61 – Подчуршинское селище; 62 – Слободское городище; 63 – Кривоборское городище.

Рис. 5. Карта распространения славяноидной керамики в Среднем Поволжье (по Т.Б. Никитиной).

Рис. 6. Карта памятников Нижнего Присурья XIV–XVI вв.

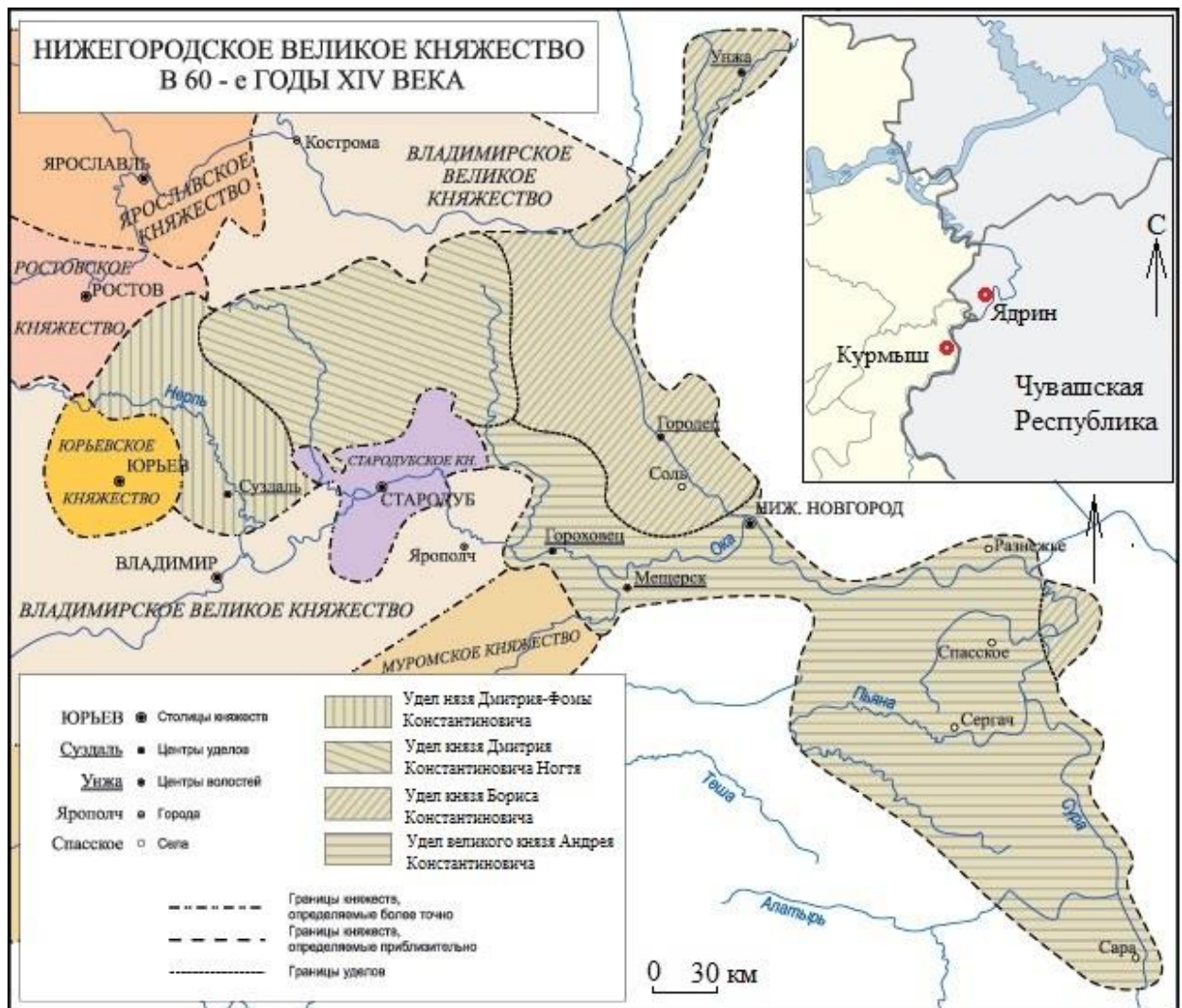

Рис. 7. Карта Великого княжества Нижегородского второй половины XIV в. (по В.А. Кучкину).

Рис. 8. Территория Казанского ханства (по А.Г. Ситдикову, Ф.Ш. Хузину, Археология Волго-Уралья, Т. 7).

Условные обозначения: ● – поселения и городища; ▲ – местонахождение керамики; I – 1 поселение у д. Выселок №1; II – 2 поселение у д. Выселок №1; III – 3 поселение у д. Выселок №1; IV – 4 поселение у д. Выселок №1; V – 5 поселение у д. Выселок №1; VI – 6 поселение у д. Выселок №1; VII – 7 поселение у д. Выселок №1; VIII – 8 поселение у д. Выселок №1; IX – поселение 1 у д. Н. Екатериновка; X – поселение 2 у д. Н. Екатериновка; XI – поселение 3 у д. Н. Екатериновка; XII – поселение 4 у д. Н. Екатериновка; XIII – поселение 2 у д. Ильина Гора; XIV – Козловское городище; XV – поселение Сареево 4; XVI – поселение 3 Ильина Гора.

Летописные гидронимы: 1 – Соларьево, 2 – Тонкое, 3 – Пашково.

Рис. 9. Карта археологических памятников XIV–XV вв. в окрестностях г. Курмыш.

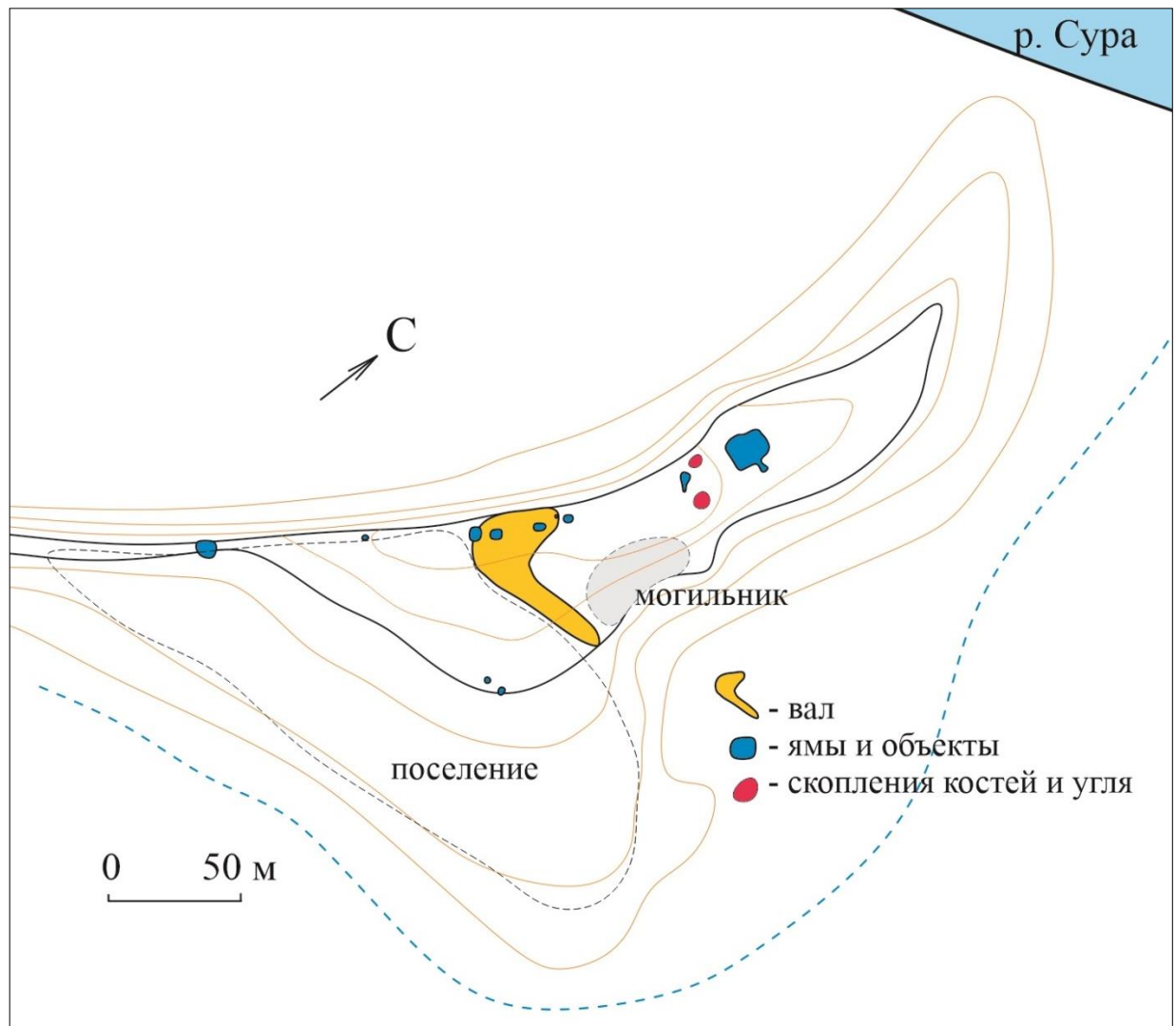
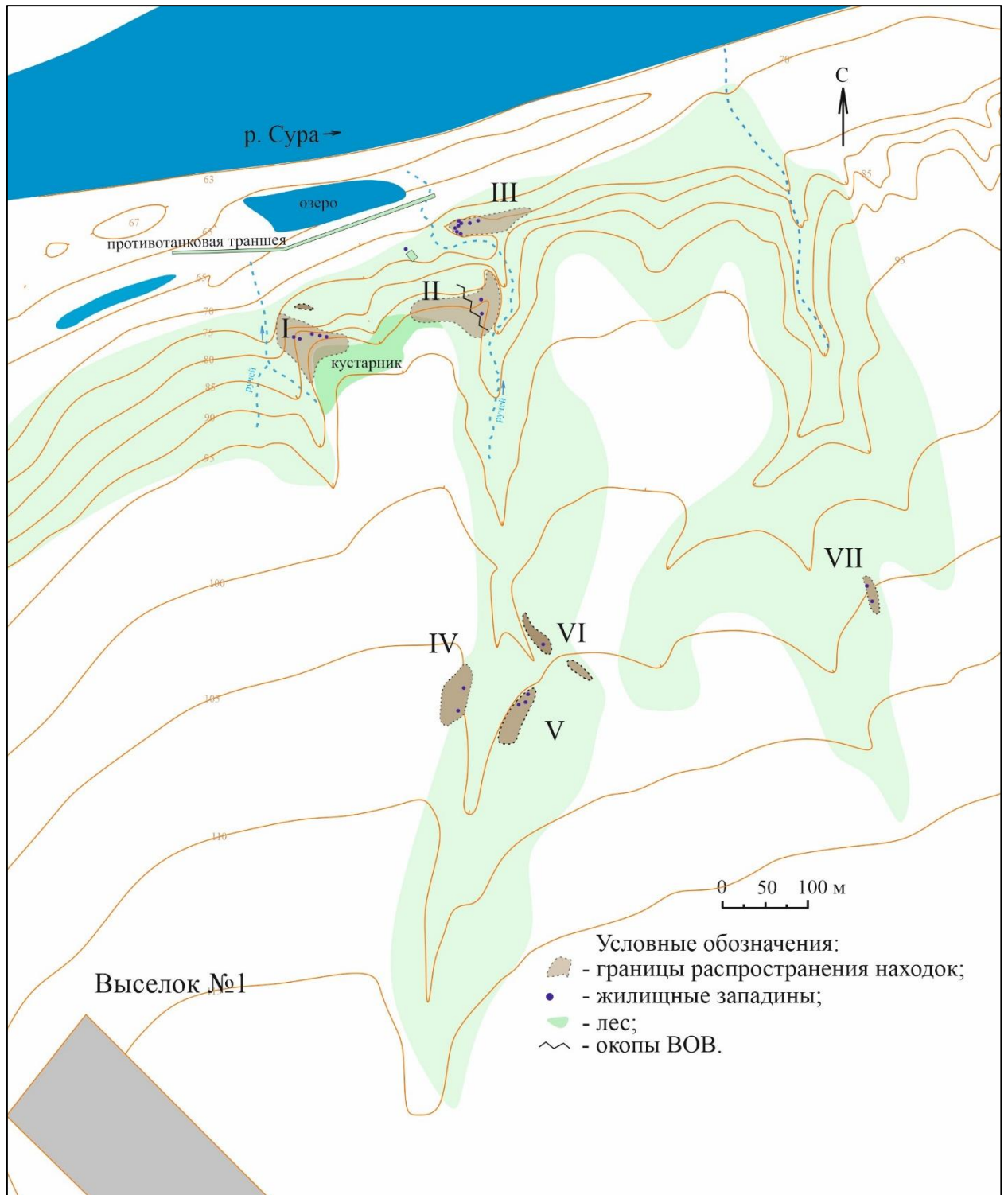

Рис. 10. План расположения объектов Козловского комплекса памятников XIV–XV вв. (по М.И. Федулову).

Условные обозначения: I–VII – номера поселений.

Рис. 11. Карта расположения поселений у д. Выселок №1 (по М.И. Федулову).

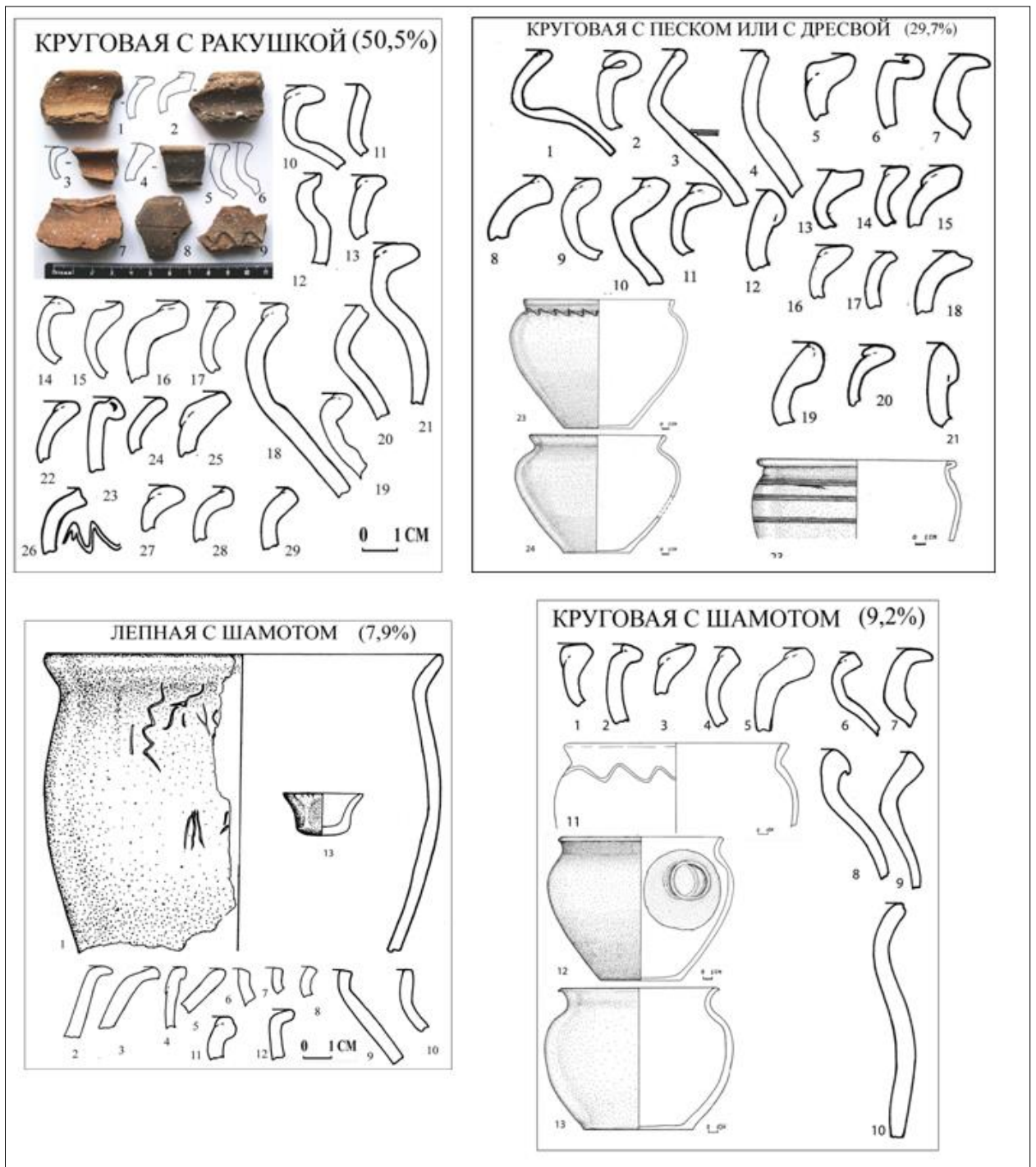

Рис. 12. Образцы керамики с территории поселения Курмыш 4 (по Н.Н. Грибову).

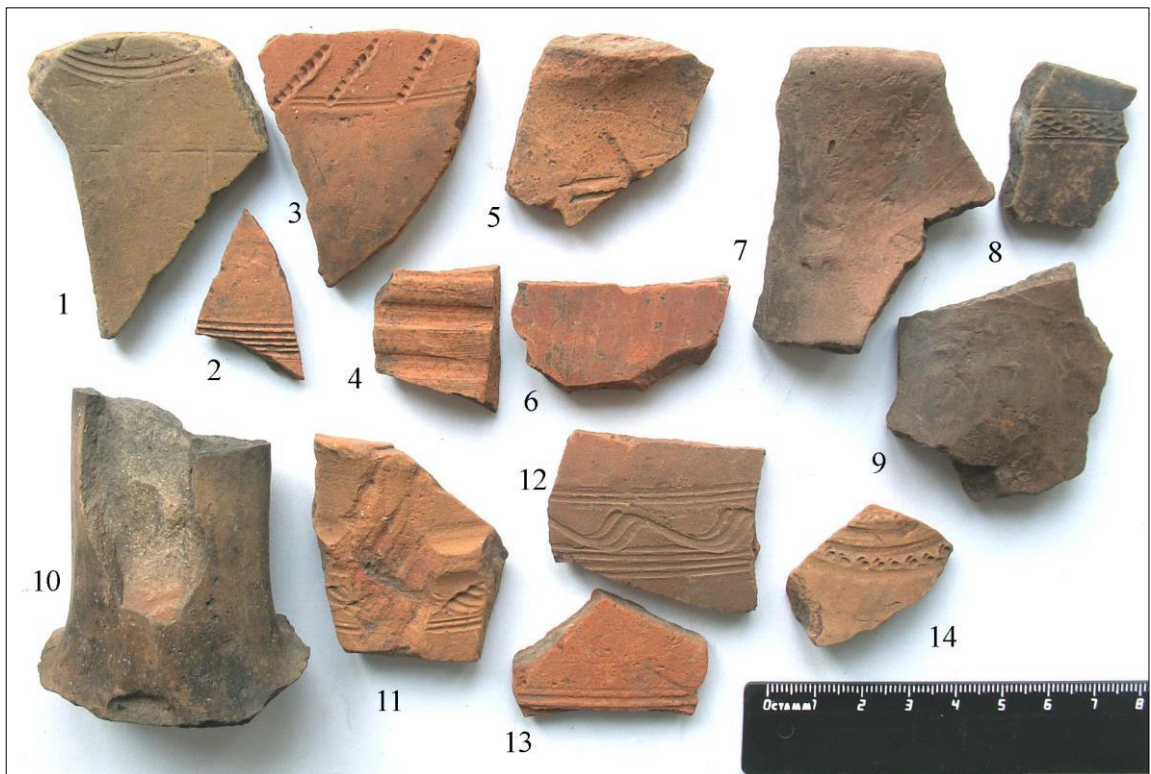

Рис. 13. Образцы золотоордынской керамики с поселения Курмыш 4 (по Н.Н. Грибову).

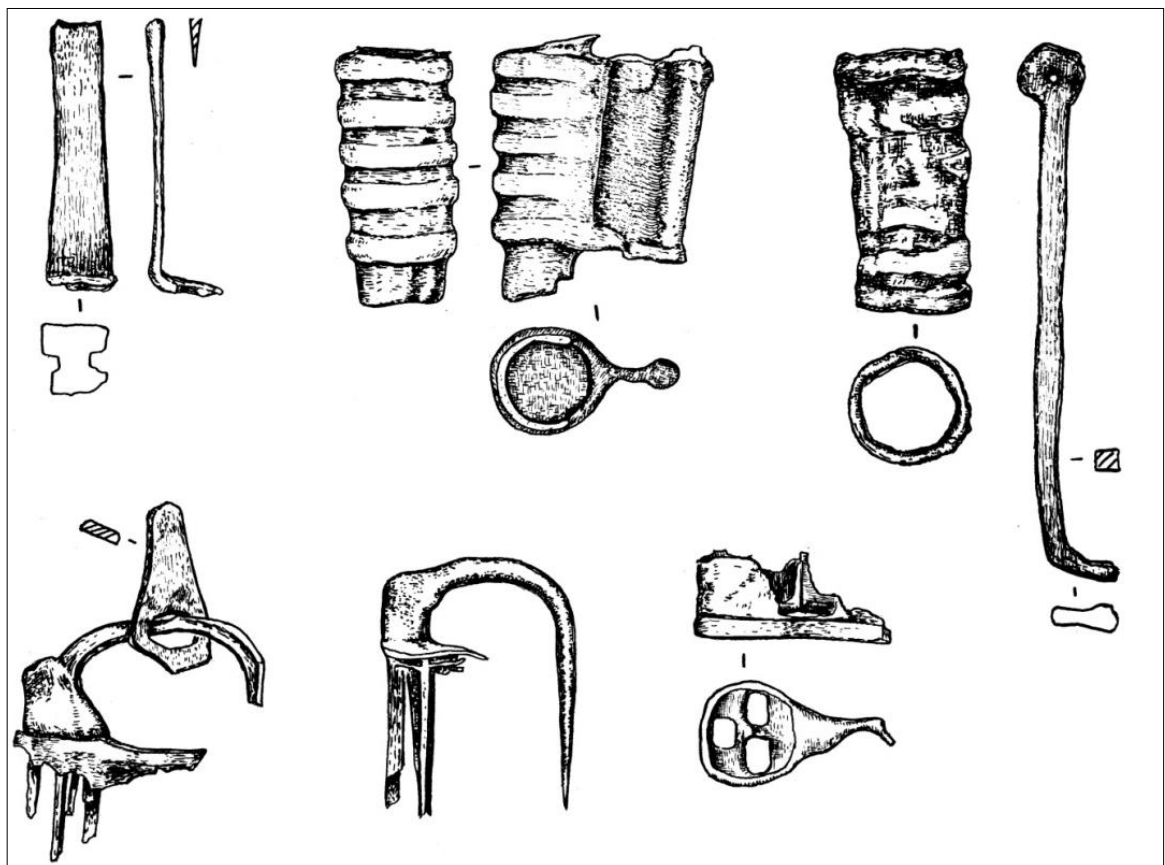
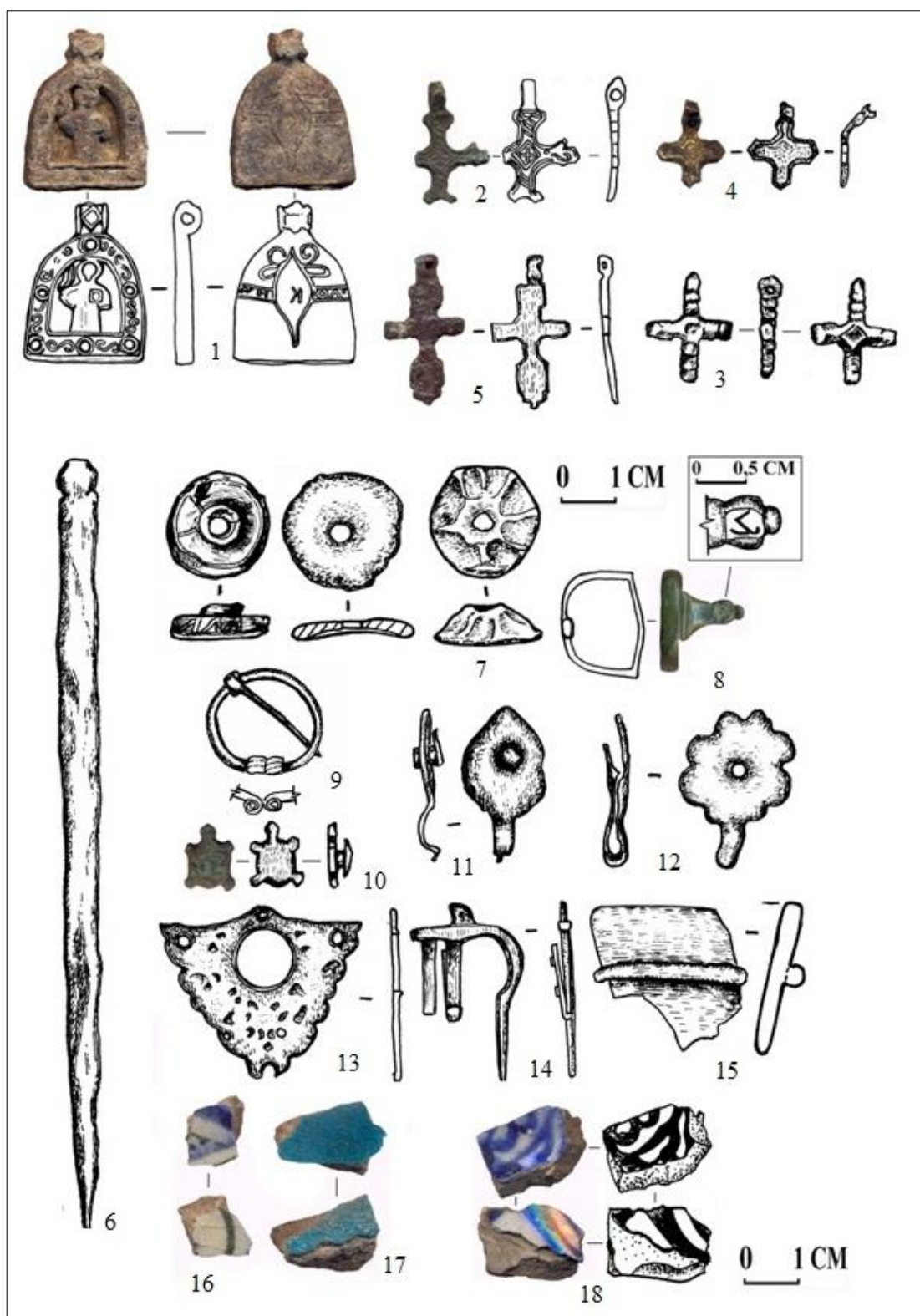

Рис. 14. Ключи и замки с поселения Курмыш 4 (по Н.Н. Грибову).

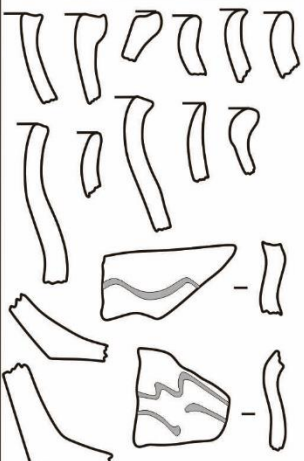
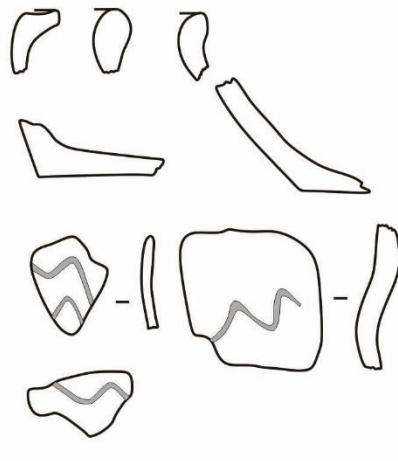
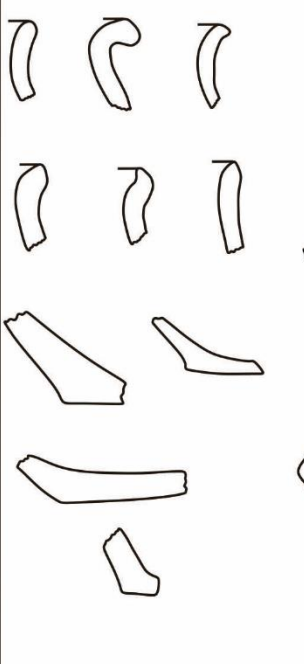
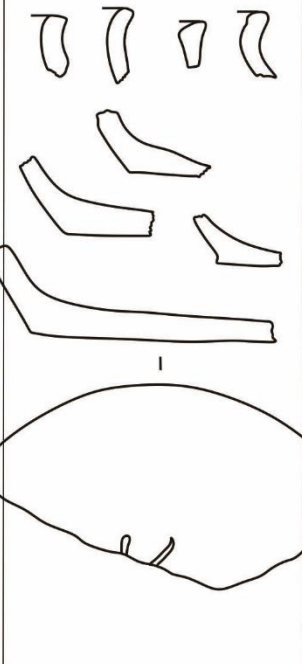
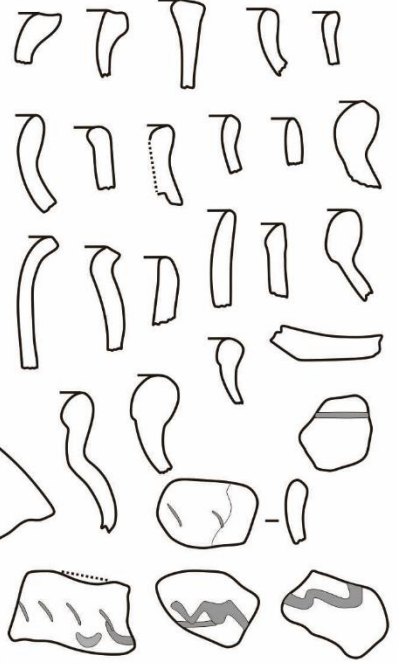
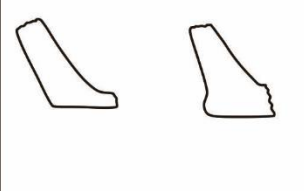
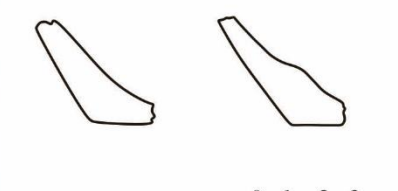
Условные обозначения: 1 – нательная иконка, 2–5 – кресты-тельники, 6 – писало, 7 – свинцовые пряслица, 8 – бронзовая втулка, 9 – сюльгам, 11–13 – накладка, 14 – дужка замка, 15, 16–18 – кашинная керамика. 1 – оловянисто-свинцовый сплав, 2–5, 8–10, 13 – бронза, 6, 14 – железо, 7 – свинец, 15 – стекло, 16–18 – кашин.

Рис. 15. Предметная коллекция с поселения Курмыш 4 (по Н.Н. Грибову).

Условные обозначения: 1, 4–8, 11, 13, 14 – сосуды по образцу белоглиняной; 2, 12 – сосуды в болгарских традициях; 3 – стенка сосуда лепного с примесью толчёной раковины и растительности; 9, 10 – венчик средневековой русской керамики.

Рис. 16. Керамика городища Курмыш (по А.Г. Ситдикову, Ф.А. Ахметгалину).

Поселение	Примеси		
	шамот	раковина	песок
1 слой			
2 слой			
3 слой			

0 1 2 3 см

Рис. 17. Распределение фрагментов керамических сосудов по слоям из раскопа 2018 г. на территории Козловского городища (по Б.С. Соловьёву и М.И. Федулову).

Памятник	Примеси		
	шамот	раковина	песок
Козловское городище			
			0 1 2 3 см

Рис. 18. Примеры венчиков и донцев керамических сосудов с территории Козловского городища по составу примесей: славяноидная с раковиной (группа 1), с шамотом (группа 3), с песком (группа 2).

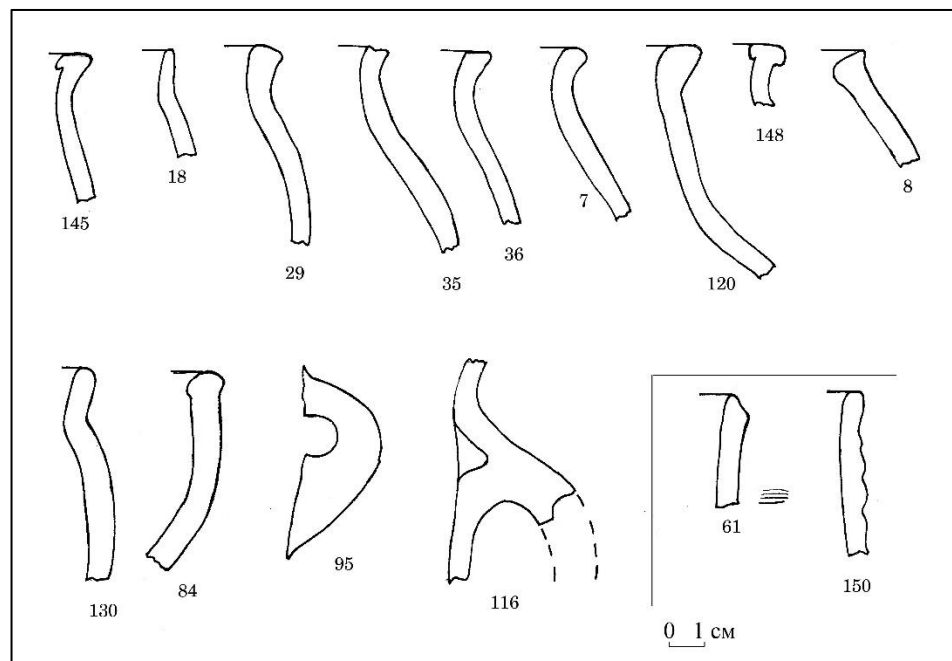
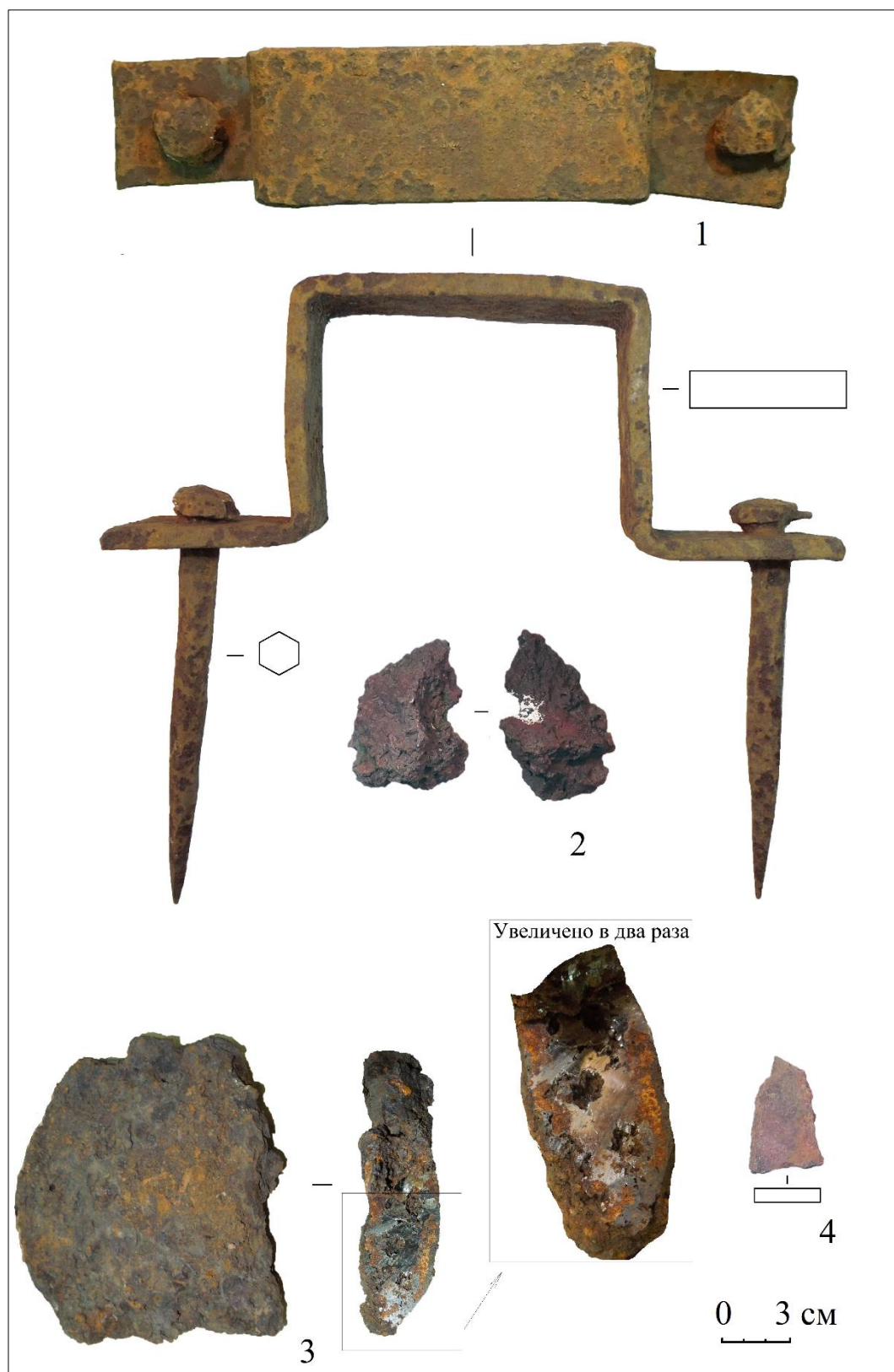

Рис. 19. Профиля венчиков и ручки сосудов с Козловского городища. Лепные сосуды с примесью шамота (группа 4), золотоордынская №61 и 150 (группа 5).

Рис. 20. Образцы керамики с поселения Выселок №1 (1–4) и Козловского городища (5–6): 1 – венчик с примесью раковины, 2, 5–6 – керамика золотоордынского периода, 3 – белоглиняная керамика, 4 – керамика с шамотом.

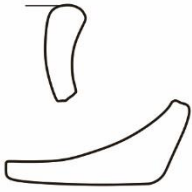
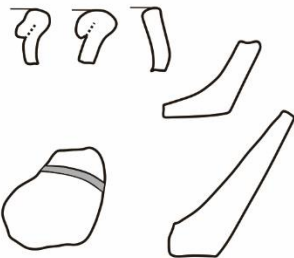
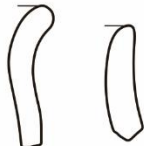
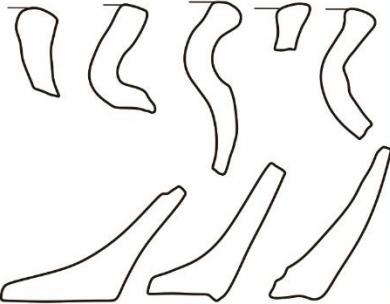
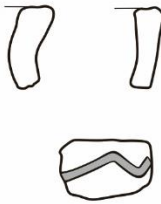
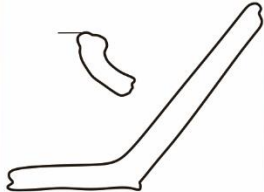
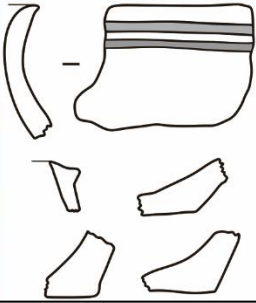
Условные обозначения: 1 – воротная скоба, 2 – металлический шлак, 3 – металлическая крица, 4 – фрагмент стенки чугунного сосуда.

Рис. 21. Изделия из железа с территории Козловского городища.

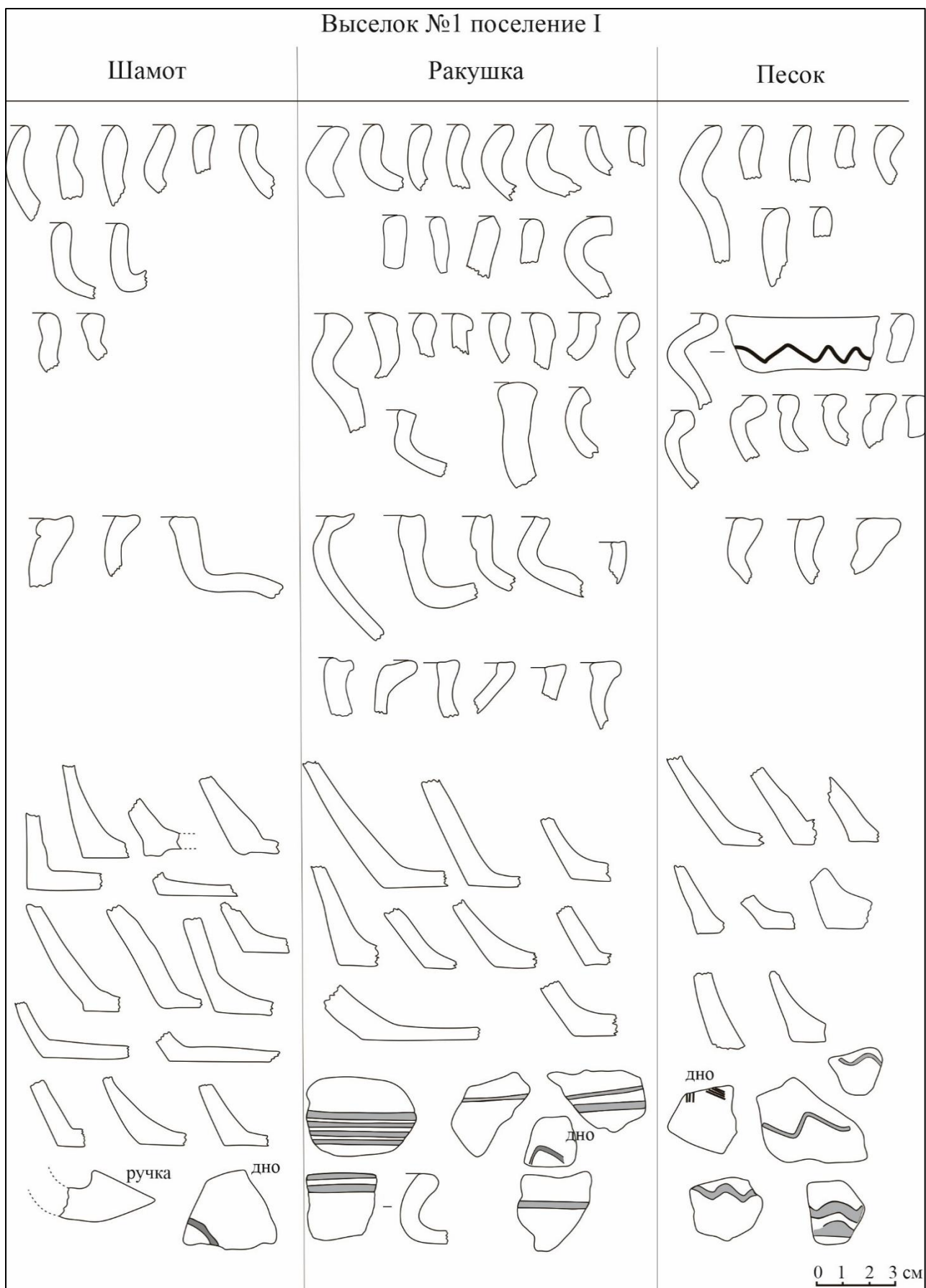
Условные обозначения: 1 – накладка, 2–3 – гвоздь, 4, 5 – пластина, 6 – чаша от весов, 7 – оселок, 8 – крючок (из погребения), 9 – пряслице, 10 – шар, 11 – кольцо серебряное, 12 – дирхам, 13 – серебряное зеркало, 14–15 – накладки в форме крестов. Изделия из глины – 9–10, железо – 1–5, 8, 14–15, серебро – 11–13.

Рис. 22. Находки с территории Козловского городища.

Поселение	Примеси		
	шамот	раковина	песок
Новая Екатериновка 1			
Новая Екатериновка 2			
Новая Екатериновка 3			
Новая Екатериновка 4			
Ильина Гора			

0 1 2 3 см

Рис. 23. Керамика с поселений Новая Екатериновка 1–4 и Ильина Гора 2.

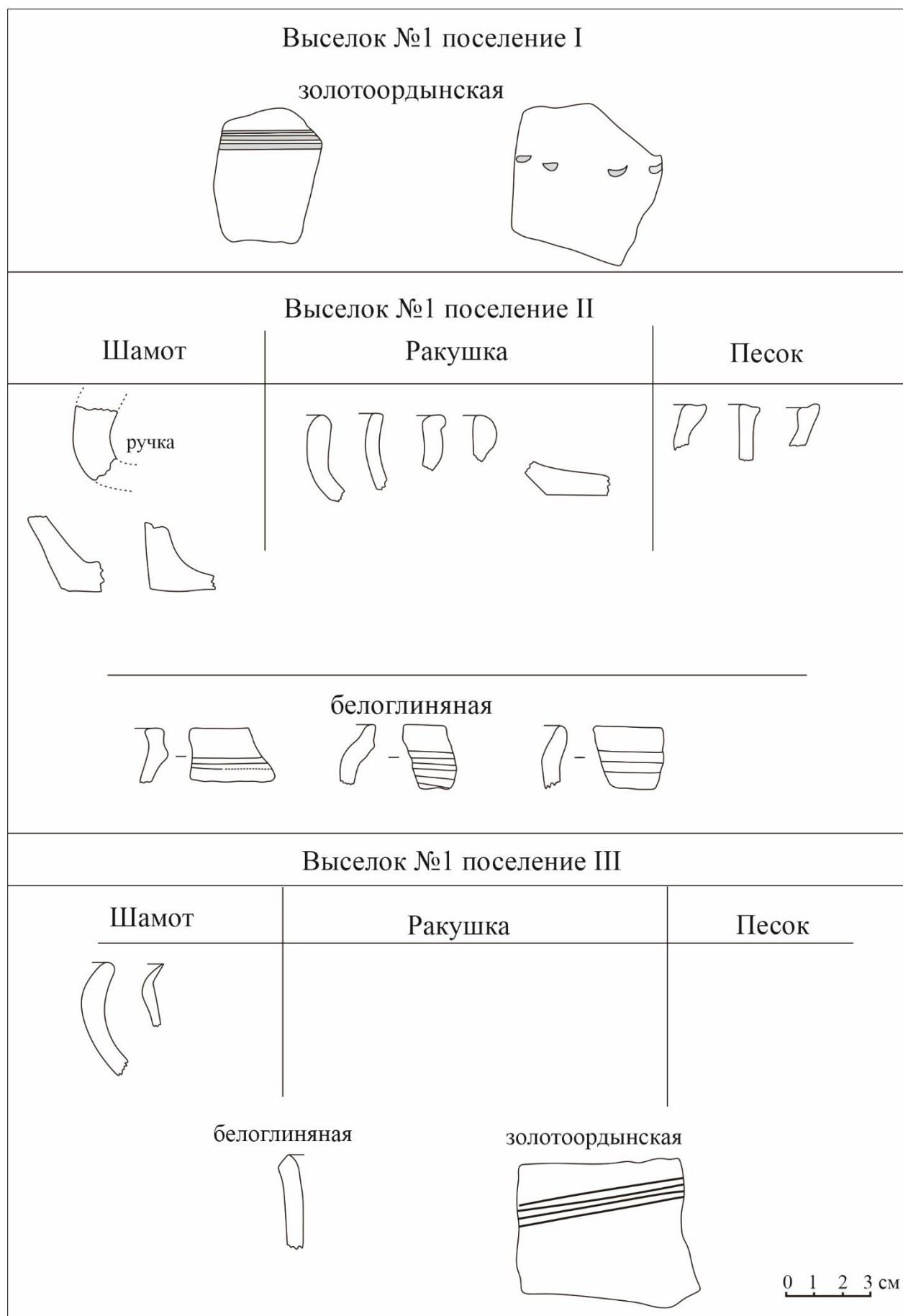

Рис. 25. Керамика с поселения 1–3 Выселок №1.

Рис. 26. Керамика с поселения 4 Выселок №1.

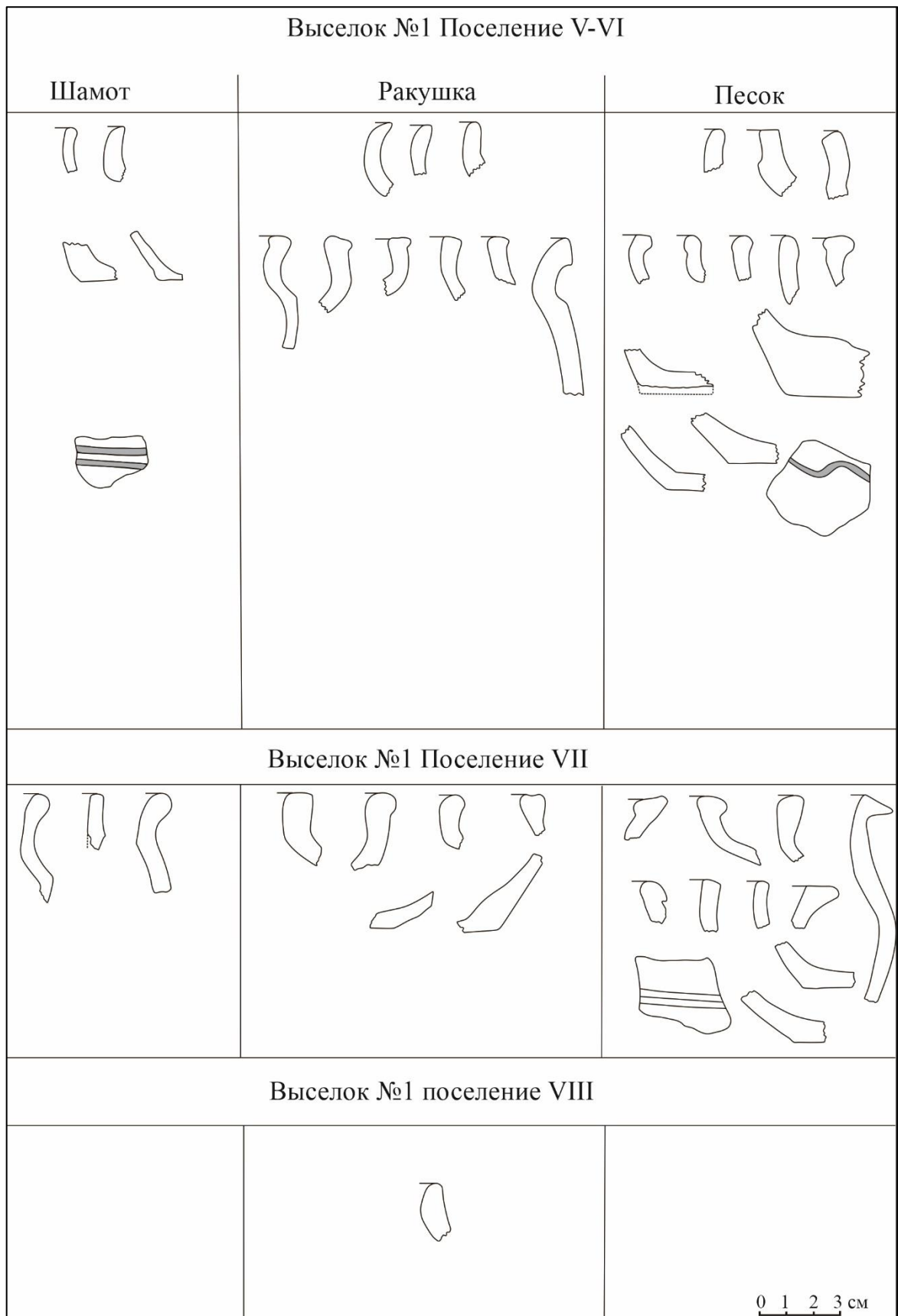

Рис. 27. Керамика с поселений 5–8 Выселок №1.

Условные обозначения: нож кухонный с прямой спинкой (2, 9, 10, 18, 22, 25, 34, 35), нож столярный с выгнутой спиной (1, 3–8, 33), боевые «засапожники» (17, 20, 24).

Рис. 28. Железные ножи.

Рис. 29. Цилиндрические замки (1–4, 6, 10, 18–19, 21, 25, 26, 29–31, 33), дужки (5, 7–9, 20, 22, 23, 27, 28, 32) и ключи (11–16, 24).

Условные обозначения: рыболовные крючки (1–3, 29–30), серпы (4, 21), коса (31–32), чугунная посуда (5, 6, 20, 36), стрелы (7–9, 22, 33, 37–41), скобы (11–13, 34, 43), пинцет (15), 16 (пряслице), кольцо (18, 23–25, 42), кресало (17, 19), пробой (10, 14), топор (35, 45), глиняное грузило (27), подкова (28), ушко от котла (26).

Железо – 1–4, 7–15, 17–19, 21–26, 28–35, 37–45, чугун – 5–6, 20, 36, керамика – 16, 27.

Рис. 30. Металлический инвентарь.

Условные обозначения: 1 – коса, 2 – дужка от котла, 3 – стремя, 4 – чересло-плуг, 5 – таганок, 6 – молоток-гвоздодёр. 1 – Новая Екатериновка, 2, 4–6 – Выселок №1, 3 – Ильина Гора.

Рис. 31. Металлические изделия.

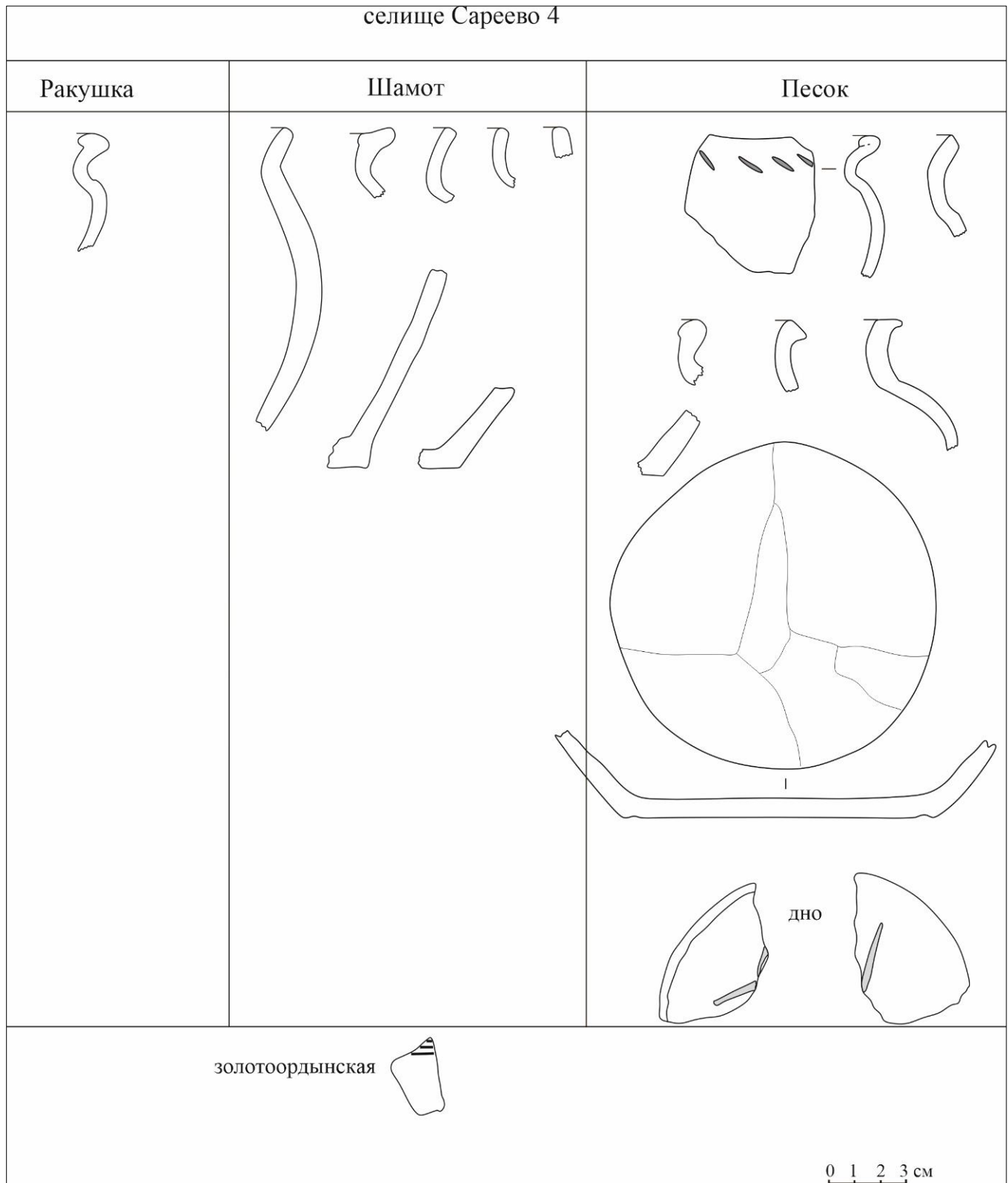

Условные обозначения: поселение Выселок № 1 (2, 3, 4, 6–8, 11, 13, 15), Новая Екатериновка (1), Ильина Гора (5, 10, 16).

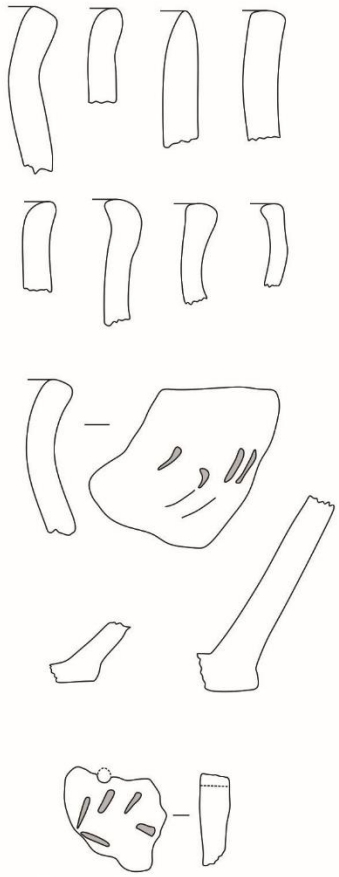
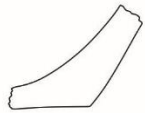
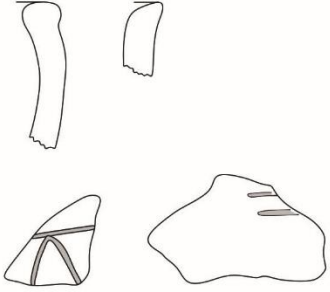
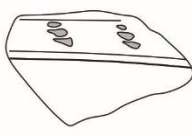
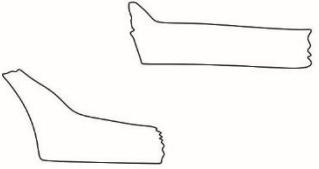
Бронзовый браслет (1, 9), серебряное кольцо (2), свинцовый грузик-пломба (3, 5), серебряный (4) и железный крест-тельник (12), медный сьюлгам (6), накладка на сумку (7), перстень (8), пул (10, 13), дирхамы (11, 15, 14), русская удельная (?) монета (16).

Монеты: 14 и 15 – подражание дирхаму Джанибека, Сарай ал-Джадид, 1340–1356 гг. и 1346–1347 гг.; 16 – нечитаемая серебряная удельная (?) монета; 10 – пул конца XIV в. с двумя надчеканами: «лировидная тамга» и «Булгар»?; 13 – пул с надчеканом «лировидная тамга» конца XIV в., с отверстием.

Рис. 32. Изделия из цветных металлов и монеты.

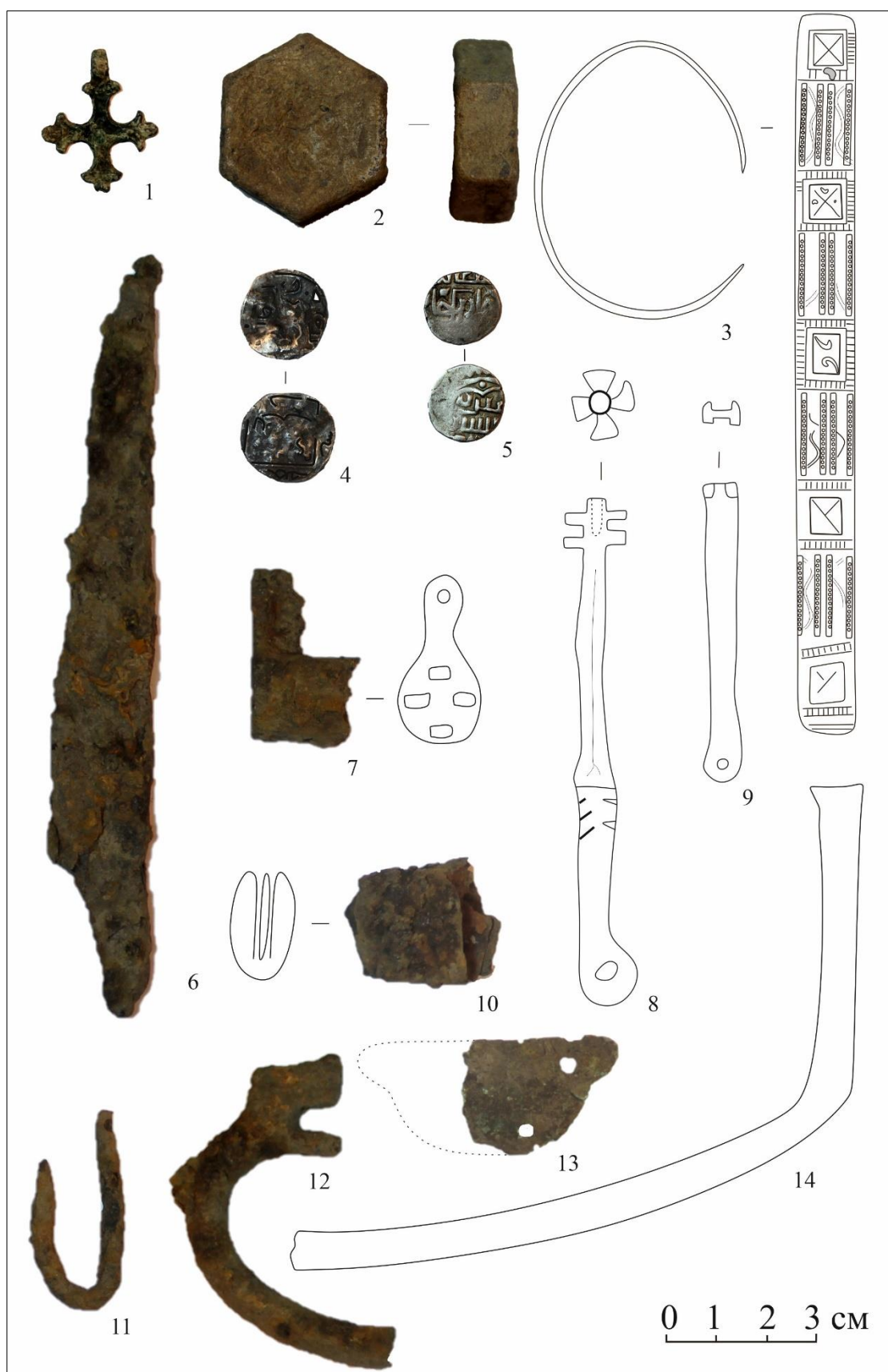

Илл. 33. Керамика с селища Сареево 4.

Поселение	Примеси		
	шамот	раковина	песок
Сареево 1			
	золотордынская 		
Ильина Гора 1			

0 1 2 3 см

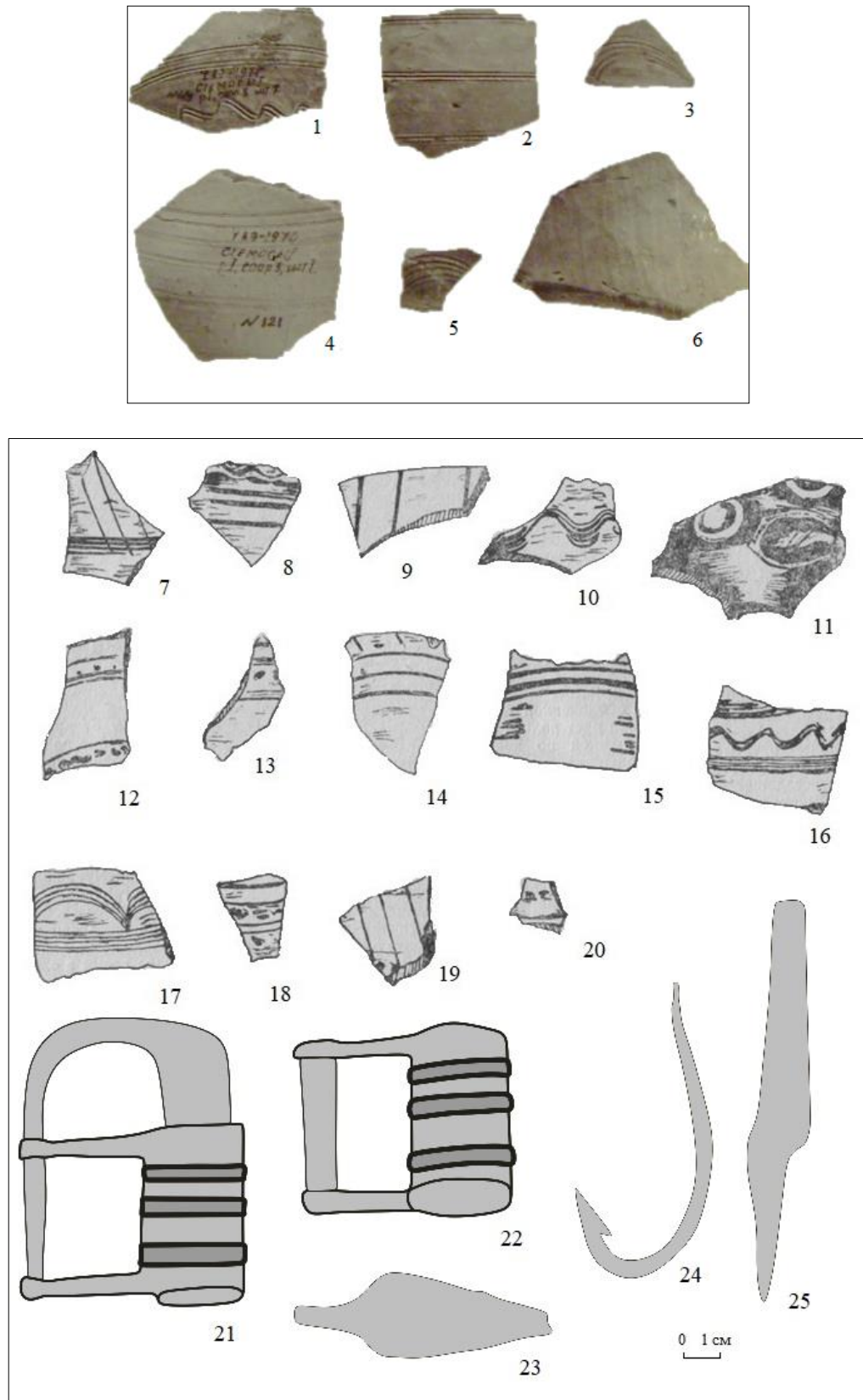
Илл. 34. Керамика с селища Сареево 1 и Ильина Гора 1.

Условные обозначения: 1 – нательный крест, 2 – гирька для весов, 3 – браслет, 4–5 – дирхам хана Джанибека, 6 – нож, 7 – замок, 8–9 – ключи, 10 – гарда от ножа, 11 – рыболовный крючок, 12 – стремя, 13 – накладка, 14 – чугунный котёл.

1, 4–5 – серебро, 2 – свинец, 3, 13 – бронза, 6–12 – железо.

Илл. 35. Находки с селища Сареево 4.

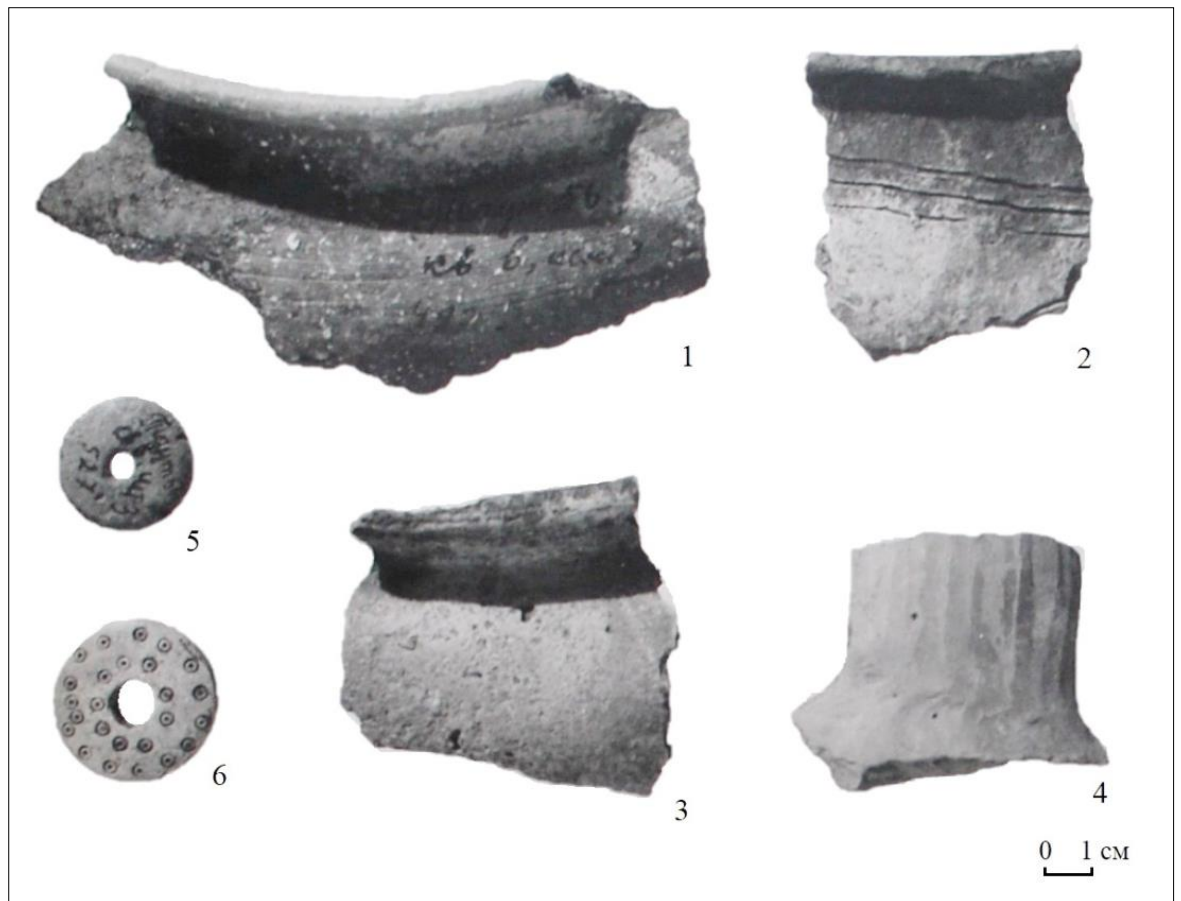
Условные обозначения: 1–20 – керамика, 21–22 – замки, 23 – стрела, 24 – рыболовный крючок, 25 – нож.

Рис. 36. Находки с поселения Стемасы 1 (по В.Ф. Каховскому).

Условные обозначения: 1 – стенка сосуда с линейным орнаментом (Стемасское 1 поселение), 2 – горловина сосуда, 3, 7 – стенки сосуда, 5 – фрагмент ручки, 4, 6 – венчики, 8 – замок, 9 – пряслице (поселение Устиновка).

Рис. 37. Керамика в болгарских традициях и находки со Стемасского 1 и Устиновского поселений (по В.Ф. Каховскому).

Условные обозначения: 1 – керамика славяноидная, 2, 3 – венчики, 4 – ручка сосуда с вертикальным лощением, 5 – глиняное пряслице, 6 – костяное пряслице с циркульным узором.

Рис. 38. Керамика с поселения Таутово (по Н.В. Трубниковой).

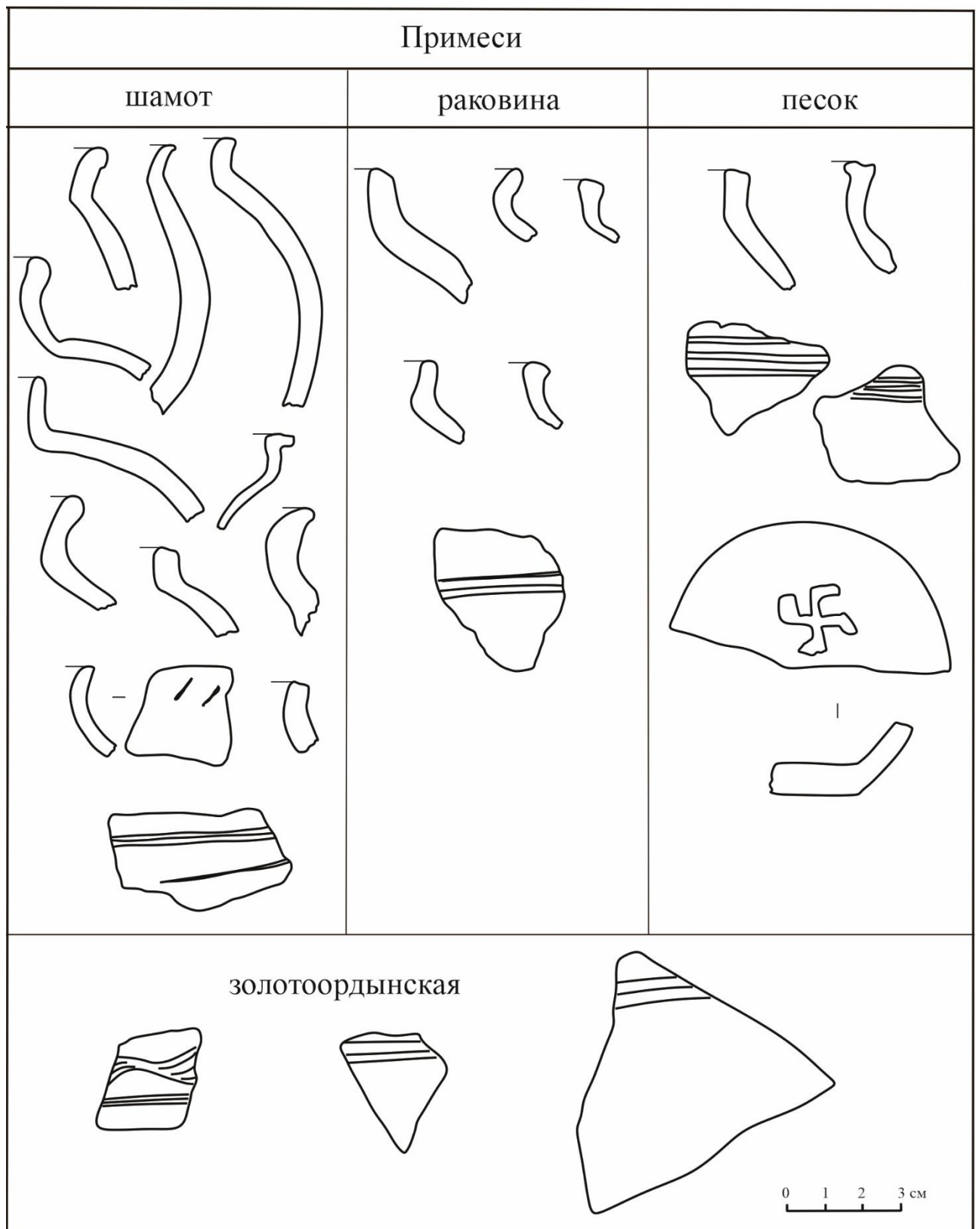
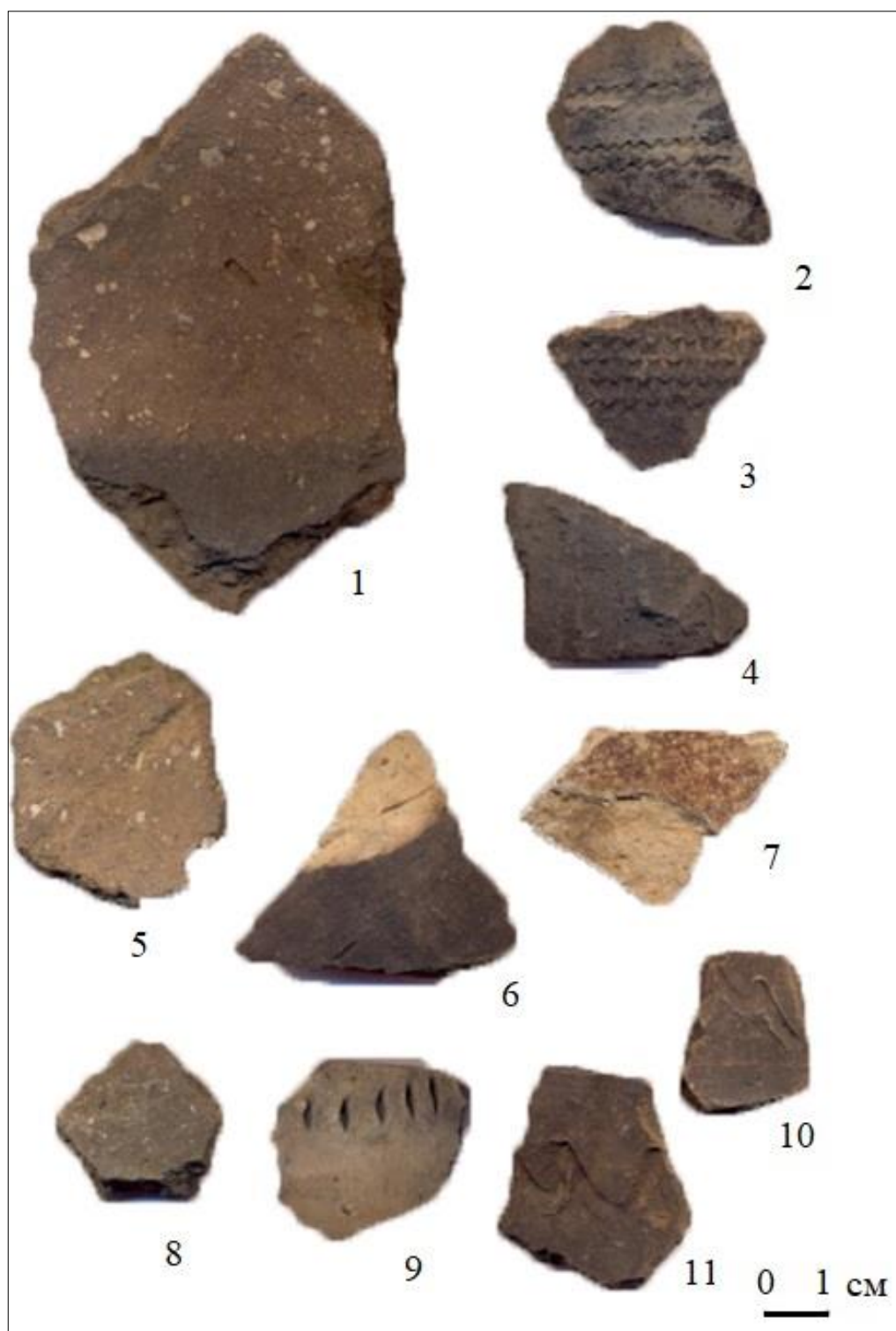

Рис. 39. Керамика поселения Таутово.

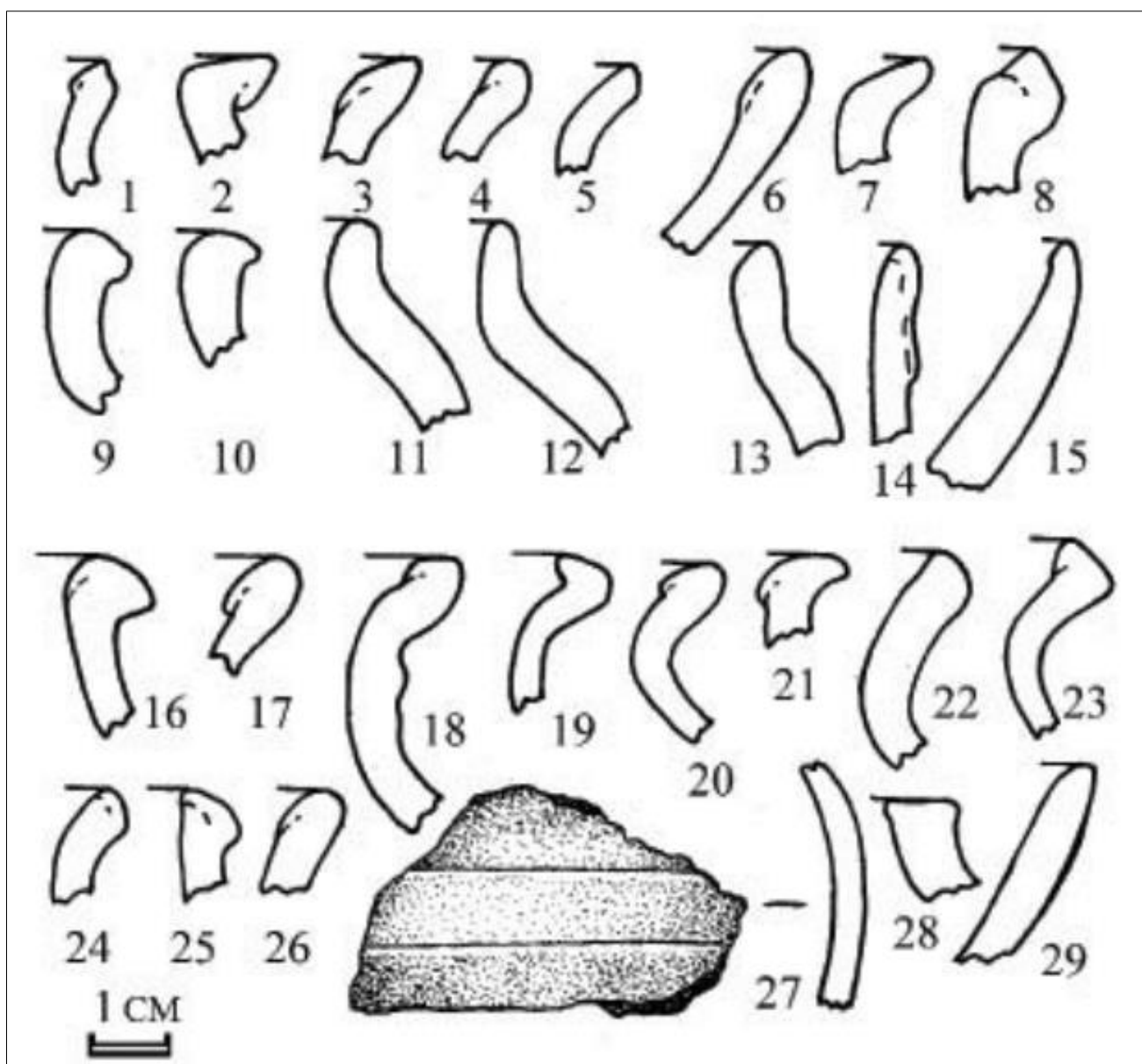
Условные обозначения: фрагменты стенок сосудов – гончарных красноглиняных с примесью аргиллитовой гальки и песка (1–3, 5), толчёной раковины (8, 9), мелкозернистого песка и линейным орнаментом (10, 11), белоглиняных подгруппы 5.1 (6, 7), сероглиняной грубой (4).

Рис. 40. Керамика с поселения Мурзицы 1 (по Н.Н. Грибову).

Условные обозначения: фрагменты стенок гончарных сосудов морёной (11), белоглиняной (12–15), красноощёной (1–7), чёрноощёной (8–10) керамики.

Рис. 41. Керамика с поселения Мурзицы 1 (по Н.Н. Грибову).

Условные обозначения: фрагменты венчиков (1–26, 28, 29) и стенки (27) керамических сосудов из верхнего (1–15) и нижнего (16–29) горизонтов культурного слоя.

Русская средневековая гончарная с примесью дресвы или среднезернистого песка: 1–5, 16–27; лепная мордовская с примесью шамота – 28, 29; гончарная с примесью раковины – 6, 7; гончарная с примесью шамота – 13; гончарная с примесью мелкозернистого песка – 11, 12; гончарная с примесью аргиллита и осколков белемнитов – 8–10; мореная – 14–15.

Рис. 42. Керамика с поселения Мурзицы 1 (по Н.Н. Грибову).

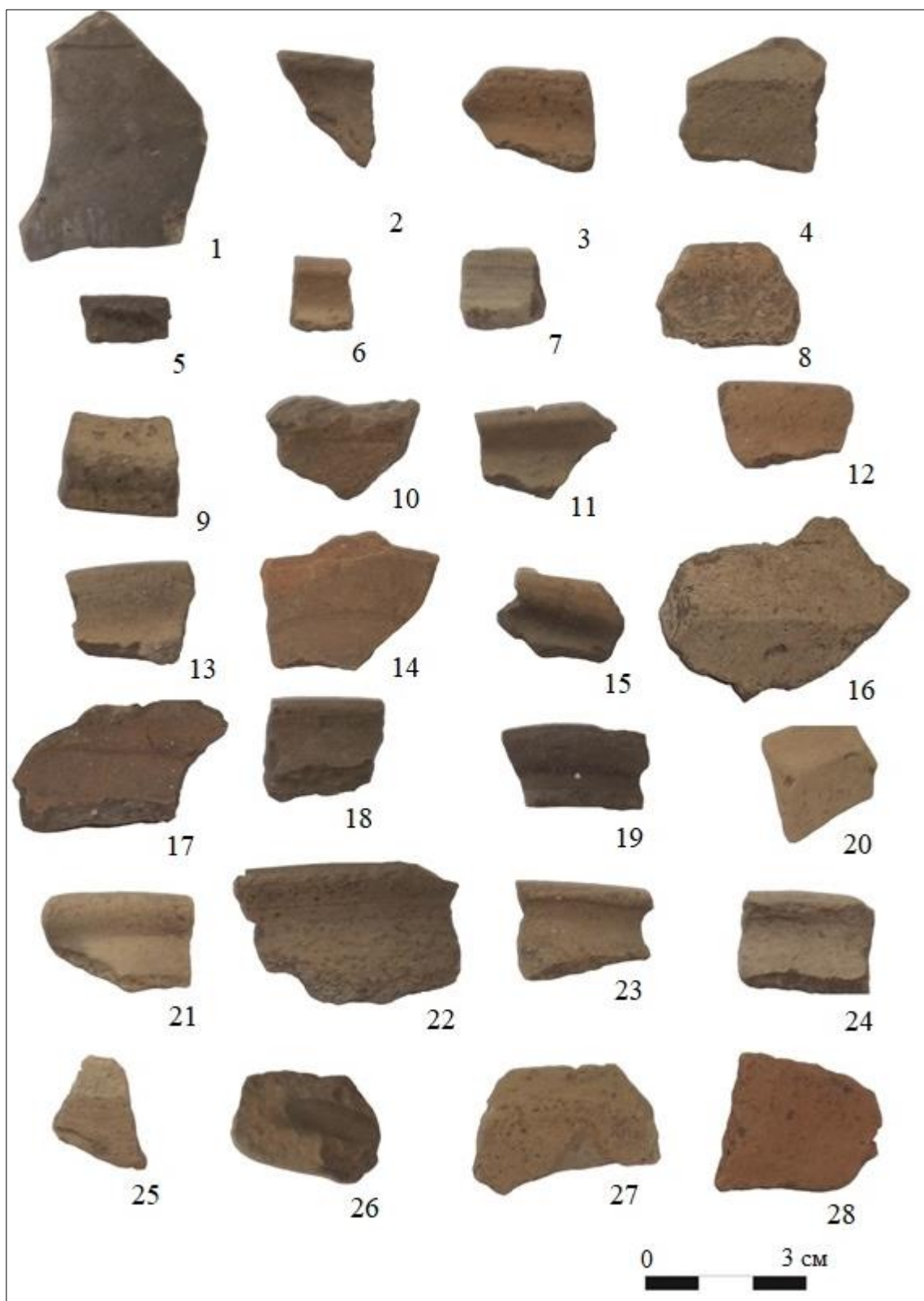
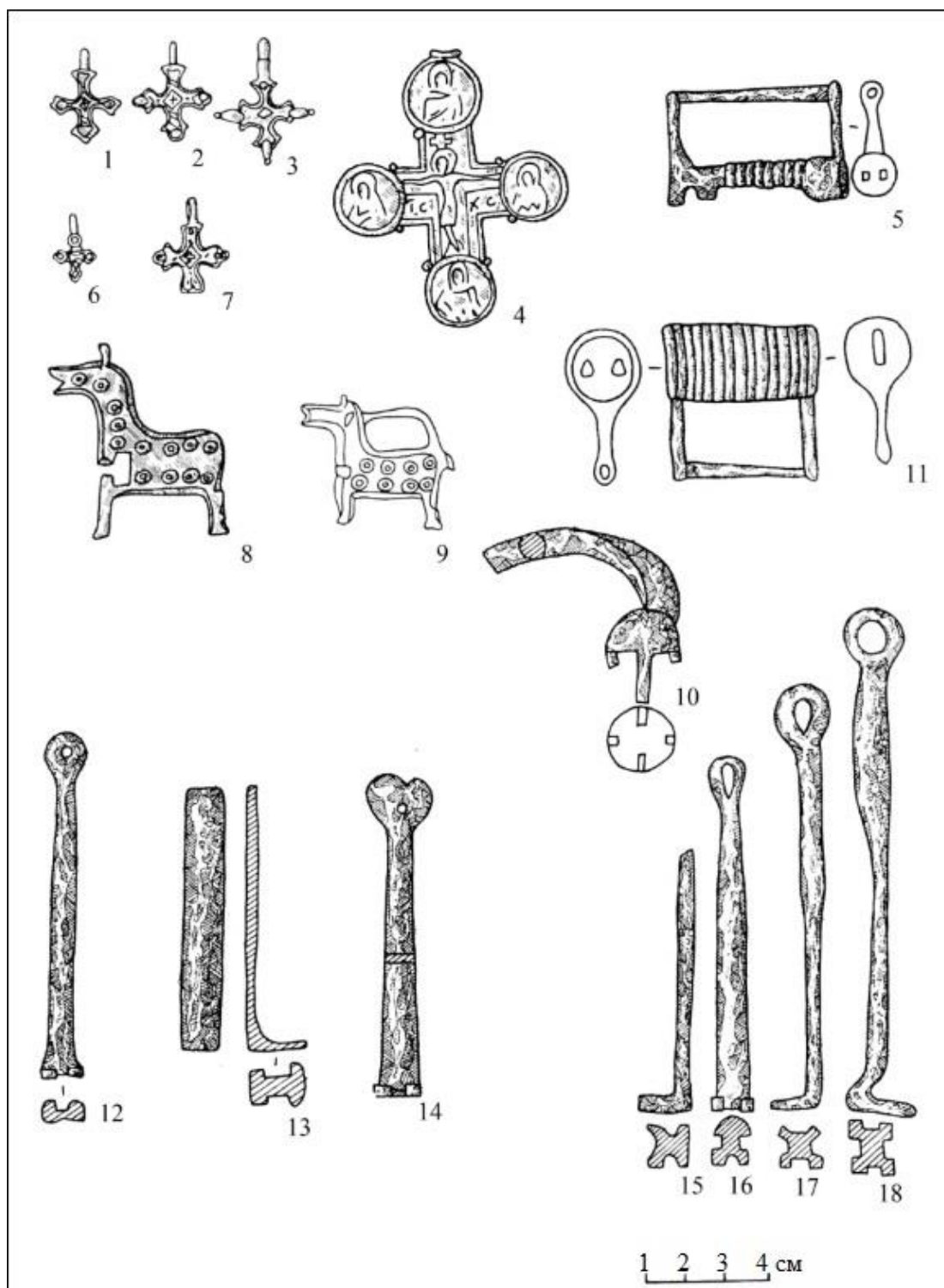

Рис. 43. Подъёмный материал с поселения Новое Жилище (по Ж.С. Калыгиной).

Условные обозначения: 1–3 сьюльгамы, 4 – пластина, 5 – браслет, 6 – крест-тельник, 7 – дирхам, 8 – височное кольцо, 9 – накладка, 10–12 – ножи, 13–19 – бусины, 20 – накладка, 21–23 – ключи и замки.

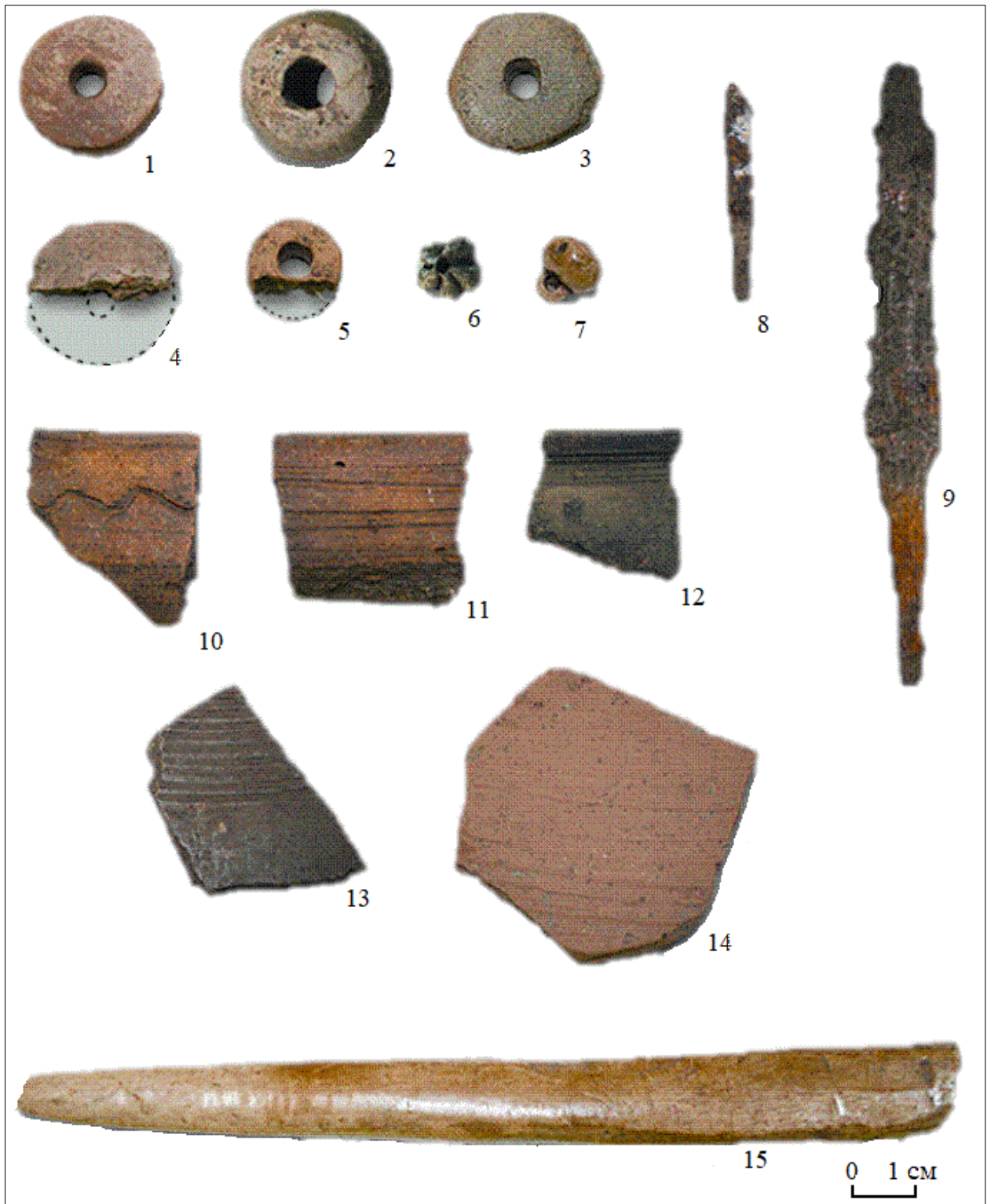
Рис. 44. Предметная коллекция с поселения Утюж (по Н.С. Березиной и Н.С. Мясникову).

Условные обозначения: 4, 5 – Васильсурское V городище, 9, 15–18 – Красное Селище, 6, 7, 11 – Юльяльское поселение и могильник, 1–3, 8, 10, 12–14 – Мало-Сундырское городище.

1–3, 4, 6, 7 – кресты, 5, 8, 9, 11 – замки, 10 – дужка от замка, 12–18 – ключи.

Рис. 45. Предметная коллекция памятников Горномарийского края (по Т.Б. Никитиной).

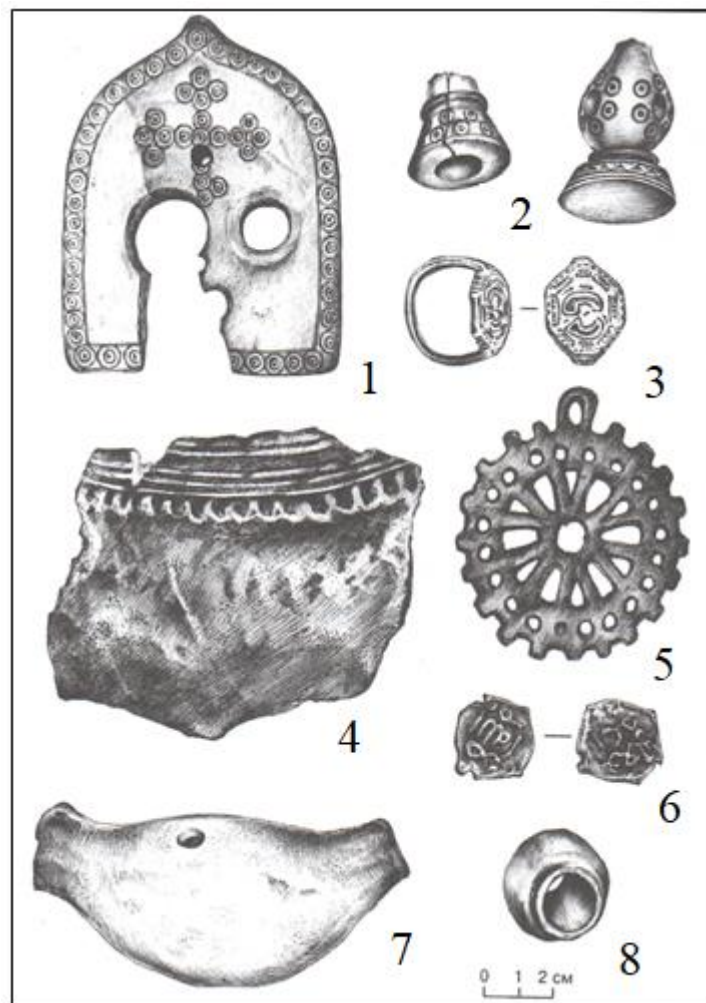
Условные обозначения: 1–5 – пряслица, 6–7 – бусины, 8–9 – железный нож, 10–14 – керамика, 15 – костяной кочедык.

Рис. 46. Находки с поселения у с. Порецкое.

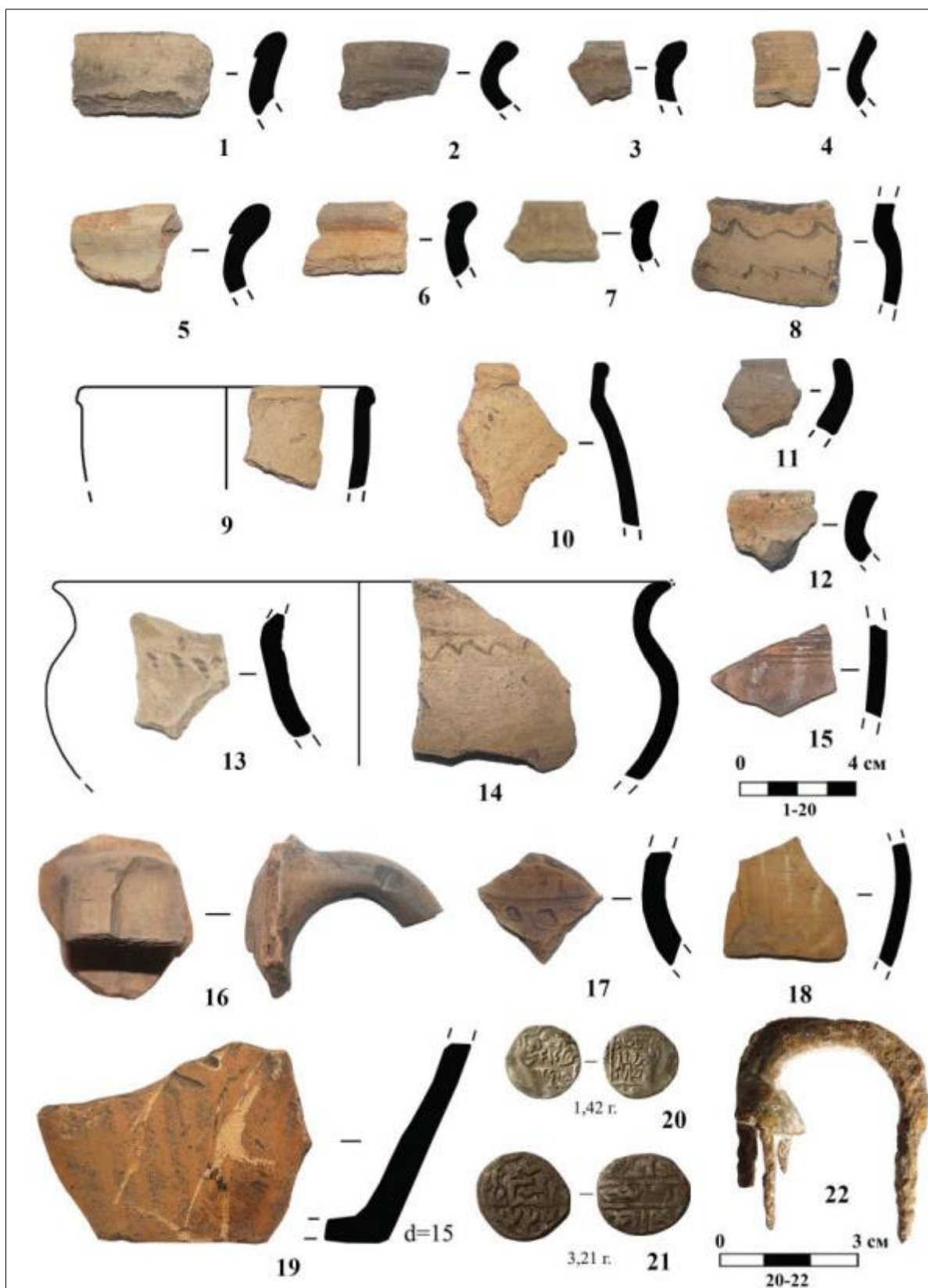
Условные обозначения: 1 – бронзовая накладка на сумку, 2 – бронзовый бубенчик и 3 – серебряный дирхам.

Рис. 47. Находки с поселения у с. Ряпино (по А.А. Семёнову и М.И. Федулову).

Условные обозначения: 1 – костяная пластина с циркульным орнаментом, 2 – шахматная фигурка, 3 – перстень, 4 – керамика, 5 – бронзовая фигурная пластина, 6 – медный пул, 7 – глиняная фигурка, 8 – бронзовая втулка.

Рис. 48. Предметная коллекция с Козловского селища (по В.Н. Алмантаю).

Условные обозначения: 1–7, 9–12 – венчики сосудов, 8, 13–15, 17, 18 – стенки сосудов, 16 – ручка от сосуда, 19 – донце сосуда, 20 – серебряный дирхам, 21 – медный пул, 22 – железная дужка от цилиндрического замка.

Рис. 49. Подъёмный материал селища Сара 5 (по Л.А. Вязову).

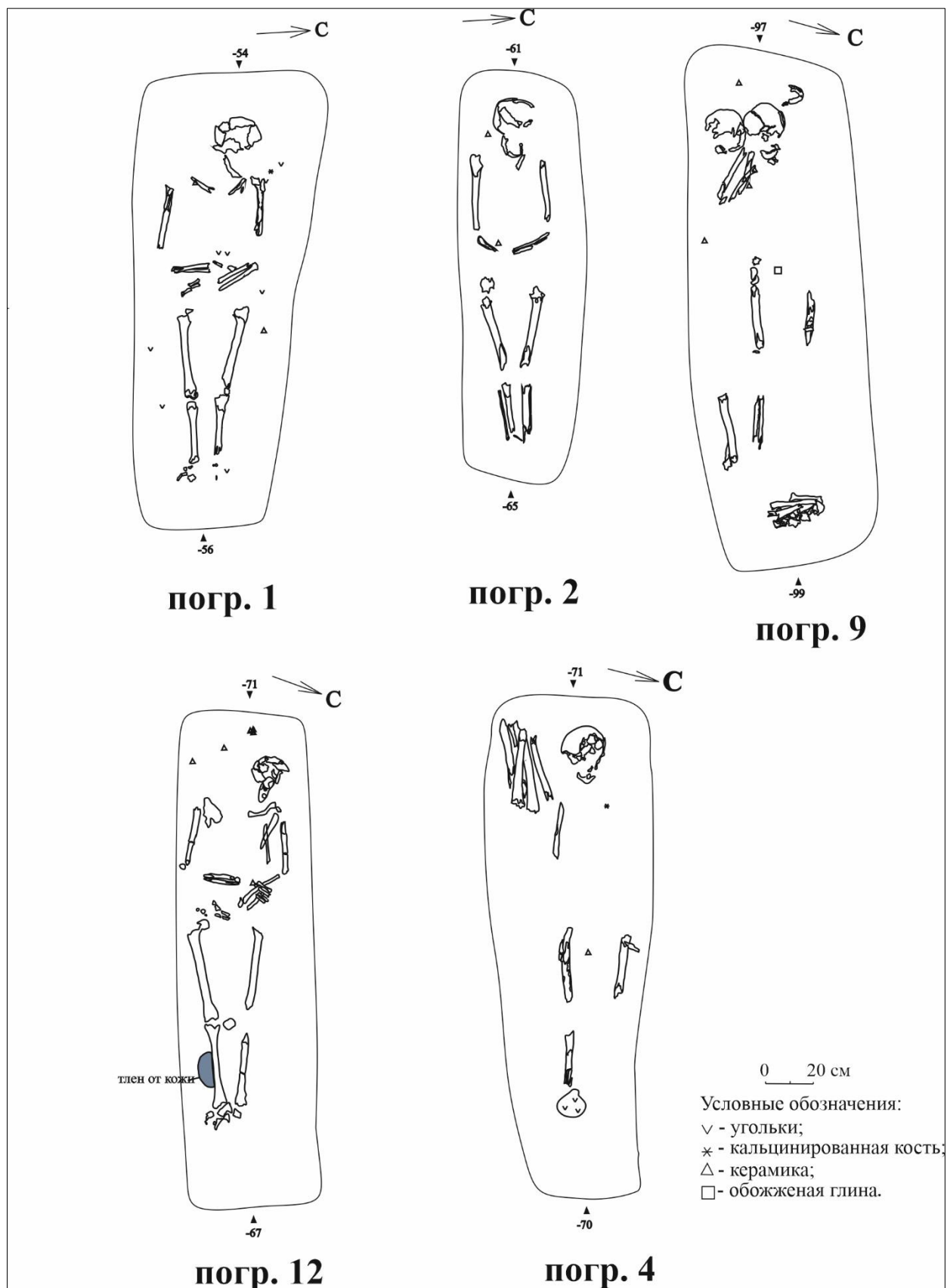
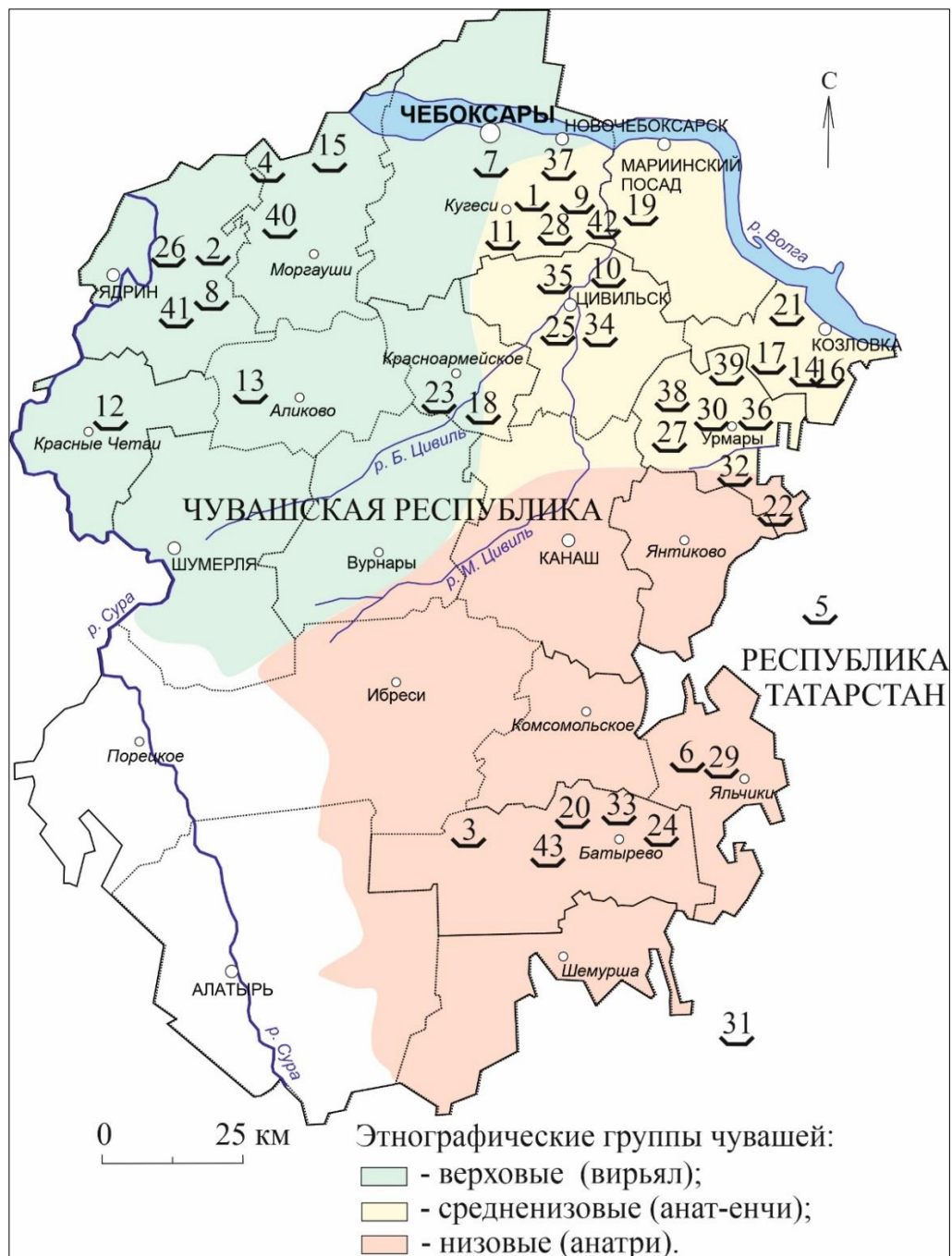
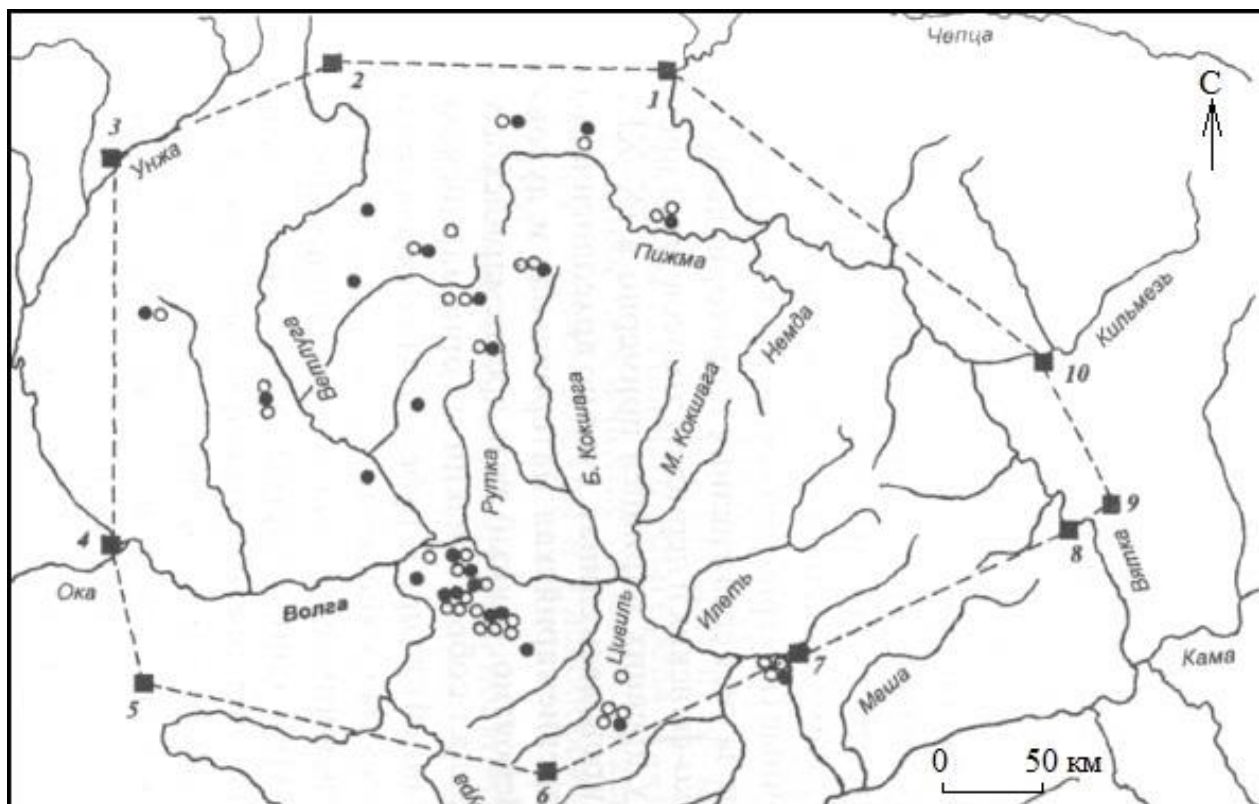

Рис. 50. Могильник на территории Козловского городища. Погребения №1, 2, 4, 9, 12.

Условные обозначения: 1 – Акулевский; 2 – Балдаевский; 3 – Бахтигильдинский; 4 – Большекарачкинский; 5 – Большемеинский; 6 – Большетаябинский; 7 – Вачалкасинский; 8 – Верхнеачакский; 9 – Верхнемагазский; 10 – Вурмерский; 11 – Икковский; 12 – Калугинский; 13 – Каракловский; 14 – Карачевский; 15 – Каршлыхский; 16 – Катергинский «Ача масарё»; 17 – Катергинский «Тубах масарё»; 18 – Кирегаський; 19 – Кочинский; 20 – Малоарабузинский; 21 – Мартыновский; 22 – Мусирминский; 23 – Нижнекожарский; 24 – Новоахпердинский; 25 – Новосюрбеевский; 26 – Новоядринский; 27 – Орнарский; 28 – Первоклычевский; 29 – Полевокозыльярский; 30 – Староурмарский; 31 – Старошаймурзинский; 32 – Старощелканский; 33 – Татмыш-Югелевский; 34 – Таушкасинский; 35 – Тебикасинский; 36 – Тегешевский; 37 – Толиковский; 38 – Чегедуевский; 39 – Чирш-Сирминский; 40 – Юнгапосинский; 41 – Ядриновский; 42 – Яндашевский; 43 – Яншиховский.

Рис. 51. Карта-схема чувашских могильников.

Условные обозначения:

1 – Котельнич

2 – Шарья

3 – Макарьев

4 – Нижний Новгород

5 – Дальнее Константиново

6 – Ибреси

7 – Казань

8 – Вятские Поляны

9 – Кизнер

10 – Кильмезь

● – гидронимы на -важ, -баж, -важи, -ваш, -ваши

○ – топонимы на -нер, -нар, -енер, -нер, -ингер

Рис. 52. Граница распространения гидронимов и топонимов на территории республик Марий Эл, Чувашия и Татарстан, Кировской и Нижегородской области (по И.С. Галкину).